

Юрий Нестеренко

Лекарство от любви

...Но с детства я выбрал тропку от общей тропы вдали,
И мне задавали трепку, но выправить не могли.
"Ах, как это все некстати!" – вздыхает моя родня,
Но я не желаю – в стаде. И стая – не для меня.

Но я не желаю власти – своей или над собой,
Мне чужды восторги части, сливающейся с толпой.
Не часть и не половина – я целый, и в этом суть!
Мне горы прикроют спину, мне звезды укажут путь.
И я выхожу из круга, и я удаляюсь прочь.
Одна у меня подруга – холодная злая ночь.
Одна у меня морока – достойно встречать зарю.
Одна у меня дорога – которую сам торю.

Кай Бенедикт отложил перо и с довольной улыбкой откинулся на стуле. На этот раз вышло действительно хорошо. Это не злые сатирические куплеты, которые чернь поет в кабаках, когда все уже настолько пьяны, что не боятся шпионов. Это искусство, настоящая поэзия. "Одинокий волк" – возможно, лучшее его стихотворение.

Которое, конечно же, никогда не будет опубликовано, как и прочие его стихи. Никто в Империи не рискнет печатать Кая Бенедикта – даже те его произведения, что как будто не содержат явной крамолы. Хотя при желании, разумеется, крамолу можно усмотреть, где угодно – даже в стихотворении о безнадежно-тоскливом осеннем утре или, напротив, о цветах, пробивающихся сквозь камень. Но столь глубоко смотрят лишь глаза имперских цензоров. Для простого народа все, что не содержит прямых насмешек над Императором или выпадов в адрес Светлого Совета – ну или, разумеется, скабрёзностей и пошлостей, до коих Кай никогда не опускался – все это слишком заумно и уныло. Его сатиры распевают и цитируют повсюду – часто при этом безобразно перевирая его идеальные рифмы и ломая его безупречный размер, и даже не понимая этого – но его истинные, его настоящие стихи переписывает от руки какой-нибудь десяток-другой ценителей...

Впрочем, не сам ли он только написал, что следует собственным путем и не зависит от мнения толпы? Да, разумеется. Он никогда не старался и не будет стараться угодить чьим-либо вкусам, кроме своих собственных. Поэт и писатель заканчивается, как только начинает думать не о том, что он хочет сказать, а о том, что от него хотят услышать; угождать клиентам – удел шлюхи, а не творца. Но, демоны, это не значит, что ему никогда не бывает обидно...

В дверь постучали.

Кай Бенедикт вздрогнул и почувствовал, как учащается пульс. Он ненавидел этот звук. Ненавидел еще в те времена, когда самым худшим, что могло ему грозить, было известие о грядущем повышении арендной платы или жалоба соседей снизу, что он ходит по комнате по ночам, и скрипящие половицы мешают им спать. Но даже если соседи приходили не с жалобой, а, напротив, с предложением дружески распить бутылочку, это было немногим лучше. Кай не желал им зла, пусть себе веселятся, сколько влезет, лишь бы где-нибудь подальше от него. Он не терпел вторжений в свое личное пространство. Почему вообще люди считают, что, когда они стучат, им обязаны открыть? Увы, его дом – те несколько десятков разной степени паршивости подвалов, чердаков и мансард, которые он называл этим словом на протяжении своей сознательной жизни – никогда не был ему достаточно надежной крепостью.

И уж тем более теперь.

– Господин Бенедикт, откройте. Я знаю, что вы дома.

Ну разумеется, они знают. Как бы тщательно он ни занавешивал окно мансарды, свет свечи можно заметить снаружи. И гасить ее, понятное дело, поздно. Дверь заперта, но на то, чтобы ее высадить, у стражников едва ли уйдет больше минуты. Успеет ли он за это время выбраться через окно на крышу? Скат довольно крутой, но если съехать по нему до карниза... Ему уже доводилось уходить от погони, перепрыгивая с крыши на крышу, и, хотя ему совсем не нравились подобные приключения, холодный каземат без права читать и писать нравился ему гораздо меньше.

Он поспешно сложил листок со свеженаписанным стихотворением и сунул его за пазуху – чернила еще не просохли, но это сейчас не главная проблема – затем метнулся к стене, где стояла, прислоненная, словно трость, шпага в ножнах, подхватил ее, вскочил на стол, распахивая окно в сырую холодную ночь (пламя свечи заметалось и затрещало, но не погасло)...

– Господин Бенедикт. Не стоит.

Голос звучал уже внутри комнаты, и Кай обреченно обернулся.

У двери стоял вовсе не капрал городской стражи и даже не офицер имперской гвардии, а не слишком высокий старик в сером плаще с капюшоном. Длинное худое лицо, длинная, но довольно жидкая сивая борода, нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза под сросшимися бровями. Но вовсе не эти детали привлекли внимание Кая. Он смотрел на дверь за спиной визитера. Она была в полном порядке, и засов оставался на месте.

– Я Игнус, – любезно представился незваный гость. – Тот самый. Глава Светлого Совета. Поговорим?

Кай закрыл окно и нехотя спрыгнул на пол. Он впервые видел этого человека, в адрес которого выпустил столько поэтических стрел. В отличие от Императора, чьи портреты висели на каждом углу, члены Светлого Совета не стремились к публичности. Кажется, их изображений не существовало вовсе, ибо говорят, что в умелых руках портрет мага может стать оружием против него... Тем не менее, у Кая не возникло сомнений, что старик говорит правду. Способ, которым он вошел, свидетельствовал об этом лучше любых верительных грамот.

– Насколько я понимаю, заклинание прохождения сквозь стену весьма трудное, – проворчал Кай, – и вам теперь потребуется время, чтобы восстановить силы.

– Примерно час, – уточнил гость столь же любезным тоном.

– И в течение этого часа вы будете самым обычным человеком. Немолодым, не очень сильным... и, кажется, безоружным. Что помешает мне, к примеру, проткнуть вас шпагой прямо сейчас?

– Три обстоятельства, – спокойно ответил Игнус. – Во-первых, дом окружен стражей. И на единственной крыше, куда вы можете отсюда допрыгнуть, вас тоже уже ждут.

– Вот как, – буркнул Кай. – Ну что ж, вы, по крайней мере, учитесь на своих ошибках, – он опустил на стул с видом человека, умеющего проигрывать с достоинством. – Тем не менее, я все еще могу взять вас в заложники и диктовать условия.

– Второе обстоятельство, – невозмутимо продолжал Игнус, – состоит в том, что за ваши стихи, подрывающие государственные устои, вам грозит всего пять лет тюрьмы. Мы же просвещенные, цивилизованные люди. А вот убийство или покушение на убийство караются смертной казнью. И вы, как человек разумный, не станете отягощать свое положение.

– На вашем месте я бы не был так самонадеян, полагаясь на чужую разумность, – усмехнулся Кай. – Хотя, конечно, я...

– Третье обстоятельство, – продолжал гость, игнорируя его реплику, – заключается в том, что вам любопытно, зачем я явился к вам лично, подвергая себя упомянутому вами риску, хотя мог бы просто приказать, чтобы вас доставили ко мне в кандалах, при этом не тратя ни грана магической силы. Или, что еще более вероятно, просто удовольствоваться докладом, что смутьян пойман и водворен в узилище. Не выслушав меня, вы не станете предпринимать ничего непоправимого. А выслушав – тем более.

– Хорошо, – сказал Кай. – Итак, у сильнейших магов Империи и повелителей мира возникла проблема, решить которую может только простой смертный Кай Бенедикт. Надеюсь, дело не в том, что у вас закончились лизоблюды, готовые слагать патриотические оды, и вы намерены предложить эту малопочтенную работу мне?

– Нет, господин Бенедикт, проблема гораздо серьезнее, и мы сэкономим время, если вы не будете ерничать. Давайте сразу договоримся, что я отдаю должное вашей язвительности, а других слушателей здесь все равно нет... Вы не предложите мне сесть?

– Как видите, у меня тут только один стул, – усмехнулся Кай. – Я не имею обыкновения принимать гостей. Но, конечно, можете сесть на кровать.

Маг опустился на старую продавленную кровать, небрежно накрытую покрывалом; та недовольно скрипнула.

– Наша проблема, – сказал он, – зовется Изольда. Она же – Изольда Прекрасная, она же – Чернявая Ведьма... и несколько менее пристойных прозвищ. Вы о ней слышали?

– Что-то слышал, но, признаюсь, не придавал большого значения, – честно ответил Кай. – Слухи о том, что где-то на окраинах появился маг, противопоставивший себя Светлому Совету, ходят постоянно. Но, как бы сильно я ни хотел обратного, доселе вам, кажется, удавалось давить любую оппозицию в зародыше.

– Мы предпринимаем чрезвычайные усилия, чтобы гасить эти слухи, – кивнул Игнус, – и пока что у нас получается скрывать масштаб проблемы. Но ситуация действительно очень, очень серьезная. Фактически... я вынужден это сказать, но впервые со времени Вольдемара Проклятого появился маг, всерьез претендующий на единоличную власть над Империей и, соответственно, над всем цивилизованным миром. И на вашем месте я бы этому не радовался. Вы можете называть существующий режим тиранией и диктатурой из-за того, что, по-вашему, Светлый Совет навязывает всем свои представления о добре и зле и запрещает все, что способно привести на Темную сторону... но то, что несет миру Изольда, гораздо страшнее, уверяю вас.

– Было бы странно, если бы вы считали иначе, – усмехнулся Кай. – Но как все-таки вы ее упустили? Ведь предотвращать подобное – одна из главных функций вашего Совета... во всяком случае, официально.

– Как вам известно, маги рождаются чрезвычайно редко. Каждый – со своим врожденным даром... который может быть развит и многократно усилен учением и тренировками и дополнен иными магическими навыками, но не может быть изменен. Маг Огня, к примеру, может овладеть магией Земли, но его основой все равно останется магия Огня, в ней он достигнет наибольших вершин и через нее будет черпать свою силу... После победы над Вольдемаром – победы в войне, обратившей в руины чуть ли не половину мира – Светлые маги действительно поставили своей целью отслеживать рождение каждого Темного и... нейтрализовать угрозу в зародыше.

– То есть убивать детей.

– Поначалу их хотели всего лишь брать под контроль... изымать у родителей и воспитывать таким образом, чтобы они даже не догадывались о своих магических способностях... но это не работает. Суть прорывается наружу, знаешь ты о ней или нет, хочешь ты этого или нет. Поэтому, в общем, у нас не осталось другого выхода... осуждать нас за это легко, но я посмотрел бы на вас, что бы вы сказали, доведись вам жить под властью Вольдемара...

– Вы напрасно считаете меня чистоплюем. Вполне возможно, что Вольдемара и в самом деле стоило бы убить еще во младенчестве. Вот только вы не доказали, что всякий Темный – это будущий Вольдемар. Единственный опыт не может быть основой теории.

– Цена ошибки слишком высока, чтобы ставить новые опыты. Да и потом, были прецеденты и до Вольдемара, просто их удавалось остановить раньше... Конечно, освоить Темное искусство может и маг, рожденный без соответствующего дара. Но, как я уже сказал, он никогда не достигнет в нем вершин и не сможет одолеть с его помощью даже одного урожденного Светлого, а тем более – совокупную мощь Совета. С Изольдой же вышло... иное. Мы упустили ее, поскольку ее дар не относится к темным. Не некромантия, не сглаз, не порча – ничего такого, во всяком случае, в буквальном смысле. Ее дар абсолютно уникален. Точнее, возможно, что-то подобное и встречалось в прошлом, но не достигало такой силы и не попало в летописи, оставшись лишь на уровне романтических легенд...

– Так что же это за дар? – поторопил Кай.

– Любовь.

– В каком смысле? – иронически усмехнулся Бенедикт.

– В прямом. Всякий, кто увидит ее – а в последнее время и вообще всякий, оказавшийся поблизости от нее – влюбляется в нее мгновенно, окончательно и бесповоротно.

– И все?

– Теперь она уже овладела и другими магическими навыками. Но ее основа – именно эта.

– И с этой штукой она надеется завоевать мир?

– Армия ее преданных рабов множится с каждым днем. И чем их больше, тем она сильнее не только физически, но и магически. В их любви она черпает свою силу.

– Эта армия должна состоять из ненавидящих друг друга ревнивцев. Она ведь не может достаивать своей благосклонности всех подряд? Хотя даже в этом случае...

– На сей счет сведения противоречивые, – признал Игнус. – Как вы понимаете, разведка в таких условиях чрезвычайно затруднена. Но никого постоянного у нее вроде бы нет.

– В любом случае, я удивляюсь, как никто еще не зарезал ее с криком "так не доставайся же ты никому!"

– Да, насколько нам известно, дисциплина там не лучшая. Постоянные потери из-за дуэлей и прочих внутренних стычек. Но приток нового пополнения их с лихвой перекрывает. Что касается покушений на саму Изольду, то они были. Но всякий раз бросавшийся на нее с мечом или кинжалом, не добежав, падал ей в ноги в слезах раскаяния, моля даже не о прощении, а о смерти. Она в таких просьбах обычно не отказывает.

– А стрелять издали никто не пробовал?

– Когда-то это, наверное, можно было сделать, но сейчас она вошла в такую силу, что к ней нельзя безопасно приблизиться не то что на расстояние полета стрелы, но и на многие мили. Мы не знаем точно, на сколько именно.

– Если я что-нибудь понимаю, на нее покушались не только ревнивцы.

– Вот уже много месяцев мы тщетно пытаемся ее остановить, – признал Игнус. – Поначалу мы пытались действовать по принципу "клин вышибают клином". Подсылали к ней преданно и пылко влюбленных, в надежде, что они останутся верны своим возлюбленным. Увы – они забывали свою прежнюю любовь в тот самый момент, как видели Изольду. Посылали самых прожженных распутников, которые никогда не были верны ни одной женщине и вообще считали всех их животными для убления похоти. Теперь все они готовы умереть за один взгляд Изольды. Нет, к другим женщинам их отношение не поменялось, но она для них – богиня. Мы посылали стариков, чьи страсти, казалось бы, давно угасли. Посылали убийцу-скопца – он покончил с собой от отчаяния...

– Как насчет женщин? Их вы посылали?

– "Сестры", – выдал Игнус с отвращением. – Теперь это – едва ли не самое преданное подразделение ее разведчиц и диверсанток... Мы долго искали того, кто неподвластен ее чарам. Искали среди магов, но никто из нас не обладает силой, способной защитить от любви...

– Ну еще бы, – усмехнулся Кай. – У Светлых ведь любовь всегда числилась в списке добродетелей, и едва ли не на первом месте?

– Не такая! – возмущенно возразил Игнус. – Настоящая!

– Не вижу никакой разницы, – холодно заметил Кай. – Чувства, которые человек испытывает – а не симулирует – всегда настоящие, каким бы ни был их источник. Страх – это всегда настоящий страх, независимо от того, реальна ли опасность, или это магический морок; главное, что человек верит в ее реальность. Точно так же и с любовью. Ослепление и потеря головы обычного влюбленного ничем не лучше, чем то, что вы описываете. Ну, разве что тем, что ваша настоящая любовь все же заканчивается гораздо быстрее.

– Мы искали и среди циников, писателей и светских остроумцев, рассуждающих подобным образом, – кивнул Игнус. – Увы – их цинизм закачивается, стоит им оказаться возле

Изольды. Искали по тюрьмам и камерам смертников самых отпетых и жестоких злодеев, которым, казалось бы, чуждо всякое понятие о любви. Им была обещана полная амнистия и столько золота, сколько они смогут забрать. Сейчас они работают у нее палачами, помогая поддерживать дисциплину... Искали среди философов, и даже нашли одного, но он настолько отрешен от всего мирского, что наотрез отказался участвовать в наших делах. Но нам никак не приходило в голову поискать среди поэтов.

– Шаблонность мышления вас погубит, – констатировал Кай. – Раз поэт – значит, непременно воспекает всю эту любовную чушь. Вы могли бы лучше ознакомиться с моим творчеством, прежде чем запрещать его.

– Мы ознакомились, – кивнул Игнус. – С творчеством... и не только. У вас тоже уникальный дар, Кай... хотя многие назвали бы его проклятием. Вы совершенно не способны любить.

– Разумеется, – усмехнулся Бенедикт, – с точки зрения большинства здравый рассудок – это проклятье. В стране слепых зрение считается болезнью. Особенно когда оно открывает неприглядные истины, которые можно игнорировать, обманывая себя в темноте. Например – что эта ваша любовь ничуть не более возвышенна, чем понос. Та же болезненная жажда удовлетворить некую неприглядную потребность ниже пояса, затмевающая все прочие мысли... но понос люди почему-то не идеализируют и не провозглашают смыслом жизни. Хотя из-за поноса не совершено и миллионной доли всех глупостей, гнусностей и преступлений, которые совершаются из-за любви.

– Да, да. Теперь нам уже известны ваши взгляды. Точнее говоря, теперь нам известно, что вы придерживаетесь их на самом деле, а не как те светские циники, которых я помянул раньше. Хотя бы это мы делать научились – определять, насколько человек способен любить, до того, как пошлем его к Изольде. Как я уже сказал, вы – только второй, кто не способен. Первым был отказавшийся философ, и взгляды его таковы, что его нельзя ни купить, ни запугать, к тому же ему уже за семьдесят, и он не в лучшей физической форме.

– А меня, стало быть, купить и запугать можно.

– Вам можно предложить взаимовыгодную сделку. Ничуть не противоречащую вашим принципам. Разве вы не ненавидите любовь? Не считаете ее худшим из человеческих безумий?

Любовь – не просто злейший враг ума,
Она – вершина несвободы.
Приносят беды голод и чума,
Но с ними борются народы;
Когда ж рабу мила его тюрьма,
То будут вечными невзгоды.

– процитировал Игнус. – Ваши стихи.

– Ранние. Хотя и неизменно справедливые.

– А сейчас – чрезвычайно актуальные.

– А ничего, что я вообще-то способен любить многие вещи? Например, груши или дыни. Или вечерние пейзажи. Или, кстати, хорошую поэзию. Вы будете смеяться, но есть даже парочка стихов про любовь, которые мне нравятся. Я не разделяю чувств их авторов, но не могу не восхищаться совершенством формы. Правда, таких всего парочка. А больше всего я, пожалуй, люблю одиночество.

– Кай, ну мы же с вами взрослые серьезные люди. К чему эта игра словами? Вы прекрасно понимаете, о какой любви речь.

– И вы хотите, чтобы я убил для вас Изольду.

– Не только для нас. Для всех. Для спасения мира от того самого рабства, которое вас всегда так возмущало.

– Не переубедил ее, скажем. Не обезопасил каким-то другим способом. А убил.

– Увы, но только ее смерть дает гарантию, и вы это понимаете. Вы разумный человек, так что обойдемся без пафосных слов.

– Я, конечно, почти вдвое моложе этого вашего философа и в лучшей форме. Но я не солдат и не секретный агент. Я никогда никого не убивал.

– Только не говорите, что вам претит сама идея убить безоружную женщину. Вы только что грозили шпагой безоружному старику.

– Грозить не значит убить, и вы, на самом деле, далеко не беззащитны...

– Она тоже.

– Вот это-то меня и волнует. По-вашему, я должен как-то пробраться через тысячи охраняющих ее преданных фанатиков в ее лагерь или что там у нее...

– Замок. В Беллиандских горах.

– Тем более.

– Но вам не придется прокрадываться туда тайно. Вы явитесь открыто. И она вас примет. Какая женщина откажется заполучить в число своих рабов лучшего поэта Империи?

– За комплимент спасибо, но я не падоку на лесть. Хотя и знаю себе цену. Допустим, я явлюсь пред ее светлые очи... или какие там они у нее?

– Черные.

– Прелестно, как в пошлой песенке... Она знает о существовании людей, неподвластных любви?

– Об этом надо спрашивать не у меня, – пожал плечами Игнус.

– Думаю, что знает. Если у нее уже тысячи поклонников, не думаю, что ни разу не случилось осечки. А если даже беспечна она сама, наверняка не беспечны те, кому она поручила свою охрану. Ну или не охрану, почетный эскорт, неважно. Какие-нибудь крепкие парни с мечами вокруг нее наверняка обретаются. Хотя бы из чисто эстетических соображений – как вы только что сказали, какая женщина откажется... И изнывают от невозможности послужить своей госпоже делом, а не одним лишь молодецким видом. Так что меня наверняка тщательно обыщут.

– Это не имеет значения. Вам не понадобится оружие, чтобы убить ее.

– Вы надеетесь, что я сделаю это голыми руками?

– Не обязательно руками. Чем угодно. Видите ли, это новейшее достижение имперских алхимиков. О такой возможности она и ее люди совершенно точно не знают. Вы выпьете одну субстанцию... после чего ваше тело начнет вырабатывать яд. Безвредный для вас, – поспешно добавил Игнус. – И для любого мужчины, в том числе, разумеется, и для тех, что будут вас обыскивать. Но смертельный для любой женщины. Любая жидкость вашего тела убьет ее.

– Вы хотите, – брезгливо поморщился Кай, – чтобы я все-таки притворился влюбленным в нее и...

– Нет. Я же сказал – мы не требуем ничего, что противоречит вашим принципам. Вам не придется с ней совокупляться или даже целоваться, если на то пошло. Достаточно простого прикосновения, если кожа будет хоть немного влажной. Или, скажем, плевка, если вам все же не дадут до нее дотронуться.

– Убить любовь, наплевав на нее, – усмехнулся Кай. – В этом что-то есть. Но что потом? Меня же растерзают.

– Нет. Со смертью мага его чары развеиваются.

– А действие этой вашей субстанции... обратимо?

– К сожалению, нет, – признал Игнус. – Во всяком случае, пока мы не знаем, как это сделать. Но вас ведь это не должно смущать. Вам же не нужны прикосновения женщин.

– Я не женоненавистник. Мне просто не нужна любовь. Но я не хочу случайно стать убийцей, если, к примеру, какая-нибудь портниха попытается снять с меня мерку.

– Обращайтесь только к портным-мужчинам, – пожал плечами маг. – Это не такое большое неудобство, учитывая все, что вы получите за выполнение миссии.

– Да, да. Самое интересное.

– Прежде всего, разумеется, полная амнистия за все, что вы написали... и когда-либо напишете в будущем. Более того – полное собрание ваших сочинений будет издано за государственный счет. Таким тиражом, что хватит на все книжные лавки и библиотеки Империи.

– Полное собрание издадут после смерти, – мрачно заметил Кай.

– Извините, неудачно выразился. Будет издано все, что вами написано на данный момент, а по мере новых творческих достижений будут публиковаться переиздания.

– Звучит заманчиво. Даже слишком. Учитывая, что только что вы считали, что мои стихи достойны тюрьмы.

– Лично я, замечу, так не считал, но даже глава Светлого Совета не всесилен. С моей точки зрения, в ореоле гонимого вы гораздо опаснее для государства, чем в качестве официально признанного классика. Пусть даже ваши тексты останутся теми же самыми – и даже более критичными. Любая критика власти, опубликованная при ее же содействии в книге с золотым обрезом, воспринимается совсем не так, как рукописная листовка, приколотая к стене кабака. Как видите, я с вами вполне откровенен.

– Да уж. Настолько, что мне впору отказаться от вашего любезного предложения и сохранить венец мученика.

– Думаю, что золотой венец пойдет вам все-таки больше.

– В каком смысле? – приподнял бровь Кай.

– В переносном. Я, кажется, опять неудачно выразился. Разумеется, корону Империи вам никто не предлагает...

– Я бы и не взял. Быть церемониальной марионеткой при Светлом Совете – спасибо, ищите другого дурака. Впрочем, одного вы уже нашли.

– Кай, я ведь просил вас не тратить время на упражнения в остроумии, – поморщился Игнус. – Тем более что вы не дослушали. Я имел в виду, что вы получите столько золота, сколько пожелаете... в реалистичных, конечно, пределах, но эти пределы достаточно широки. Вы сможете купить собственный замок, или даже парочку таковых... скажем, один – в горах, другой – на берегу моря... собственный парусник с экипажем... лучших лошадей в Империи... если в этом списке чего-то не хватает, только назовите.

– Хмм... ну а если я, к примеру, откажусь?

Игнус пожал плечами:

– Говоря о своей любви к одиночеству, вы вряд ли имели в виду тюремную камеру. Где не будет ни книг, ни писчих принадлежностей.

– Если ваши опасения верны, ваше государство падет гораздо раньше, чем окончится мой срок.

– И что с того? Вы думаете, Изольда вас освободит? С какой стати ей, намеренной поработить весь мир, освободить какого-то узника...

– Лучшего поэта Империи, – напомнил с усмешкой Кай.

– Как только она обнаружит, что вы неподвластны ее чарам, она вас ликвидирует как источник опасности. Либо же вам придется всю жизнь притворяться, изображая пылко влюбленного и славя ее в самых униженно-раболепных стихах. Для вас же это участь хуже смерти, разве не так?

– Так, – серьезно согласился Кай. – Простите, не мог удержаться от того, чтобы слегка вас поддразнить. Ведь именно этого вы ждете от поэтов? Что в ситуации абсолютно однозначного выбора между всем хорошим и всем плохим они, в силу какого-то совершенно идиотского каприза, выберут последнее. Или, как минимум, станут отказываться от заслуженной награды. Нет, разумеется. Я не такой. За сорок лет моей жизни мне много чем приходилось заниматься, ибо поэзия в вашей благословенной Империи не кормит совершенно... но ремесла наемного убийцы в этом списке не было. Что ж, говорят, поэту всякий опыт полезен. Особенно когда он

так хорошо оплачивается.

– Итак, вы согласны.

– Прежде хотел бы уточнить, какие у меня гарантии. Я не настолько наивен, чтобы верить Светлому Совету на слово.

– Документ, подписанный Императором, – Игнус извлек из-под плаща цилиндрический футляр, а из него – свиток с большой сургучной печатью.

– Это очень мило, но я ведь не могу взять его с собой во вражеский лагерь. А если я оставлю его здесь, он может случайно потеряться за время моего отсутствия, – осклабился Кай.

– Вы ознакомьтесь с текстом. Это официальный императорский указ. Пока что секретный, но тем не менее. Такие документы не теряются. Копия подлежит хранению в государственном архиве на вечные времена.

Бенедикт развернул свиток. Текст, по традиции, был каллиграфически выписан от руки с многочисленными завитушками, и Кай недовольно дернул уголок рта, продираясь сквозь все эти вензеля. Его миссия нигде не называлась прямо, именуясь "особым поручением, коего суть ведома Светлому Совету имперских магов", а о гонораре говорилось "вознагражден будет сообразно собственному пожеланию и возможностям императорской казны, но в размере не менее чем 10000 золотых или материальных ценностей, эквивалентных данной сумме, по выбору награждаемого".

– Десять тысяч золотых, и это нижняя граница, а не верхняя, – пробормотал Кай, считавший счастливым месяц, в который ему удавалось заработать хотя бы пять золотых. – Я всегда знал, что быть свободным от любви выгодно, но не подозревал, что настолько.

– Прежде, однако, вы должны выполнить миссию, – напомнил ему Игнус.

– Вы поможете мне чем-то, кроме этой вашей... субстанции?

– Да, конечно. Для начала вас посадят в тюрьму...

– Опять?!

– Мы не знаем, как далеко простирается шпионская сеть Изольды, – терпеливо пояснил Игнус. – Поэтому ваша легенда должна быть максимально убедительной.

– Ах вот в чем дело, – медленно произнес Кай. – Стало быть, то, что вы сами явились ко мне – это вовсе не демонстративная любезность.

– Вы проникательны, – невесело улыбнулся маг. – Да, даже в столице мы уже не можем чувствовать себя уверенно. Да и что значит столица... благодаря хорошим имперским дорогам от Беллиандских гор сюда можно добраться за неделю. Приходится исходить из предположения, что даже за членами Светлого Совета могут следить. Впрочем, не-маг, следящий за магом, всегда окажется в проигрыше, если маг подозревает слежку. Я оставил вместо себя вполне убедительную иллюзию... Так вот. По этой же причине вас арестуют не здесь. Кстати, отдаю должное вашей дерзости, вас разыскивают по всей стране, а вы поселились в считанных кварталах от императорского дворца...

– Хочешь получше спрятать – положи на видное место, – пожал плечами Кай.

– Остроумно, но, когда к вашему розыску привлекают магов, это не работает. Так вот, если вас возьмут здесь, то, разумеется, и заточить должны здесь же, в тюрьме для государственных преступников.

– В Цойберцауне, – кивнул Кай, – откуда, слава Светлой магии, невозможно бежать.

– Да, – Игнус сделал вид, что не заметил издевки. – Ваше этапирование отсюда на окраину выглядело бы абсурдным. Поэтому сегодня вам дадут уйти. Честно говоря, я солгал вам, говоря о стражниках на крыше. Они только внизу. Путь через крышу свободен, и после моего ухода вы им воспользуетесь. Имейте в виду, однако – стражники не знают о нашем уговоре, так что вам придется убежать от них всерьез.

– Ясно, – усмехнулся Кай. – Ну хотя бы за городские ворота меня выпустят?

– У вас будет примерно сорок минут, чтобы выбраться из города. Лучше всего будет, если

вы сразу наймете экипаж. Отсюда вы поедете в Кербельсбург, что в провинции Хельбирген – это ближайшая к вашей цели территория, пока еще контролируемая Империей. Там вы остановитесь в гостинице, любой из трех. Хозяева их всех уже имеют описания разыскиваемого преступника. Вас арестуют и заточат в городской тюремной башне. Отправят депешу в столицу и будут ждать приказа на этапирование в Цойберцаун – на это ушло бы недели две... но вы, разумеется, не будете ждать так долго. Вам сразу же организуют побег. Вы получите карту и все необходимое, чтобы добраться до замка Изольды, но, разумеется, никаких проводников.

– И местные стражники тоже будут не в курсе операции и станут преследовать меня всерьез?

– Увы. Там мы тем более не можем умножать число посвященных. Но вам нужно будет лишь добраться до предгорий, дальше стражникам – и кому-либо – заходить категорически запрещено. Дальше начинаются земли Изольды.

– И что будет, если меня все-таки схватят?

– Другого агента, способного выполнить задачу, у нас все равно нет, – развел руками Игнус. – Так что придется устраивать вам побег по новой. Но это сильно снизит достоверность легенды, так что постарайтесь все же не попадаться.

– Хмм... а если мне потребуется для этого, скажем так, применить силу?

– Вы можете убить всякого, кто попытается встать у вас на пути, – твердо сказал Игнус. – Ваша амнистия покрывает и это тоже. Желательно, конечно, не устраивать резню там, где ее можно избежать... но ваша миссия важнее, чем жизнь любого стражника или солдата. И даже гражданского, решившего не вовремя проявить патриотическое рвение.

– Стало быть, мне придется рассчитывать только на собственные силы? Никаких магических штучек?

– Изольда сама – маг. И она эти, как вы выражаетесь, штучки почувствует.

– Вот так всегда. Маги, императоры, армия, стража – а случись что, и спасти мир приходится одиночке-непрофессионалу, никогда не мечтавшему о такой карьере. За что мы только платим налоги?

– Сдается мне, обещанная вам награда в тысячу раз больше налогов, уплаченных вами за всю жизнь, – холодно заметил Игнус. – Если вы их вообще платили хоть когда-нибудь.

– Ладно, ладно. Уж и поворчать нельзя... Так что, мне придется отправляться в путь прямо сейчас? Ночью?

– Стражники постучат в вашу дверь через двадцать минут после того, как я уйду.

– Я предпочел бы сначала выспаться.

– Выспитесь в дороге, – Игнус вытащил из-под плаща довольно-таки тощий кошель; тот глухо звякнул об стол. – Здесь только медь, но на дорожные расходы вам хватит.

– Хмм... – Кай развязал тесемку, заглянул внутрь и саркастически изрек: – Благодарю за щедрость.

– Давать больше не имеет смысла. Все равно в тюрьме у вас все деньги конфискуют.

– Ну да, ну да. И чтобы у меня не было соблазна гульнуть напоследок.

Маг, не отвечая, снова слазил под плащ и на сей раз вынул простую солдатскую фляжку.

– Пейте.

– Это... субстанция? – Кай взял фляжку в руку, открутил пробку и внезапно почувствовал робость. Вроде бы он на все уже согласился, но то были лишь слова. А вот после того, как он выпьет это, обратной дороги уже не будет. Он поднес горлышко к носу и осторожно понюхал. Из фляги ничем не пахло. – Прямо... из горла? – нерешительно произнес он. – Или налить в кружку?

– Как вам будет угодно, – нетерпеливо ответил Игнус. – Но вы должны выпить всё.

Кай коснулся фляги губами и сделал первый глоток. Жидкость была практически безвкусной – лишь чуть-чуть горчила. Если только последнее не было игрой его воображения.

Бенедикт решился и в несколько глотков осушил флягу. Перевернул ее над столом, демонстрируя магу, что она пуста.

Он прислушался к собственным ощущениям. Ничего.

– И как скоро теперь... я стану ангелом смерти для любой женщины?

– Шесть-восемь часов. Гораздо раньше, чем вы доберетесь до Изольды. Так что по пути будьте осторожны с трактирными служанками. Хотя вы, как я понимаю, не имеете привычки распускать руки.

– Уж это точно.

– Но для надежности можете носить перчатки. И всегда прикрывайте нос и рот, если вам доведется чихать или кашлять.

– Уж как-нибудь разберусь.

– Ладно, – маг поднялся. – Не выходите сразу после меня. Дождитесь, пока стражники постучат в дверь – все должно выглядеть естественно.

– Не хотелось бы оставлять себе лишь минуту форы.

– Можете прямо сейчас забаррикадировать дверь, это их задержит.

– Логично, – согласился Кай.

– Ну, прощайте и удачи, – маг надвинул капюшон поглубже и вышел, на сей раз самым обыкновенным способом – отодвинув засов.

Выбраться из столицы оказалось несложно. У Кая не было времени на сборы, но оно ему и не требовалось. Он привык жить так, чтобы покидать очередное жилище в считанные минуты, без всякого сожаления и прихватив с собой лишь тощую котомку. Привык еще в более спокойные времена, ибо случайные заработки, коими он перебивался, не располагали к обрастанию имуществом – а уж с тех пор, как его объявили в розыск, и подавно. Бывало, что он покидал дом, оставшись должным хозяину – если тот, купившись на его дворянскую шпагу (на которую Кай вообще-то не имел права), не брал плату вперед. Бенедикт не злоупотреблял этим, ибо все же считал делом чести платить по счетам – но если денег нет, их нет, и что уж тут поделаешь? Последний хозяин, впрочем, был не столь доверчив, и Каю пришлось покинуть мансарду, оплаченную на две недели вперед – но и тут ничего уже поделать было нельзя.

К тому времени, как к нему вновь постучали (он ждал этого звука и все-таки опять вздрогнул), он уже стоял на стуле перед приоткрытым окном; кровать и стол были придвинуты к двери, свеча погашена. Кай быстро выбрался на крутую крышу, аккуратно сполз на широкий карниз и побежал по нему – высоты, в отличие от стуков в дверь, он не боялся совершенно – в сторону соседнего дома, отделенного проходом шириной всего в четыре фута. С легкостью перепрыгнув через эту щель, он побежал дальше, по более покатым на этой улице крышам стоявших встык домов, перелезая через брандмауэры. Ему казалось, что топот его сапог по крышам должны слышать все стражники в городе, но он знал, что это иллюзия. Преодолев таким образом целый квартал, он спустился по водосточной трубе – способ не самый приятный, учитывая, как скрипели под его тяжестью металлические крепления и соскальзывали с них сапоги, но уже знакомый ему по прошлым побегам от преследователей. Оказавшись на тротуаре, он поспешил на ближайший постоялый двор, где всегда, даже и ночью, дежурили несколько извозчиков, готовых доставить клиента пусть и не до самого Хельбургена, но, во всяком случае, до ближайшего городка или почтовой станции. Через городские ворота нанятая им бричка выехала без всяких проверок – в нормальных условиях въезд и выезд из столицы был беспрепятственным в любое время суток: Империя (во всяком случае, центральные ее районы) наслаждалась миром и порядком. Ворота закрывали лишь по тревоге, но Кай уложился в сорок минут, отведенные Игнузом, с хорошим запасом.

Десять часов спустя, успев кое-как отоспаться на плавно покачивающемся сиденье и сменить экипаж на первой станции, он ехал, глядя на проплывающие за окном солнечные

пейзажи нежаркого позднего лета, и думал, что продешевил.

Он, всю свою сознательную жизнь борющийся с правящим режимом, дождался, что этот режим сам пришел к нему на поклон, нуждаясь в нем, как в единственно возможном спасителе – и как он, блистательный, язвительный и бескомпромиссный Кай Бенедикт, этим воспользовался? Разве он потребовал от них отмены цензуры, отмены всех ограничений на развитие науки, упразднения списка запрещенных книг и законов "об охране общественной нравственности и спокойствия"? Потребовал самоуправления для провинций и их права на добровольный выход из состава Империи? Потребовал равенства прав для всех сословий? Потребовал, чтобы Светлые маги перестали всюду совать свой нос, возводя свои представления о морали в ранг закона, чтобы они, демоны их побери, вообще отказались от власти? Да, они могущественны, каждый из них стоит целой армии – но это еще не дает им права решать за миллионы людей, как тем жить и каких взглядов придерживаться. Генералы или, к примеру, министр финансов тоже командуют могущественными силами, однако не получают на этом основании всей полноты власти, оставаясь лишь государственными служащими, а не никому не подконтрольными хозяевами страны. Точно так же и маги могли бы получать жалование за свои услуги – и не более чем...

Но ночью он, столько раз агитировавший за все это в своих обличительных стихах, даже не подумал выдвигать все эти условия. Удовлетворился брошенной ему подачкой. Полная свобода творчества для него лично – и больше ни для кого. Разумеется, Игнус совсем не дал ему подумать. Все случилось так быстро и неожиданно...

Они бы все равно не согласились, устало думал Кай. "Разумеется, корону Империи вам никто не предлагает." Даже корону – на которую у него, конечно, нет ни малейших прав, но которая, на самом деле, не дала бы ему никакой реальной власти и никак не повлияла бы на существующую систему. Юридически Светлый Совет даже не является государственным органом, это всего лишь профессиональная организация, такая же, как гильдия столяров или кожевников, разве что куда более малочисленная – но все прекрасно знают, кто на самом деле правит страной. Правит, ни за что при этом формально не отвечая (под всеми официальными решениями – подписи Императора и его министров) и не ограничивая себя никакими писаными законами, кроме своих собственных представлений о добре и зле, о благе государства и необходимых жертвах. Сколько людей, становившихся у них на пути, умерли от совершенно естественных причин или от несчастных случаев, в которых никого невозможно обвинить?

Они бы не посмели сделать это со мной, думал Кай. Я им нужен. Я – единственный, кто может остановить Изольду, против которой их магические штучки не работают, поскольку она – сама маг. Против которой не работают также и самые тренированные профессиональные убийцы, действующие немагическими методами... Но полно, разве я единственный в мире, кто неподвластен любви? Наверняка есть и другие, помимо меня и того философа, просто их пока еще не нашли. Нет, Светлый Совет не согласился бы ни на какие радикальные перемены. На исключение – да, на правило – нет.

Но ты даже не попробовал. Даже не заикнулся.

Теперь уже поздно. Он принял их условия и не может переиграть. Не может объявить, что у него появились новые требования. Договор с магами нельзя нарушить безнаказанно – во всяком случае, если ты сам не маг.

Двуколка въехала во двор очередной станции, представлявшей собой гибрид собственно станции, обеспечивающей проезжих сменными лошадьми, возницами и экипажами, и постоянного двора, где путники могли получить еду и ночлег. Последние услуги Кая не интересовали – столоваться в пути он предпочитал в маленьких деревенских харчевнях, где цены были ниже порою аж вдвое, а до ночи было еще далеко. Но, пока кучер ходил выяснять насчет лошадей, Кай тоже вышел размять ноги.

Во дворе было пыльно и суетно; только что прибыл большой дилижанс, направлявшийся

в столицу. Конюхи выпрягали усталых лошадей, пассажиры выбирались из душного нутра громоздкой кареты и разбрелись по двору; кто-то волок свои пожитки к бревенчатому зданию станции, навстречу им двое слуг тащили сундук за господином, желавшим, наоборот, занять место в экипаже, и шагал станционный работник с опечатанным мешком имперской почты. Никто из прибывших не походил на беженца; на лицах читалась лишь обычная дорожная скука и усталость. Впрочем, до Беллиандских гор оставалось еще шесть дней пути – хотя и в самом Хельбиргене, насколько Кай понял со слов Игнуса, никакой паники пока что не было. Имперской страже совместно с имперской пропагандой пока еще удастся пресекать слухи... Однако – вызывает ли вообще Изольда панику у тех, кто пока не попал под ее власть? Готовы ли они бежать от нее без оглядки, или же – по крайней мере, мужчины – готовы, напротив, лететь, как мотыльки на огонь, даже понимая, что он сожжет их крылышки? "Изольда Прекрасная"... Сколько идиотов думают – и будут думать, когда слухи разойдутся шире – что именно они станут теми единственными, кого роковая красавица выделит среди всех прочих, безответно страдающих своих рабов?

Кай зашагал прочь, подальше от всех этих людей. Станционный двор не был обнесен оградой, однако справа его ограничивали длинные, с узкими горизонтальными оконцами под крышей дощатые сооружения конюшен и каретных сараев, а слева – неширокая речка, откуда доносился шум водопада; к ней-то Бенедикт и направился. Под мостом через речку была устроена деревянная плотина; перед нею образовался пруд. В пруду плавали большие карпы – красные, оранжевые и желтые; повар ежедневно вылавливал их сачком, дабы приготовить фирменное блюдо для гостей, а те, кому еще не пришла очередь усладить вкус путешественников, пока что могли услаждать их зрение. С другой стороны моста можно было полюбоваться водопадом: вырывавшиеся из специальных щелей в запруде потоки воды, казавшиеся твердыми изогнутыми листами блестящего серо-зеленого стекла, шумными каскадами обрушивались вниз, обращаясь в яростно кипящую пену.

Водопад высотой в семь ярдов Кая не впечатлил – ему доводилось видеть не в пример более живописные и грандиозные природные аналоги – так что он вновь перешел на ту сторону моста, где пруд, и некоторое время смотрел на разноцветных рыб, не подозревающих о своей скорой участи. Подумал даже, не посвятить ли стишок им, щеголяющим друг перед другом яркой чешуей, пока повар уже шагает к пруду с сачком – но решил, что напрашивающиеся аналогии слишком банальны и очевидны.

– Здравствуйте!

Кай обернулся на детский голос. Рядом с ним стояла девочка лет шести, в зеленом платьице, с надкусанной булкой в руке. Вероятно, ребенок кого-то из проезжающих, выскользнувший из-под опеки усталой матери.

– Здравствуй, – ответил Кай с легкой улыбкой. Детей он не любил, но и неприязни к ним не испытывал – если только те не канючили, не плакали и не визжали, чего он совершенно не выносил. Но вежливо здоровающаяся девочка определенно была воспитанной и поощрительной улыбки вполне заслуживала. Впрочем, не более; демонстрируя свое нежелание поддерживать разговор, Кай облокотился на перила и вновь принялся смотреть на пруд, где отражалось синее небо с редкими облаками и пока еще летнее солнце.

– Уж ты, какие рыбки! – воскликнула девочка, восхищенно глядя на карпов, и, отщипнув кусочек от булки, бросила им. Вода вскипела; сразу несколько разноцветных рыбин устремились к подачке. Преуспел большой ярко-красный карп, отпихнувший желтого. Девочка засмеялась и стала кидать им еще. Кай скосил глаза, некоторое время наблюдая за сценой кормления (рыбы толкались и разевали круглые рты, вызывая опять-таки вполне прозрачные ассоциации), затем вновь перевел взгляд вдаль, на зеркало пруда, возвращаясь к своим мыслям.

– Элли! Элли, слезай оттуда! – услышал он женский голос со стороны двора.

Кай вновь скосил глаза направо. Течение сносило крошки под мост, к самой запруде, и

туда же смещались рыбы баталии; чтобы лучше видеть, девочка взобралась на нижнюю перекладину перил и перегнулась через ограждение. Дородная женщина в чепце и коричневом дорожном платье поспешно, насколько позволяла ее комплекция, шагала к ней от здания станции. Но сражающиеся за остатки булки рыбы были для Элли определенно интереснее далеких криков матери; она уже легла животом на перила и тянулась все дальше, сясь заглянуть под мост...

– Стой! – резко воскликнул Кай, понимая, что сейчас произойдет. Но его окрик возымел противоположное действие: девочка дернулась от неожиданности, и ее туфельки соскользнули с нижней перекладки. Кай выбросил руку, чтобы схватить ее – и тут же *вспомнил*. Он успел остановить свое движение в последний миг, когда его пальцы уже почти коснулись Элли – и отдернул руку с такой поспешностью, словно только что сунул ее в костер.

Девочка перекувырнулась через перила и с коротким вскриком рухнула в воду, сразу же исчезнув под мостом. Страшно закричала женщина в коричневом.

Кай смотрел на свои пальцы, словно на какой-то чужой, незнакомый и опасный предмет. "Может быть, ничего бы и не было, – думал он. – Я бы просто схватил ее за платье. Я бы не коснулся ее кожи. По крайней мере, у нее был шанс, а теперь... Но, может быть, ее еще успеют достать и откачать?" В последнее, впрочем, он и сам не верил. Если бы она просто упала в воду рядом с берегом – может быть, но не рядом с запрудой. Сила потока, устремляющегося сквозь узкие щели на свободу, утянет под воду даже лучшего пловца.

Толстуха подбежала, задыхаясь, перегнулась через перила; какое-то мгновение казалось, что она сама бросится вслед за дочкой. Затем резко развернулась к Каю багровым от прилива крови перекошенным лицом:

– Почему?! Почему ты ее не удержал?!

– Я... не успел, – ответил он.

– Врешь! – крикнула она. – Я видела, видела! А может, ты ее еще и подтолкнул! – она вскинула руки, словно собираясь не то обрушить на Кая град ударов, не то вцепиться ногтями в его лицо.

– Не прикасайтесь ко мне, – испуганно произнес Бенедикт, отступая и давя в себе рефлекторное желание схватить ее за запястья.

– А то что? Самого бы тебя туда сбросить! – она продолжала орать, наступая на него.

– Ваша дочь сейчас там, – холодно сказал Кай, совладав с собой, и показывал пальцем под мост. – Если вы будете кричать и махать кулаками, это ей не поможет.

Как ни странно, этот довод возымел действие. Женщина отвернулась от Кая и снова бросилась к перилам. От здания станции уже бежали другие люди – пассажиры и работники.

Что именно случилось, они поняли быстро. Толстуха, правда, продолжала кричать и обвинять во всем Кая. Несколько мужчин с мрачным видом обступили его, требуя объяснений; кто-то заговорил, что надо вызвать стражу и "разобраться, кто он такой". "Вот только этого не хватало!" – тоскливо подумал Бенедикт, а вслух спокойно сказал:

– Разве вы не видите, что эта женщина не в себе от горя? Я просто не видел, как девочка полезла через перила. Когда увидел – было уже слишком поздно. Зачем бы мне убивать чужого ребенка, которого я вижу впервые в жизни?

На его счастье, они удовлетворились этим логичным объяснением и занялись более насущной задачей – как вытащить девочку из-под воды. Что пытаться нырять возле плотины – самоубийство, они, как и Кай, поняли сразу. На воду спустили лодку, принесли из сарая на берегу весла и длинный багор...

Вытащить Элли удалось лишь через полчаса, после нескольких неудачных попыток. Когда она показалась над водой, толпа – к этому времени на берегу и на мосту собрались, кажется, все путешественники со станции – глухо ахнула, а мать девочки, все еще, очевидно, сохранявшая безумную надежду, лишилась чувств. Несколько рук подхватили ее и уложили на

траву.

Элли вытянули из воды за голову; стальной крюк вошел в ее открытый рот и вышел через глаз. Это, разумеется, не имело никакого значения – девочка была давно мертва. Второй глаз был закрыт слипшимися волосами; изо рта и носа лилась розовая вода.

В борт лодки тыкались разноцветные карпы, выпрашивая подачку.

Дальнейшее путешествие Кая протекало, однако, без приключений. В первой же лавке по пути он купил тонкие белые перчатки, придавшие ему щегольской вид (хотя стоили они, как хороший обед), но теперь, когда они у него были, ситуаций, в которых они спасли бы кому-то жизнь, больше не возникало. Он по-прежнему ехал один, что было дороже, нежели в дилижансе, но безопаснее во всех смыслах – учитывая, что официально он все же оставался разыскиваемым преступником. Немногочисленные люди, с которыми ему приходилось иметь дело по пути – возницы, работники почтовых станций, хозяева деревенских харчевен – были почти сплошь мужчинами, да и к тем у него не было никакой надобности притрагиваться. Кай нигде не останавливался дольше чем на два-три часа – он задерживался бы и еще меньше, но, поскольку официально он путешествовал по частной, а не казенной надобности, иногда именно столько приходилось ждать лошадей; спал же он на ходу в экипаже, что, с одной стороны, позволяло бороться с дорожной скукой и экономить деньги (какие бы там золотые горы ни были обещаны ему в будущем), а с другой – Каю хотелось покончить с сосущей тревогой неопределенности как можно скорее.

Благодаря этой спешке уже к вечеру пятого дня он пересек границу Хельбургена.

Здесь по-прежнему не было заметно ничего необычного – по крайней мере, если смотреть из окна экипажа; провинция жила обычной жизнью – шагали по улицам усталые после рабочего дня мастера, носились неугомонные мальчишки, с грохотом гоня по булыжникам железный обруч, порою степенно, без спешки проезжала карета какой-нибудь важной персоны с задернутыми шторами, женщины развешивали на балконах и протянутых над узкими улочками веревках белье и поливали цветы в горшках, хлопали двери кабаков, впуская ранних любителей выпить, из витрин лавок соблазняли прохожих сыры и колбасы, кренделя и пышки, мужские и дамские наряды, сапоги и конская сбруя. Стражники – ну да, прохаживаются парами, как обычно. Никаких дополнительных солдат, никаких кордонов на улицах. Впрочем, от того, что грозит Империи со стороны совсем близких уже Беллиандских гор, никакие солдаты не помогут. Чем больше их выйдет против Изольды, тем больше пополнится армия ее рабов.

Вскоре Кай заметил и первые признаки этой угрозы. Надпись "Все, что тебе нужно – это любовь" углем на беленой стене дома в переулке. А вот еще одна, краской на мостовой прямо под ногами прохожих: "Изольда". Может быть, конечно, имеется в виду всего лишь девчонка из соседнего дома, по которой изнывает какой-нибудь юный недоумок... но судя по тому, как остановились, внимательно глядя на эту надпись, а потом куда-то заспешили – не иначе, докладывать начальству – двое стражников, им приказано относиться к подобным художествам со всех серьезностью. Что, интересно, они будут делать с надписью, подумал Кай. То, что на стене можно закрасить, но не будешь же красить брусчатку. Или будешь? Ведь не перекладывать же ее заново. Но прямоугольник краски на мостовой, пожалуй, скажет горожанам не меньше, чем сами замазанные буквы...

Еще одна недолгая остановка – ужин, смена возницы и лошадей. Еще одна ночь в пути под звездами. Вокруг ни огонька, нет даже луны, мощеную дорогу, струящуюся среди темных лугов и деревьев, освещают лишь тусклые масляные фонари крытой двуколки – но пассажиру одинокой повозки нечего бояться. Благословенный мир и порядок Империи, никакие разбойники не осмелятся напасть на путников на дороге, чьи камни заговорены Светлыми магами... Сворачивать с дороги на пыльные грунтовые проселки, правда, не рекомендуется. Но и необходимости в этом нет.

А потом было свежее, солнечное, пронзительно ясное утро – чуть прохладное, но обещающее жаркий полдень, и сочно зеленели вокруг луга, и синело безупречной чистоты небо, и лишь впереди, над горизонтом, сияли в лучах юного солнца кучевые облака – но это были не облака, а заснеженные вершины Беллиандских гор. До этих снежных пиков, хорошо видимых в ясную погоду, на самом деле оставался не один десяток миль, но замок Изольды располагался, конечно, не там, среди безжизненных льдов, а гораздо ближе и ниже, где-то среди зелени уже недалеких склонов. А еще ближе, у подножия этих зеленых гор и холмов, лежал небольшой, почти игрушечный городок Кербельсбург, чьи красные черепичные крыши и медные шпили поднимались над щербатым гребнем городской стены – и в лучшие времена способной защитить разве что от мелкой шайки разбойных горцев, но не от серьезной армии, а за последние триста лет мира и торжества имперского закона и вовсе пришедшей в совершенный упадок. Хотя, самой собой, от Изольды опять-таки не спасли бы даже самые высокие стены. Достаточно ей просто приблизиться к любой крепости, и стражники сами откроют ворота.

Кай велел кучеру везти его в самую дешевую гостиницу. На поездку в гордом одиночестве он растратил почти все свои деньги – не только полученные от Игнуса, но и еще остававшиеся у него самого – и к тому же ему не хотелось осчастливливать своими деньгами человека, который на него донесет. Понятно, что донесут на него в любой из трех городских гостиниц – но пусть, по крайней мере, плата доносчику будет минимальной.

Хозяин крохотного отельчика на полдюжины номеров, втиснутого между двумя соседними домами – пухленький, лысенький, розовощекий, с лихо подкрученными усами – посмотрел на гостя долгим внимательным взглядом и осведомился с типичным для этих мест грассирующим акцентом:

– Осмелюсь спросить, сударь, вы к нам по делам или так, подышать горным воздухом?

– Не ваше дело, любезный, – грубо ответил Кай, поворачиваясь к нему в профиль. "Я это, я, не сомневайся!"

– Конечно-конечно, – торопливо согласился усатый. – Просто, видите ли, походы в горы сейчас запрещены, там дальше за городом кордоны. Я подумал, вы прибыли издалека и, может быть, не знаете...

"Вот не хватало еще, чтобы и он оказался тайным сподвижником Изольды, – подумал Кай, смущенный этой предупредительностью. – Или, чем демоны не шутят, даже моим поклонником. Который вместо того, чтобы бежать доносить на меня, вздумает заботиться о моей безопасности и водить стражу за нос..." Впрочем, он тут же понял, что следовать плану Игнуса в деталях вовсе не обязательно. Кто сказал, что попасть к Изольде можно только через тюрьму и побег? Если он отправится туда напрямую с проводником из города, так будет даже лучше...

– Вот как? Это неприятно, – сказал он вслух. – А с чего это вдруг? Какого Вольдемара им надо?

– Ну как... знаете же, что говорят... – ушел от прямого ответа хозяин, не глядя гостю в глаза.

– Неужели так прямо и перекрыли каждую горную тропинку? Не верю.

– Каждую или нет, нам то неизвестно, – совсем смутился хозяин. – Мы люди законопослушные, нам сказано – нельзя, значит, нельзя... Но, правда, воздух у нас и здесь хороший, незачем в горы лезть, ноги ломать. И вид тоже. Я вам комнату на верхнем этаже дам, оттуда вид замечательный! Так что же, берете?

Кай расплатился за один день, получил здоровенный, словно от княжеской сокровищницы, ключ с прикрученным к нему проволокой деревянным кругляшом с цифрой 6, и поднялся по крутой скрипучей лестнице на самый верх. Не став любоваться "замечательным видом" из узкого окна, откуда можно было разглядеть кусочек горного склона (впрочем, постояльцам нижних этажей соседние дома и городская стена загораживали и это), Кай снял только шпагу, но не сапоги и завалился на кровать – ждать, когда за ним придут. Если бы он был

азартен – и если бы ему было с кем спорить – он мог бы заключить пари, кто это будет – стражники или проводник.

Это оказались все-таки стражники.

В тюрьме Бенедикта, как положено, полностью обыскали, забрав все его вещи, но, вопреки его опасениям, не выдали взамен каких-нибудь лохмотья, а вернули после обыска всю его одежду, за исключением перчаток (на которые он, выходит, потратился все-таки зря) и пояса. Кая всегда забавляла эта уверенность тюремщиков, что пояса и шнурки следует изымать, дабы арестанту не пришла охота на них повеситься, хотя на скрученном рукаве рубашки это можно сделать с не меньшим успехом. Доселе, впрочем, он об этой уверенности был осведомлен лишь теоретически – хотя за ним охотились уже несколько лет, прежде ему сидеть в тюрьме не доводилось. Теперь, сидя на привинченных к стене нарах, крытых тощим, набитым прелой соломой тюфяком, он утешал себя прежней мыслью, что поэту всякий опыт может пойти на пользу – ну и главное, конечно, тем, что ему вряд ли придется задержаться здесь дольше чем на один день.

Одиночная камера в башне, куда его поместили, не была сырым и холодным казематом; она располагалась не в подвале, а довольно высоко над землей, хотя и не настолько высоко, чтобы в нее залетал свежий ветер с гор (ярдов двадцать, оценил Кай, выглянув в зарешеченное окно, выходящее на юг), и после полудня здесь было, напротив, жарко и душно. Кай с отвращением потел и обмахивался расстегнутой рубашкой.

Котомку у него также конфисковали вместе, конечно, со всеми рукописями, включая свежего "Одинокого волка", но это его не слишком огорчало. Его обличительные и юмористические вирши все равно ходят в списках по всей Империи – хотя, даже пропади они все до одного, он не считал бы это трагедией. А "Волка" он за минувшие дни заучил наизусть – как и те несколько десятков *настоящих* стихов, которые действительно ценил. Но вот дворянскую шпагу было в самом деле жаль. В свое время он выложил на нее четырнадцать золотых – по меркам соловья, тщетно пытающегося прокормиться собственными баснями, целое состояние. И ведь, главное, он заранее знал, что его арестуют – но что он мог с ней сделать? Продать – так деньги у арестованного конфискуют точно так же, как и оружие. Припрятать где-то в незнакомом городе? Попросить кучера остановиться на подъезде к Кербельсбургу и прикопать возле дороги?

"Скоро я буду либо баснословно богат, либо мертв, – напомнил себе Кай. – В обоих случаях эта шпага мне уже не понадобится." Да, но на время побега она все же могла бы пригодиться. Хотя, наверное, те, кто организуют его бегство, позаботятся и об оружии.

Вскоре после водворения в камеру ему принесли обед, но миска баланды, вареная луковица и большой, но совершенно неаппетитный кусок серого ноздреватого хлеба не вызвали у Кая никакого энтузиазма; он так и оставил их на привинченном к полу столике. Да уж, сидеть так пять лет... По сравнению со смертной казнью, каторгой или пожизненным заключением это кажется пустяком – но представить себе пять лет, день за днем, этой унылой комнатухи без возможности выйти, этой духоты (а зимой, видимо, холода), этой баланды, а главное – этой невыносимой скуки... Хотя, конечно, возможности складывать стихи в уме и заучивать их наизусть никакие тюремщики у него отобрать не могут – а как выживают в тюрьмах те, кто лишен и такого утешения?

Если бы меня поймали сразу, как объявили в розыск, то сейчас бы, наверное, уже выпустили, подумал он с усмешкой. И надавить на него им было бы уже нечем. Хотя, конечно, утратив кнут, они по-прежнему сохраняли в своем распоряжении пряник – который вообще-то был важнее... И все же – так ли старательно его искали все эти годы и так ли случайно сумели найти именно тогда, когда он им понадобился? Простой народ верит, что если маги по-настоящему зададутся целью найти кого-нибудь, то скрыться от них невозможно. Сам Кай

всегда считал это не более чем распространяемой ими же пропагандой и высмеивал в своих стихах, приводя в качестве контраргумента, в том числе, собственную неуловимость. Но, может, его и не искали всерьез, а играли с ним, как кошка с мышью? "Лично я не считаю, что ваши стихи достойны тюрьмы", сказал ему Игнус. Ведь это, если вдуматься, едва ли не худшее оскорбление, полученное им за всю жизнь! Хотя, конечно, насколько Игнус был искренен? Возможно, Бенедикт был зачем-то нужен им именно в качестве гонимого, но не пойманного поэта. Возможно, его держали в этом качестве про запас. Нет, конечно, пять лет назад они еще не знали ни об Изольде, ни о его иммунитете к любви. Но, может быть, он был нужен им... скажем, для выпуска пара? Маги все-таки отнюдь не столь глупы, как напыщенный индюк Император. Мы, поэты и писатели, склонны переоценивать значение наших творений. Нам кажется, что наши слова сопоставимы по силе с магическими заклинаниями, что они – если только их услышит достаточное количество народу! – могут двигать горы и опрокидывать империи. А на самом деле обыватель, прочитавший запрещенный стих – или даже поделившийся им с приятелем – полностью удовлетворяет этим и свое недовольство против власти, и свою потребность в острых ощущениях. Он не будет делать ничего реального. Он уже поучаствовал в борьбе против тирании и горд своим вкладом по самые уши. Особенно когда в глубине души он понимает, что с одной стороны это запрещено, а с другой – ничего ему за это не будет. Вон, даже сам автор до сих пор на свободе бегает...

Лязгнул засов. Не иначе, надзиратель вернулся забрать миску.

– Что, поэт, еда наша не нравится?

Сказано это было без злобы или издевки, скорее добродушно. Кай повернул голову. В руках у надзирателя был большой румяный каравай с коричневой корочкой вдоль трещины сверху, хрустящей даже на вид; одновременно до ноздрей узника донесся обворожительный запах свежесдобитого хлеба.

– Вот принес тебе кое-что получше, – продолжал надзиратель, мужик с простецким крестьянским лицом, одних примерно лет с самим Каем. Не тот, что приносил обед – значит, только что заступила новая смена. – Передача тебе от поклонницы. Хорошо, наверно, быть поэтом, а? Не успел ты здесь объявиться, а уже от девушек отбоя нет.

– Лучше некуда, – с притворной угрюмостью буркнул Бенедикт, стараясь не выдать своего волнения; он, разумеется, надеялся, что это то, чего ждет он, а не то, что думает надзиратель. – В тюрьме вот сижу.

– И, что тюрьма? Я вот тоже, почитай, всю жизнь в ней сижу, а разве ж какая красавица мне гостинцы принесет?

Кай пожал плечами, не желая вступать в дискуссию. Словоохотливый надзиратель, подбодрив его пожеланием "не вешать нос – и здесь люди живут", оставил каравай на столе, затем кивнул на несъеденный тюремный обед:

– Забирать, что ли – или, может, потом съешь? Смотри, у нас тут два раза в день кормежка – следующая порция только утром будет.

– Ничего, – усмехнулся Кай, – мне теперь есть чем перекусить.

– Ну, как знаешь, – тюремщик забрал миску и вышел.

Кай выждал для уверенности еще некоторое время, затем взял каравай. Тот был небрежно проткнут в паре мест ближе к середине в поисках спрятанных предметов, но Бенедикта это не смутило – он был уверен, что испекшие этот хлеб знали, куда именно тыкают проверяющие.

Действительно, стоило ему разломить каравай, и он увидел внутри тонкую веревку, свернутую кольцом вдоль боковой корки, и торчавший из мякоти уголок сложенной бумаги. Первым делом он вытащил и развернул послание.

"НЕ ПЕЙТЕ ВИНА!"

Какого еще вина, успел удивиться Кай – во-первых, никакого вина и не было, во-вторых,

он был убежденным трезвенником (опровергая еще один популярный стереотип о поэтах), и они, изучившие "не только его творчество", должны были это знать... Но уже следующая фраза прояснила ситуацию:

"В нем сильное снотворное. Впрочем, скорее всего вам его и не передадут."

Ах вот в чем дело. Вот почему надзиратель сказал "гостинцы", а не "гостинец". В столице девушке, пытающейся передать арестанту хлеб и вино (наверняка какое-нибудь дорогое и качественное), лишь строго сказали бы, что алкоголь заключенным не положен. Но то в столице, под боком у всевидящих магов, способных вскрыть любую мелкую коррупцию (и не раз с помпой это делавших). Здешние нравы проще. Здешние тюремщики, мысленно посмеявшись над наивностью "поклонницы", приняли у нее передачу, чтобы хлеб отдать по назначению, а вино всей сменой распить в караулке. Во главе с начальником, который должен строго наказывать их за подобные вещи...

Дальнейшие инструкции предписывали дожидаться темноты, перепилить решетку (гибкая пилка также была запечена в хлеб), оставив снизу минимум один штырь, зацепить за него середину веревки, сбросив вниз концы (половиной длины должно было хватить до земли) и, спустившись, сдернуть и забрать веревку с собой. (Веревка была очень тонкой и совсем не выглядела способной выдержать вес человека, даже сложенная вдвое – но Кай сразу понял, что она паучья, и на ней можно было бы спустить сразу десяток человек. Паутина впятеро прочнее стали того же диаметра, но заставить пауков ткать нити, пригодные для плетения длинных веревок, могут только маги. Паучьи веревки стоили очень дорого.) Городские ворота по ночам теперь, в связи с "особым положением", закрывались, но через стену можно было без большого труда перелезть в нескольких местах; схема на бумаге указывала, как пройти к ближайшему. С другой стороны будет ждать оседланная лошадь, привязанная к одинокому дереву. В ее седельной сумке – провизия на два дня пути, карта и офицерский мундир, который поможет преодолеть кордон на ведущей в горы тропе. Часовым надо будет сказать пароль. Далее следовать маршрутом на карте до встречи с людьми Изольды – или, если получится, до самого ее замка...

Прочитав пароль, Кай коротко хохотнул. Таковым служило крайне грязное и непристойное ругательство в адрес Изольды. Вряд ли это было лишь проявлением ненависти к ней. Рассчитывают, что влюбленный не сможет произнести таких слов в адрес объекта своей страсти – даже притворяясь в интересах ее же дела? Ну или, по крайней мере, не сделает это достаточно убедительно...

Кай подкрепился караваем (который действительно был отменно вкусным), подождал еще какое-то время, прохаживаясь в нетерпении по камере (сколько там нужно стражникам, чтобы напиться?), а затем решительно взялся за пилку. До заката было еще далеко, но подготовить все к бегству можно заранее.

Решетка в окне состояла всего из трех вертикальных прутьев, правда, довольно толстых. Глядя на нее, Кай подумал, что тюремные окна – это такая же глупость, как и конфискация поясов и шнурков. Зачем делать окна такой формы, что через них можно пролезть, и забирать их решетками, если можно было бы сделать узкие и длинные щели, через которые не протиснуться в принципе? Впрочем, да здравствует глупость, помогающая умникам достигать их целей...

Кай боялся, что визг распиливаемого металла разнесется по всем окрестностям и достигнет ушей тюремщиков, но звук, издаваемый мелкозубой пилкой, оказался совсем не таким громким, а дежурная смена, вероятно, в это время уже беспробудно дрыхла, уронив головы на стол. Прутья покрывала ржавчина, но внутри они оказались вполне крепкими. С первым распилом Кай провозился около четверти часа; когда он закончил (оставив маленькую перемычку, чтобы решетка выглядела целой до самого последнего момента), его рука ныла от усталости, а пилка раскалилась так, что обжигала пальцы.

На все шесть распилов со всеми передышками у него ушло, таким образом, более

полтора часов, за какие он неоднократно помянул Светлый Совет различными затейливыми словами. Такое впечатление, что его побег готовили не сильнейшие маги известного мира, а подмастерья с соседней улицы! Неужели не могли прислать ему какой-нибудь амулет или эликсир, который уничтожил бы проклятые прутья в считанные мгновения? Да, большинство подобных вещей работают только тогда, когда их применяет сам маг – но не все, отнюдь не все. Паучью веревку вон прислали – хотя она, конечно, не является собственно магической, и ее можно купить в обычной лавке... Едва ли Изольда способна учуять какой бы то ни было магический артефакт с такого расстояния. Или они боялись, что их посылка все же попадет в руки стражников, и те догадаются о причастности Светлого Совета к побегу государственного преступника, который и в розыск-то был объявлен за нарушение правил, установленных самим Советом? Тогда бы, конечно – особенно с учетом местного уровня дисциплины – поползли слухи, ставящие под угрозу всю операцию... но все равно, демоны бы их побрали!

Кай дождался, пока стемнеет. Никакого огня заключенному, конечно, не полагалось – впрочем, таковой ему и не требовался. Кай аккуратно допилел прутья до конца – это потребовало лишь нескольких движений – и вытащил их. Левый прут был отпилен так, чтобы снизу остался шпенек, достаточный для зацепления веревки. Кай выглянул в окно и внимательно оглядел погруженные во мрак окрестности. Безусловным достоинством его камеры было то, что окно выходило не во внутренний тюремный двор, а наружу. Напротив была какая-то лавка; обыкновенно лавки располагаются на первом этаже, а сам хозяин живет на втором, но света не было ни там, ни там (во всяком случае, насколько Кай мог рассмотреть, глядя сверху). Неосвещенная улица была пуста. Оставалось решить еще одну проблему: Кай понимал, почему ему прислали именно тонкую паучью веревку – сорок ярдов обычной просто не поместились бы по периметру каравая – но, несмотря на навязанные через каждую пару футов узелки, спуск по такой тонкой веревке грозил расцечь ему руки. С помощью пилки Кай располосовал материю тюфяка на длинные ленты и замотал ими кисти на манер рукавиц. Еще раз выглянув в окно – внизу по-прежнему никого не было – он решился и принялся быстро стравливать вниз оба конца веревки.

Вылезти ногами вперед через довольно маленькое все же окно оказалось непростой задачей (если бы оно не находилось прямо над столом, пожалуй, у него бы и вовсе ничего не вышло); он бросил куртку в камере, чтобы легче было протиснуться, но все равно разодрал о шпенек штанину и рубашку (расцарапав ногу и бок, соответственно), и некоторое время висел в проеме, навалившись грудью на его нижний край, раскорячив локти, чтобы не вывалиться раньше времени, и тщетно пытаясь захватить неощутимую сквозь сапоги тонкую веревку ногами, одолеваемый двумя мыслями – что будет, если он сорвется, и что будет, если в камеру прямо сейчас кто-нибудь войдет. Но ни того, ни другого не случилось, и ему все-таки удалось надежно захлестнуть веревку вокруг сапог и, перебирая забинтованными руками, выползти наружу. Веревки врезались в ладони даже сквозь повязки, и Кай похвалил себя за предусмотрительность – вздумай он спускаться с голыми руками, пожалуй, рассек бы их до кости. Теоретики, готовившие его побег, и не подумали предупредить его о такой опасности, Вольдемар их поberi! Обо всем приходится думать самому...

Он медленно съезжал по веревкам, тормозя спуск ногами и поглядывая вниз. Мимо его лица проплывали окна камер нижних этажей, но едва ли их обитатели, если они только не смотрели в темное окно прямо в этот момент, могли заметить его во мраке, как и он сам не видел, что там внутри. Весьма вероятно, что в маленьком спокойном городке большинство тюремных камер и вовсе были пусты... Преодолев таким образом примерно две трети пути, Кай вдруг услышал внизу шаги.

Мысленно помянув Вольдемара, он сильнее сжал ноги, чтобы полностью остановить спуск, а затем зацепился носками сапог за нижний край очередного оконного проема. И этой более устойчивой позиции он опять посмотрел вниз – и его худшие подозрения подтвердились:

по улице шагали двое стражников. Даже в темноте он различал шишаки шлемов и тусклый отблеск кирас.

Очевидно, они не были посланы по его душу. Они шли обычным размеренным шагом, не глядя вверх. Всего лишь несчастливое совпадение, обычный ночной патруль. Но если кому-то из них придет в голову поднять голову...

А им придет, если они увидят свисающие почти до земли веревки.

Упираясь в нижний край окна ногами и вцепившись в тонкие веревки правой рукой, левой Кай принялся со всей возможной скоростью втаскивать веревки наверх, накидывая петли себе на шею. Если его носки, упирающиеся в прутья решетки, соскользнут с камня, он повесится глупейшим образом из возможных...

Стражники были уже близко. Поднимать веревки дальше нет смысла, они заметят движение... Кай замер, чувствуя, как наливаются болезненной усталостью мускулы правой руки и икроножные мышцы. Вот не хватало ему сейчас только судороги!

Сапоги патрульных протопали по брусчатке прямо под ним. Кажется, все-таки не заметили! Но спускаться и вообще шевелиться рано, его все еще могут услышать, пусть сначала скроются за поворотом...

По крайней мере, теперь он смог перехватить руку и повиснуть на левой. В тот же миг его правая нога чуть не соскочила, но он сумел поставить ее на место, не допустив, чтобы его качнуло прочь от стены. Стискивая зубы, вновь посмотрел вслед стражникам. Идут, демоново отродье, прогулочным шагом, нет бы побыстрее... Хотя, если бы они шли быстрее – он бы, пожалуй, не успел втащить наверх веревку при их приближении.

Стражники, наконец, дошли до угла, где улица сворачивала вправо. Вот сейчас, по закону подлости, они остановятся. Или повернут назад... Но нет, патрульные, не замедляя шаг, свернули за угол. Звук шагов замер в отдалении. Ушли.

Кай поспешно размотал веревки и съехал вниз с удвоенной скоростью; мышцы едва держали. От повязок на руках остались одни лохмотья и, кажется, правую ладонь он все же поранил. Торопливо смотав веревку (девать ее было некуда, и он повесил моток на плечо), Кай быстро зашагал по улице – налево, хотя по схеме должен быть идти направо. Но именно направо ушли стражники.

Кай был уверен, что ему придется сделать лишь пару лишних поворотов, чтобы выйти на маршрут, указанный на схеме. Однако переулок, уводящий вправо, криво завернул влево, а следующая улица, по которой Кай надеялся вырлиться в правильную сторону, тоже не оказалась прямой. Ему быстро пришлось убедиться, что весь этот проклятый маленький городишко – во всяком случае, эта его часть точно – представляет собой какой-то закрученный лабиринт. Дома при этом везде стояли вплотную, встык друг к другу, что было бы удобно в плане бегства по крышам (впрочем, даже это вряд ли, ибо крыши здесь были, как на подбор, крутыми, а карнизы узкими), но вот попадись навстречу патруль, свернуть было бы просто некуда. Пару раз Кай оказывался совсем рядом с городской стеной, но пробиться к ней сквозь сплошной ряд домов не было никакой возможности. Листок с маршрутом был бесполезен: во-первых, там были изображены, и то весьма схематично, лишь те улицы, по которым Кай должен был пройти – а он явно кружил по каким-то соседним – а во-вторых, в темноте он все равно не смог бы разобрать рисунок (не все в городе еще спали – несколько раз он видел тонкие лучики света, пробивавшиеся сквозь закрытые ставни, но их было явно недостаточно). Кай нервничал и злился, предвкушая встречу с очередными (или даже теми же самыми) стражниками, которые наверняка заинтересуются одиноким незнакомцем, бродящим по ночным улицам в порванной одежде и с веревкой на плече (может, бросить эту веревку прямо на улице? нет, не поможет...). К тому же как скоро закончится вахта у падких до чужого вина тюремщиков, и их обнаружит следующая смена? А возможно, кто-нибудь, явившийся раньше в силу непредвиденных обстоятельств, уже обнаружил его побег!

Но вот, кажется, наконец-то улица, ведущая в правильном направлении. Кай ускорил шаг, хотя и так уже почти бежал. Вот там, где маячит просвет впереди, должен быть выход к стене...

Но то, что ему показалось городской стеной, было обычными домами, а слева от них высилась уже хорошо знакомая ему тюремная башня.

Кай мысленно выругался, едва удержавшись, чтобы не сделать это вслух. Башня, впрочем, оставалась погруженной во мрак – по крайней мере та ее часть, что выходила на улицу – и никаких признаков тревоги заметно не было. И кроме того – теперь он, по крайней мере, знал, как выйти на нарисованный для него маршрут. Больше никакой самостоятельности, идти строго по схеме – Кай надеялся, что запомнил ее достаточно хорошо.

И на сей раз он все же выбрался к городской стене – и едва не налетел на радостях на темную фигуру. Но это был не стражник; незнакомец, слышав шаг за спиной, сам бросился наутек. Подойдя ближе, Кай с усмешкой осознал причину: на стене, там, где еще сохранилась старая штукатурка, красовались различимые даже в темноте буквы "АРМИЯ ЛЮБВ". Дописать убежавший, как видно, не успел.

Внешняя стена Кербельсбурга, сложенная не из крупных каменных блоков, а из кирпича, и в лучшие свои времена не достигала в высоту и четырех ярдов, а за столетия небрежения ее гребень выщербился и осыпался во многих местах, в то время как всякий сор, скапливаясь у ее подножья, еще более уменьшил общую высоту. Перед Каем, правее от подрывной надписи, было как раз такое место: кирпичи осыпались не только сверху, образовав полукруглую выемку в гребне, но и, в нескольких местах, с внутренней стороны стены, так что возникли как бы выбоины и ступеньки, по которым нетрудно было вскарабкаться наверх. Чем Кай незамедлительно и занялся, ставя ноги в выбоины и цепляясь за торчащие камни. Он уже преодолел половину высоты и ухватился за край гребня (в его теперешней нижней точке), как вдруг кирпич под его правой ногой выломался из кладки и, увлекая за собой несколько соседних, с шумом обрушился вниз. Кай сорвался и повис на руках (острые края кирпичей впились в пальцы); падение с такой высоты, даже и на каменные обломки, едва ли грозило чем-то фатальным, но падать, конечно, не хотелось. Несколько секунд он нашаривал ногами новые опоры; наконец ему это удалось, и он вскарабкался выше и лег на верхний край стены локтями. Теперь оставалось всего ничего – еще немного подтянуться, закинуть наверх ногу и...

– Эй, ты кто это? Ты куда это?

Возмущенный голос явно принадлежал старухе. Покосившись назад, Кай заметил освещенное окно в доме напротив и силуэт в нем. Должно быть, бабушку разбудил – или просто привлек ее внимание – шум падающих кирпичей. Но Кай не заблуждался относительно ее безвредности: такие старухи замечательно умеют поднимать шум на весь район. Стиснув зубы, он молча лез наверх.

– Стража! Стража! – не обманула его ожиданий бабка. – Тут вор! Злодей! Скорее сюда!

Еще где-то хлопнул ставень, новый луч света мазнул по стене. "Воль-де-мара тебе в глотку", – прошипел Кай, наконец вскарабкавшись на гребень. Перекидывая ноги на другую сторону, он увидел еще пару освещенных окон и, хуже того, услышал пока еще далекий свисток.

Кай быстро скользнул во тьму снаружи, на мгновение повис на пальцах и спрыгнул вниз, мягко приземлившись на траву у подножия стены. Так, где тут одинокое дерево? В темноте, которая за пределами города была совсем непроглядной, вроде бы угадывалось несколько силуэтов, которые могли быть чем-то подобным. Кай побежал к ближайшему, как ему казалось, споткнулся о какую-то кочку, с трудом удержался на ногах, понял, что бежит не туда – если то, что торчало впереди, и было деревом, то никакой лошади там точно не просматривалось – где же тогда?! – а, вон, кажется, слева маячит что-то похожее... Из города тем временем доносились свистки. Интересно, полезут стражники через стену следом за ним или дисциплинировано побегут к воротам? Второе, конечно, даст ему фору... впрочем, искать человека на открытой местности в такой тьме – дело вообще безнадежное. Ему достаточно просто лечь в траву и

затаиться – и тогда, если только они не отправятся прочесывать окрестные поля и луга цепью в несколько сот человек – а столько стражников и солдат наверняка нет во всем городе... Теоретически, конечно, по его следу могли бы пустить собак – но вряд ли натасканные таким образом псы есть в этом маленьком провинциальном городке. Впрочем, стоит ему запрыгнуть в седло – и ни солдаты, ни стражники не будут ему страшны.

Кай подбежал к лошади – да, на сей раз он не ошибся, это была именно она, привязанная между низкими раскидистыми ветвями. Кай услышал тихое фырканье и успокаивающе потрепал коня по холке. Затем его пальцы нащупали туго набитую седельную сумку – так, очень хорошо, но переодевание потом, сначала – оторваться от преследователей... ага, вот и ножны шпаги... нет, кавалерийской сабли, притороченной к седлу... Кай наощупь отвязал повод от ветки и лихо запрыгнул в седло. Ездить верхом ему приходилось не так уж часто – свой конь никогда не был ему по карману – но он, во всяком случае, это умел и никаких неприятных сюрпризов не ожидал.

И тут же почувствовал, как его скакуна пробирает крупная дрожь.

– Что за... – успел пробормотать Кай. Конь подался назад, ступая, словно пьяный, и не слушая седока, а затем вдруг повалился сперва на подломившиеся передние ноги (Кай едва не кувырнулся вперед, хватаясь за луку седла), а затем – на бок. Бенедикт, не успевший выдернуть ногу из стремени, только охнул и теперь выползал, придавленный лошадиным боком. Кажется, в падении он ничего себе не повредил, но животное хрипело и билось в агонии. Полминуты спустя все было кончено.

– Ид-диоты... – с чувством прошептал Кай.

У него не было ни малейшего желания совать руку мертвому животному под брюхо, чтобы нащупать то, что в такой темноте он не мог разглядеть, но он и так не сомневался в результате. Кобыла. Эти кретины подсунули ему кобылу. Или это не глупость, а саботаж? Да нет, скорее всего, все из-за чрезмерной секретности. Местным не сообщили о его... особенности. Им просто приказали обеспечить беглеца лошадью, вот они и исполнили приказ со всей возможной буквальностью.

А может, даже и сами маги не догадывались, что он смертоносен теперь не только для человеческих женщин – как не догадывался до этой минуты он сам. На кого еще это распространяется? На самок птиц и рыб, наверное, все-таки нет. Только на тех, кто выкармливает детенышей молоком, как люди. Стало быть, отныне любая кобыла, любая поглаженная собака или кошка... Проклятье! Вот уж воистину – проклятье...

Впрочем, о кошках и собаках он будет думать потом. Во время долгого путешествия пешком по горам у него будет для этого более чем достаточно времени. Сейчас надо уносить ноги.

Из-за все еще близкой городской стены доносились свистки, но перелезть пока что никто не торопился. Не переставая смотреть в ту сторону, Кай ощупью отвязал седельную сумку вместе с саблей, навьючил это все на себя и побежал прочь от города.

Он мчался, пока хватало дыхания, а потом повалился в траву, оглядываясь и прислушиваясь. Погони не было. Никакие факелы не двигались цепочкой от стены и не неслись в руках всадников от городских ворот. Все еще не успели? Или и не собираются? Вообще-то это типичная психология городской стражи – "все, что за пределами города, не наша забота". Пусть с этим разбираются имперские гвардейцы... А есть ли они, кстати, в городе? По идее, раз тут введено "особое положение" – должны быть. Но поставили ли их в известность? Ему живо представился диалог с бдительной бабкой на ночной улице: "Ну, чегостряслось? Чего раскричалась? – Вор! Лиходей! Ловите его! Через стену перелез! – Внутри, что ли, перелез? – Да нет, не внутри, наружу! – Ну а ежели наружу, чего орешь? У тебя он, что ли, украл чего? – Нет, не у меня... – А у кого тогда? – Не знаю я! Я видела только, как он лезет! Честный человек не станет через стену лезть! – Ну убрался он из города и хорошо, нам всем головной боли меньше.

Ежели он тебе ничего не сделал, так и нечего орать, людей баламутить. – Да я... – А то смотри, тебя привлечем, за то, что добрым людям спать мешаешь!" Правда, ему могут приписать ту самую крамольную надпись на стене (Кай чуть не фыркнул: заподозрить в таком *ego!*) Но и в этом случае – он представил диалог уже между самим стражниками: "Ну сбежал и сбежал, где мы его в такую темень искать будем? – Так велено же всех задерживать, кто... ну, сам знаешь... – Вот пушай его гвардейцы и задерживают, ежели он в горы побежит – даром они там, что ли, кордонами стоят? – А все-таки, доложить бы, как положено... – Тебе охота смену закончить и домой пойти, или тебе охота рапорта составлять? Свалил он, и ладушки, не наша больше печаль. – А если спросят? Слышали ведь свистки-то. – Скажем, ложная тревога, бабке спросонья померещилось." А побег, скорее всего, не выявлен до сих пор...

Кай вытер рукавом горячее потное лицо, поднялся и зашагал в ту сторону, где горы загоразивали звезды.

Его разбудил дождь.

Тучи натянуло перед рассветом, пока Кай мирно спал, подложив седельную сумку под голову и свернувшись калачиком в траве на пологом склоне предгорий, у большого камня, загоразивавшего его со стороны города. Холодные капли заставили Кая с неохотой разлепить глаза и окинуть тоскливым взглядом беспросветно-серое небо. Пока что дождь скорее накрапывал, чем лил, но вполне мог усилиться, а укрыться в окрестностях было решительно негде. Поросшие сочной травой луга и кое-где одиноко торчащие камни. Даже ни одного дерева с его дырявой кроной, не говоря уже, к примеру, о пещере или пастушеской хижине. Впрочем, в хижины ему сейчас вряд ли стоит соваться...

Каю не доводилось попадать под дождь уже Вольдемар знает сколько времени. В центральных областях Империи дожди шли строго по расписанию – по ночам и ровно в том количестве, которое необходимо для пополнения водоемов и орошения полей. Но до здешних мест старания магов, как видно, не простирались... Интересно, а что Изольда? Не считает нужным тратить свои силы на управление погодой? Впрочем, ей нет нужды завоевывать популярность у местных подобными услугами, в ее распоряжении куда более эффективное средство...

Кай поднялся, говоря себе, что нет худа без добра – не будь этого дождя, он бы, пожалуй, продрых еще несколько часов, а город пока еще слишком близко, всего-то милях в пяти, и задерживаться здесь после рассвета не стоит. Кай посмотрел вниз на Кербельсбург, казавшийся отсюда совсем игрушечным; никаких рыщущих между ним и городом патрулей по-прежнему не было заметно. Его побег, конечно, давно обнаружен, но, возможно, его ищут в противоположном направлении, полагая, что горные тропы и так перекрыты, а возможно (и даже достаточно вероятно) – особо и не ищут, разве что изобразили какую-нибудь деятельность специально для шпионов Изольды.

Кай развязал ремни сумки и принялся исследовать ее содержимое. Первым делом он облачился в офицерский мундир (вообще-то согласно уставу, не менявшемуся уже больше трехсот лет, конному офицеру в условиях полной и повышенной боеготовности – к коим, очевидно, относились и всякие "особые положения" – полагался, в зависимости от рода войск, полный латный или кольчужный доспех, а пешему – по меньшей мере кираса и шлем, но за три века, что армия в покорившей все прочие страны Империи существовала главным образом для церемониалов, все в ней отвыкли таскать на себе тяжелое железо; за эти столетия мир лишь несколько раз – и на краткое время – нарушали мятежи в провинциях, всякий раз подавлявшиеся быстро и решительно, причем и в этих случаях ключевую роль играло не железо, а магия Светлого Совета). Синий мундир с золотыми эполетами хорошо подошел по фигуре (очевидно, хотя бы эту информацию, кому следует, передали правильно), но сапоги Кай, после некоторых колебаний, решил оставить свои. Новые были ему не то чтобы малы, но они были именно

совершенно новыми, а долгий путь пешком по горам всегда предпочтительней проделывать в разношенной обуви. Фасон, правда, отличался – у его сапог носы были тупее, а голенища ниже – но Кай понадеялся, что это не бросится в глаза.

Кай прицепил ножны к портупее, выхватил саблю, постаравшись сделать это максимально резко. Сабля выскочила легко. Хотя шпагу он носил больше для вида, обращаться с нею он все же умел – взял в свое время несколько уроков, столько, на сколько хватило денег. До профессионала ему было, конечно, далеко, но уличную шпану отпугнуть мог. Но вот иметь дело с саблей ему доселе не доводилось. Кай подержал ее в полусогнутой руке, привыкая к ощущением и балансировке (пораненная ночью ладонь все еще саднила), затем сделал несколько выпадов и резких взмахов, со свистом рубя мокрый воздух. Со стороны это, наверное, смотрелось довольно лихо... до тех пор, пока лишь воздух был его противником.

Затем он изучил карту, согнувшись и прикрывая ее спиной от дождя. Выходило, что замок Изольды стоит на реке в месте ее впадения в горное озеро. У нее есть вкус, подумал Кай – он и сам всегда хотел жить в таком месте. Впрочем, возможно, первичны здесь были не эстетические, а фортификационные соображения – замок со всех сторон окружала вода, да и подобраться к нему можно было лишь по нескольким горным тропам, которые, наверное, хорошо простреливались с верхних башен и могли быть перекрыты даже небольшими отрядами.

Наконец он добрался до провизии – нескольких лепешек, нескольких ломтей копченого мяса, головки твердого сыра и большой пузатой фляги с водой. Положить в сумку нож никто так и не догадался... вот ведь, все-таки, недоумки. В приказе этого, очевидно, не было, а самим им и в голову не пришло подумать. Саблей ему, что ли, теперь нарезать этот сыр?

Есть под дождем не хотелось, но Кай все же запихал в рот кусок мяса с куском хлеба и, жуя на ходу, двинулся в путь. Его прежняя порванная одежда вместе с новыми сапогами осталась лежать под камнем.

Поначалу подниматься по лугам предгорий можно было где угодно, шагая по густой траве без всяких дорог, но дальше пологие зеленые холмы сменялись крутыми склонами, нагромождениями камней и опасными осыпями, преодолеть которые можно было, лишь следуя по той или иной из не слишком многочисленных троп. Все они были обозначены на карте, и Кай следовал кратчайшим из маршрутов. Проклятый дождь припустил-таки сильнее, превращая сухую каменистую тропу в мылкую глину; идти приходилось с осторожностью, чтобы не поскользнуться и не грохнуться, раздирая колени и локти (вместе с новеньким красивым мундиром) об острые камни. Мокрые волосы длинными тонкими прядями липли на лоб, холодные капли сбегали по лицу и противно щекотали нос; Кай периодически слизывал их с губ и утешал себя тем, что, по крайней мере, не страдает от жары и жажды.

Линия кордонов была обозначена на карте пунктиром, и все же, когда его окликнули, это произошло неожиданно. Возможно, он неверно оценил расстояние (тем более что он старался лишней раз не вытаскивать карту под дождем), а может быть, с момента, когда был нанесен этот пунктир, кордоны успели передвинуть ближе. Он ведь ничего не знал о действиях Изольды в последние дни... да и знали ли о них стоявшие в заслоне гвардейцы и их начальники, или их просто заставлял пятиться страх?

– Стой, кто идет?

Слева скалы подпирают обрывистый склон, справа широкая осыпь круто спускается к ярящемуся в теснине, разбухшему от дождя потоку. Удачное место для поста.

– Ротмистр Густав Лихт, – ответил Кай, останавливаясь (в кармане мундира действительно лежали документы на это имя).

Из-за изломанно-угловатого каменного столба вышли двое в длинных серых плащах с капюшонами. На поясе, затянутом поверх плаща, у каждого висел короткий меч, а в руках они держали луки с наложенными стрелами – но полуопущенные, с ненатянутыми тетивами. Раздолбай, подумал Кай. Даже ему, ни дня не служившему в армии, было очевидно, что

незнакомца надо выцеливать из укрытия, а не выходить к нему навстречу лишь потому, что на нем надета офицерская форма. Особенно в нынешних обстоятельствах, когда переметнувшимся на сторону противника может оказаться кто угодно, хоть генерал. Любовь способна разрушить все, что угодно – честь, верность, репутацию...

Пользуясь их оплошностью, он неспешно двинулся им навстречу, всем своим видом демонстрируя естественность такого поведения. Он – не какой-то обыватель, в страхе останавливающийся при виде вооруженного солдата. Он – старший по званию, имеющий право приказывать... Что бы им такое сказать для пушей убедительности? Отечественное "здорово, служивые"? Или строгое "как стоите на посту, бойцы?! Где ваша дисциплина?"

Теперь он хорошо видел их лица под мокрыми капюшонами. Правый – совсем мальчишка, на вид не старше семнадцати (в голове сразу всплыл пошлый штамп про "нежную, как у девушки, кожу щек, которой ни разу еще не касалась бритва" – хотя, наверное, касалась, но не слишком часто). Кай даже не знал, что таких юных берут в армию. Возможно, отпрыск какого-нибудь офицера, пожелавшего приучить сына к службе с молодых ногтей... Второй, со щегольскими черными усиками, постарше, но не сильно – лет двадцать с небольшим.

– Пароль! – черноусый таки вспомнил о своих обязанностях.

Кай ответил – и заметил, усмехнувшись про себя, как нежно-розовые щеки юноши справа покраснели еще больше. Очевидно, мальчик из хорошей семьи, еще не успевший огрубеть на службе и привыкнуть к подобным выражениям.

Луки окончательно опустились. Кай подошел к солдатам вплотную, но они не спешили отойти с дороги.

– Дальше прохода нет, господин ротмистр, – сказал черноусый извиняющимся тоном. – Ни для кого.

– Что значит нет? – холодно осведомился Кай. – У меня приказ.

– У нас тоже, господин ротмистр, – потряс головой черноусый. – Не можем пропустить никого без прямого приказа начальника караула, – он немного подумал и добавил: – Даже самого Императора.

– Что же – и в Императора стрелять будешь? – осведомился Кай.

Солдат на мгновение опешил от такой перспективы, но тут же нашелся:

– А если Императору пройти надо, пусть он сперва начальнику караула прикажет. А если он начкару приказать не может, какой же он тогда Император? Подделка одна.

– Молодец, – неискренне похвалил Кай. – Службу знаешь.

"Интересно, есть у них кольчуги под плащами? Наверное, все-таки нет. Они здесь поставлены отправлять назад обывателей, а не отбиваться от вооруженных бойцов... Если бы здесь ожидали серьезного прорыва – уж наверное поставили бы и солдат посерьезнее, а не этих мальчишек. Ветеранов Бонфуэрро каких-нибудь". (Восстание в Бонфуэрро – последняя из попыток имперской провинции обрести независимость – случилось семнадцать лет назад, и Кай тогда посвятил "палачам Бонфуэрро" немало гневных строф.)

– Ну и где ваш начальник? – спросил он вслух. – В Кербельсбурге задницу греет?

– Господин капрал! – позвал младший.

Почти сразу же из-за скалы вышел капрал, немолодой мордатый дядька – кажется, он и так уже направлялся к своим подчиненным, чей диалог с незнакомцем затянулся дольше классического "не положено!" На нем не было плаща, но его серо-зеленый мундир горных егерей был почти сухим – капли дождя оставляли на нем лишь первые пятна. Очевидно, где-то в скалах у солдат была палатка. Лука у него не было, на поясе висела офицерская шпага в ножнах.

– Ротмистр Лихт, – сухо отрекомендовался Кай, протягивая ему свои бумаги. – Прикажите своим людям немедленно пропустить меня. У меня миссия особой важности, – "что, кстати, чистая правда", подумал он про себя.

– Капрал Штурц, – мордатый неторопливо отсалютовал и взял протянутый листок.

Развернул, внимательно изучил и вернул Каю, молча глядя на него.

– Ну? – потерял терпение Бенедикт.

– Где ваша лошадь, господин ротмистр? – осведомился капрал.

Ну да, подумал Кай, мундир-то кавалерийский. И вид у него, после трех часов подъема в гору под дождем, отнюдь не бравый, несмотря на золотые эполеты.

– Она... сломала ногу.

– Почему вы не вернулись за новой?

– Дойти сюда было ближе, чем возвращаться, – Кай подумал, что, хоть эти солдаты и не кавалеристы, они совсем не обязательно тащились на далекий пост пешком. – У вас есть лошади? Мне нужна... нужен жеребец.

– Я не уполномочен передавать вверенное мне имущество... представителям других подразделений, господин ротмистр, – сухо ответил капрал. – Кроме того, если вы хотели продолжить путь на этом коне дальше, то это невозможно. Ни верхом, ни пешком, – он словно бы слегка подчеркнул последнее слово, и Кай понял, что теперь Штурц внимательно смотрит на его сапоги. Его заляпанные грязью, удобные круглоносые сапоги, каких не носят имперские кавалеристы.

– Вы не можете мне препятствовать! – раздраженно заявил Кай, стараясь отвлечь капрала от этого зрелища. – У меня важное и не терпящее отлагательств задание. Я назвал пароль и предъявил документы, что вам еще?

– Это ничего не значит, – покачал головой Штурц. – Пароль и документы сейчас уже ничего не значат. Всякий, кто попадет туда – он кивнул на дорогу, уходившую дальше в горы – станет *ее* рабом, хочет он того или нет. И не может быть, чтобы вы или ваше командование этого не знали.

– Из этого правила есть исключения, – сказал Кай, вновь довольный тем, что говорит чистую правду.

– Есть, – кивнул Штурц. – *Ее* рабом не станет тот, кто *уже* им является.

– Как разговариваешь со старшим по званию, капрал?! – рявкнул Кай самым солдафонским тоном, на какой был способен.

– Думаю, что должен задержать вас до выяснения, – невозмутимо ответил тот и прибавил по-уставному, но с почти не скрываемой издевкой: – Господин ротмистр.

– Ладно, – сдал назад Кай. – Я не имею права разглашать эту информацию... но раз вы ставите мою миссию под угрозу, мне придется это сделать. Сейчас я покажу вам кое-что на карте, но это строго секретно. Велите вашим людям отвернуться.

Капрал посмотрел на него с подозрением, затем потребовал:

– Сперва сдайте ваше оружие.

– Хорошо, – согласился Кай, снял португезу вместе с саблей и умышленно вручил *ее* младшему из солдат. Почти наверняка кавалерийская сабля была тому столь же непривычна, как и самому Бенедикту, и лишь заняла его руку, лишив возможности стрелять. Кай нарочито аккуратно, демонстрируя отсутствие каких-либо сюрпризов, достал карту и протянул *ее* капралу. Штурц приказал своим подчиненным сделать три шага в сторону и отвернуться. Затем развернул карту; теперь обе его руки были заняты. Кай подошел к нему с левого бока.

– Ваш пост здесь, – показал он пальцем левой руки.

– Верно.

– А здесь находится *ее* замок. Это предполагаемый радиус поражения, – Кай обрисовал пальцем некую произвольную окружность. – Но мы получили точные сведения, что в настоящее время она покинула замок и движется вот этим маршрутом... – он повел пальцем по карте, заставляя капрала следить за его рукой, и в тот же миг правой рукой выхватил шпагу из ножен, висевших на боку Штурца – чтобы в следующее мгновение, отскочив чуть назад, ударить снизу вверх, под локоть руки, державшей карту. Острие неприятно скрипнуло по кости, но тут же

скользнуло дальше между ребрами и с неожиданной для Кая легкостью проткнуло Штурца насквозь.

Пальцы капрала конвульсивно сжались, комкая карту. Из рта вылетела капля крови и звук типа "ээххх..." Кай дернул рукоять шпаги, опасаясь, что она застрянет между какими-нибудь спазматически сжавшимися мышцами, но она вышла из тела так же легко, как и вошла. Штурц сразу же рухнул – должно быть, Каю удалось попасть прямо в сердце.

Едва освободив клинок, Кай бросился на черноусого солдата. Тот успел понять, что происходит неладное, и даже обернуться, но на мгновение замешкался, не зная, какое оружие применить. Основное оружие горного егеря – лук, мечи они носят лишь как вспомогательное средство на случай ближнего боя, какового им надлежит по возможности избегать. И вот теперь за ничтожный миг, отделявший его от смерти, он должен был решить, успеет ли он натянуть тетиву и выстрелить в упор – или же надо бросить лук и выхватывать меч, притом, что у противника преимущество в длине клинка. Надо отдать солдату должное – он принял третье решение, самое правильное – попытался отскочить назад, чтобы уже оттуда выстрелить наверняка – но налетел спиной на своего товарища (который, в свою очередь, чуть не упал от этого толчка).

Черноусый еще попытался отбить удар шпаги луком, но клинок скользнул вверх и пронзил его горло.

– Бросай оружие! – рявкнул Кай страшным голосом последнему оставшемуся, который едва успел вновь обрести равновесие и теперь, бросив лук, бессмысленно цеплялся одной рукой за рукоять сабли, а другой – за ее же ножны.

Мальчишка повинился, отбросив саблю так, словно она жгла ему руки. У ног Кая хрипел и булькал, схватившись за горло, его старший товарищ; кровь толчками выплескивалась между его пальцев, а его каблуки скребли в агонии мокрую глинистую землю. Кай бросил на поверженного быстрый взгляд и, убедившись, что тот едва ли поднимется, шагнул к мальчишке и упер окровавленный кончик шпаги в ложбинку над его ключицами.

– Теперь, без резких движений, отстегни и брось меч.

Юноша вновь подчинился, едва справившись дрожащими руками. Его губы тоже дергались от страха.

– Не лгать, если хочешь жить. Это все? Больше здесь никого нет?

– Н-н... – парень затряс головой.

– А лошади, то есть жеребцы, есть?

– Д-две, – мальчишка для наглядности показал два пальца, – две к-кобылы.

– Да что вы все, сговорились, что ли! – зло воскликнул Кай. Парнишка совсем посерел лицом, ожидая, очевидно, смерти в эту самую минуту, но Кай уже смягчился: – Ладно. Ты не виноват. И они тоже не виноваты. Я... сожалею об их смерти, но они не оставили мне выбора, – произнеся эти слова, Кай понял, что лукавит. Он не чувствовал сожаления. То есть с рациональной точки зрения, конечно, он предпочел бы обойтись без убийств. Тем более – без убийств людей, находившихся, по сути, на одной с ним стороне (ирония судьбы – едва ли не впервые в жизни он оказался на одной стороне с имперскими солдатами, и вот во что это вылилось) и виновных лишь в том, что честно исполняли свой долг. Но вот никаких эмоций он по этому поводу не испытывал – ни ужаса, ни раскаяния, ни отвращения. Утонувшая девочка вызвала у него куда большее смятение – хотя ее он не убивал, она погибла по собственной глупости... и все же именно тогда он почувствовал себя как человек, впервые осознавший, что неизлечимо болен. Болен болезнью, которая не сведет его в могилу – но и никогда не оставит. А сейчас... была проблема, он ее устранил, только и всего. Точнее, одну эмоцию это все же пробудило, но она была положительной: гордость, что он в одиночку справился с тремя. Поэт – с тремя профессиональными солдатами.

Со стариком и двумя юнцами, да. Но недооценивать их не стоит. Любой из них мог

прикончить его очень даже запросто, и вот этот трясущийся мальчишка тоже.

– Мне не нужна твоя жизнь, – сказал он вслух. – Просто не делай глупостей.

Солдат торопливо закивал.

– Снимай свой плащ.

Парень сбросил на землю пояс и висевший за спиной колчан, затем стянул плащ и протянул его победителю. Кай окинул взором его не очень внушительные габариты, думая, придется ли ему впору и другая одежда пленника, которая под плащом должна была остаться сухой – но тут же брезгливо скривился:

– Фуу! Да ты обмочился, приятель!

Лицо мальчишки, только что смертельно бледное, сделалось пунцовым.

Кай, скривившись, осматривал нижнюю часть плаща, решая, можно ли его все-таки надеть – здравый смысл говорил, что полы плаща, при его свободном покрое, не могли коснуться внутренней стороны штанов незадачливого бойца, рефлекс противился. И тут, воспользовавшись тем, что Кай отвлекся, мальчишка бросился бежать – конечно же, не на запретную территорию, а вниз, в долину.

– Давай-давай! – насмешливо крикнул Бенедикт ему вслед. – Только не останавливайся! Повернешься – пристрелю!

На самом деле он не умел стрелять из лука и предпочел сделать противоположное – на всякий случай вывести оба лука из строя, перерезав тетивы валявшимся рядом с ними мечом. Затем он заметил, что черноусый солдат еще жив (кровь все текла из его горла и из открытого рта, выливаясь на подбородок и сразу же смешиваясь с дождевой водой, глаза смотрели на Кая с тоской и ужасом), и нанес ему удар милосердия мечом в грудь. Широкое лезвие вошло в тело не так легко, как узкая шпага; Каю, сидевшему на корточках, пришлось навалиться на меч, прежде чем дрожь агонии прекратилась вместе с последним стукотом крови, выплеснувшимся из рта. Бенедикт проверил капрала, но тому подобная помощь уже не требовалась. Кай с сожалением вытащил из рук мертвеца измятую, грязную и мокрую карту, о которой вспомнил только сейчас; изображение на ней уже частично размылось, и Кай сильно сомневался, что от нее еще будет прок, но все же постарался сложить поаккуратнее, не порвав, и отправил в свою сумку.

Плащ Кай все же бросил – как не стал облачаться и в перепачканный грязью и кровью плащ черноусого. Бросил он и все оружие, включая саблю и исключая только шпагу. Затем он завернул за выступ скалы, из-за которого появился Штурц. Там обнаружилось нечто вроде довольно широкой проплешины среди камней, на которой помешалась маленькая, хотя и высокая палатка (в ней можно было стоять или сидеть, но вряд ли лежать) и мокли под дождем две стреноженные лошади. Вероятно, на одной везли всю поклажу, а на другой ехал капрал – или же она была нужна на случай, если понадобится срочно отправить одного из солдат с донесением. Обе действительно оказались кобылами. Кай подумал, что, если он тщательно замотает руки какими-нибудь тряпками – а заодно и лицо, с которого срываются и падают капли дождя – то, возможно... но затем решил, что не стоит экспериментировать. Только что хладнокровно убивший двух человек, он не захотел подвергать лишнему риску лошадей.

Он зашел в палатку, подумал, что можно бы посидеть здесь на раскладном стуле, пережидая дождь. Если парень побежал на соседний пост, то дорога – вниз и снова вверх – займет у него не меньше часа. Но оттуда никто не придет и не прискачет – если там тоже всего трое, они не покинут свой собственный пост. Вероятно, отправят вестника вниз, в расположение части – а уж пока новые солдаты придут оттуда... еще часа четыре в запасе есть наверняка. Но то же желание скорее покончить с неопределенностью, которое гнало Кая вперед все эти дни, не позволило ему сидеть на месте и теперь. Он лишь отыскал среди солдатских пожитков нож и перекусил под крышей – а затем снова вышел под дождь.

Минуту спустя он уже шагал по запретной территории – хотя, разумеется, внешне это никак не проявлялось, та же тропинка вилась вдоль того же склона, постепенно поднимаясь

вверх. Впрочем, разницы, очевидно, не было не только внешне. Кай прекрасно понимал, что граница проведена с очень большим запасом – у страха глаза велики, да, причем это тот случай, когда врага действительно лучше переоценить, чем недооценить – и реальный радиус действия магии Изольды намного меньше. С другой стороны, та импровизация, которой он усыпил бдительность Штурца, вполне может быть и правдой – а в какой-то момент станет таковой наверняка. Если Изольда хочет расширять пределы своих владений, она не станет безвылазно сидеть в замке. В любом случае, Кай был уверен, что всякий человек, встреченный им на этих землях, может быть лишь союзником Изольды – и должен, очевидно, считать таковым и его самого. Изольда, несомненно, прекрасно знает, что посылать к ней шпионов и диверсантов бессмысленно, а если ее враги столь глупы, что продолжают это делать, мешать им не следует – пусть пополняют таким образом ее армию.

Тем не менее, когда у него за спиной зашлепали шаги – шаги человека, бежавшего со всех ног следом за ним, но не пытавшегося его окликнуть – тело Кая отреагировало быстрее успокоенного логикой разума. Кай выдернул шпагу из ножен и резко развернулся, выбрасывая ее вперед.

Мальчишка – тот самый, с поста – наткнулся грудью на клинок и остановился, с удивлением глядя на пронзившую его тело сталь. Затем с усилием сделал еще один шаг вперед, насаживая себя на шпагу все глубже в надежде все-таки достать Кая зажатым в руке коротким мечом. Кай шагнул назад, одновременно поворачивая клинок в ране. Боль заставила парня бросить оружие.

Несколько мгновений враги молча смотрели друг на друга. Кай ждал, что пронзенный насквозь упадет, но тот продолжал стоять.

– Дур-рак, – сказал Кай с отвращением. – Зачем?! Я же тебя отпустил! Выслужиться хотел?

– Изольда... – прошептал мальчишка и, наконец, повалился на колени. Кай выдернул шпагу, и он упал вперед, уткнувшись головой в грязь и так и оставшись в коленопреклоненной позе.

Неужели радиус поражения все-таки уже настолько велик, думал Кай, шагая дальше. Но ведь двух других не накрыло! Хотя... возможно, этот мальчик в самом опасном влюбчивом возрасте был чем-то вроде шахтерской канарейки, первой задыхающейся от рудничного газа. Может быть, его и на пост-то взяли с этой целью – что ж, в таком случае идея не сработала, товарищи не заметили вовремя его превращения (а могли бы – Кай вспомнил, как юноша покраснел, услышав пароль). А может, никакая магия тут вовсе и ни при чем. Юный недоумок влюбился в Изольду заочно, как это постоянно случается по отношению к легендарным красавицам... Почему он все-таки напал? Поверил, что Кай, даже убивший его товарищей, все-таки выполняет секретную миссию, способную повредить Изольде? Хотел устранить соперника – одного из многих тысяч? Мстил за свой позор и жаждал уничтожить свидетеля этого позора, способного поведать о таковом Изольде? Вот делать ей нечего, как выслушивать истории о каждом обмочившемся от страха мальчишке – но какая логика может быть у влюбленного... В любом случае, теперь уже не узнать. Да и не имеет значения.

В горах лошадь практически не дает выигрыша в скорости, зато дает выигрыш в выносливости. Поэтому к тому времени, когда Кай добрался до первого селения, его стремление не останавливаться, чтобы как можно скорее добраться до цели, сильно поуменилось (несмотря даже на то, что дождь уже кончился), и он решил позволить себе длительный привал.

Селение оказалось совершенно пустым – хотя покинуто оно было, судя по всему, сравнительно недавно и торопливо. Лишь на дальней окраине (Кай прошел через все селение насквозь, дабы убедиться в отсутствии сюрпризов) на него бросилась со злобным лаем тощая лохматая собака, очевидно, забытая в спешке. Ее намерения выглядели серьезнее простого

пустобрехства, и Кай вновь вытащил шпагу – но в паре шагов от него псина вдруг остановилась, поджав хвост, еще несколько раз гавкнула, пятась задом и припадая на передние лапы, а потом развернулась и бросилась наутек. "Чует, – подумал Кай. – Чует яд, сочащийся из всех пор моего тела..."

Убедившись, что селение полностью покинуто, Кай зашел в один из домов, сложенный из разнокалиберных камней – в отличие от нескольких соседних, его дверь и окна были закрыты, что позволяло надеяться на отсутствие сырости и грязи внутри. Сырости там действительно не оказалось, но пахло затхлостью. Все три комнаты были совершенно пусты – хозяйственные крестьяне, должно быть, успели вывезти весь свой скарб. Лишь на полу валялись несколько черепков да самодельная тряпичная кукла. Интересно, подумал Кай, они эвакуировались по приказу имперских властей – или ушли к Изольде? Все, вместе с женщинами и детьми? На детей – во всяком случае, маленьких – Изольда влиять не должна, но кто же станет их спрашивать... Хорошо, что маги не стали пробовать *эту* версию убийцы. Хотя, может, и стали, просто Игнус предпочел об этом не рассказывать. Изольда ведь тоже не настолько глупа, чтобы подпустить к себе того, над кем заведомо не властна – даже если это невинно выглядящий ребенок... А забавно, во что превращается жизнь семьи, в которой оба супруга влюблены в кого-то третьего, причем в одного и того же и заведомо безответно. Таких коллизий и драм взаимной ревности, кажется, не описывал ни один писатель прошлого...

Кай обследовал несколько соседних домов в поисках топлива для очага; не везде жители оказались столь же расторопны (или же бережливы), как в первом доме, так что он вернулся с двумя громоздкими, грубо сколоченными табуретами и топором, позволившим их разрубить. Огонь не нужен был ему ни для тепла (по крайней мере, пока солнце еще припекало с прояснившегося неба; Кай догадывался, что ночью здесь будет куда холоднее), ни для приготовления пищи – но вот высушить насквозь промокшую одежду он мечтал уже давно.

Часа через три, обсушившись и отдохнув, он продолжил путь. Судя по карте – пострадавшей от воды, но все еще читаемой – до заката он должен был успеть добраться до следующей горной деревушки.

Кай несколько переоценил свои силы и увидел деревню уже в сумерках – пожалуй, еще полчаса, и он не смог бы различить ее в темноте, а ночевка под открытым небом без теплой одежды на этой высоте уже представляла бы собой изрядную проблему. И все же зрелище прилепившегося к склону селения, открывшееся за очередным поворотом, не слишком способствовало подъему настроения. Белевшие в полумраке дома с черными провалами окон и дверей, не оживленные ни единым огоньком, походили на наполовину выкопанные из земли черепа. Это селение также оказалось совершенно пустым – на сей раз даже и без собак. Отсюда жители бежали в еще большей спешке – в домах сохранилась мебель и прочие вещи, кое-где на столах стояли глиняные миски и кувшины с остатками давно прокисшей и сгнившей еды. Лари и сундуки стояли распахнутыми и часто выпотрошенными лишь наполовину, через бортик переваливались, беспомощно свесив рукава, "выходные" рубахи и парадные расшитые платья, валялись брошенные в спешке тюфяки, подушки, одеяла, мотки пряжи, кухонная утварь. В сгущавшейся темноте Кай не стал обыскивать всю деревню, а остановился на ночлег в первом же доме, где отыскался тюфяк на лежанке и не воняло ничем разлагающимся.

Его пробуждение оказалось не самым приятным.

Двое, навалившиеся сверху и связавшие ему руки, сделали это с таким проворством, что Кай ничего не успел бы сделать, будь он даже профессионалом тайной войны. Впрочем, хорошо натренированный агент, возможно, проснулся бы, когда они только вошли в дом... или даже только приблизились к нему. Но жалеть об упущенных возможностях было поздно, поэтому Кай, оценив ситуацию, не стал сопротивляться и позволил этим двоим доделать свое дело.

– Какого Вольдемара? – спросил он спокойно, когда они слезли с него, стянув ему запястья и лодыжки. – Вы что, возомнили, будто я могу причинить вред Изольде?

Тут же он, впрочем, пожалел о сказанных словах. Он понятия не имел, кто эти двое (огня они не зажигали, и он едва различал во тьме их силуэты). А если он все еще вне зоны досягаемости Изольды, и эти двое – вовсе не ее рабы, а какие-нибудь местные жители, не пожелавшие бросать дома и спрятавшиеся во время эвакуации, или того хуже – мародеры, на свой страх и риск шарящие по брошенным деревьям? Да и потом, он уже видел кое-кого, влюбленного в Изольду и, тем не менее, бросившегося на него с мечом...

– Господин офицер гневаться изволит, – сообщил один из них своему товарищу. Голос был грубый – низкий и хриплый.

– Беда-то какая, – в тон ему откликнулся тот.

Кай предпочел промолчать и дожидаться чего-нибудь более осмысленного, чем насмешки. Ждать долго не пришлось.

– Ты здесь один? – спросил хриплый, вновь нависая над ним в темноте.

– Да, – ответил Кай.

– Не ври, если хочешь жить!

Ну да, ну да, подумал Бенедикт почти отрешенно. Классическая фраза, он сам произносил ее недавно...

– А то ты сам не видишь, – спокойно ответил он вслух. – Если бы здесь был кто-то еще, вы бы уже напали на часовых.

– Ну это мы еще посмотрим, кто бы на кого наварлся, – зловеще, хотя и не слишком грамматически согласованно, посулил второй. Но с логикой пленника, похоже, согласился, потому что в темноте что-то чиркнуло, лязгнуло, и в лицо Каю ударил луч фонаря. Фонарь был потайной, с черным железным корпусом, в котором имелся лишь один закрываемый крышкой круглый "глаз". После ночной тьмы свет масляного фитиля показался чересчур ярким; Кай сощурился. Державший фонарь осмотрел его с головы до ног, залез в карман мундира (который Кай тепла ради не стал снимать), извлек непромокаемый кожаный футляр с бумагами.

– Чо тут у него... – буркнул державший фонарь, похоже, не умевший читать.

– Рот-мистр Гус-тав Лихт, – прочел хриплый, придвинув лицо к бумаге. Кай разглядел на обоих высокие бараньи шапки – ну точно, горцы.

Ладно, даже если они и не за Изольду, то уж точно не за официальные власти – иначе не торчали бы здесь, в глубине запретной зоны.

– Это не мои документы, – сказал Кай. – И мундир не мой, и сумка. Вчера меня арестовали в Кербельсбурге. Но я сбежал, убив офицера и двух солдат. Я Кай Бенедикт. Слышали про такого?

– Ты слышал? – спросил хриплый своего товарища, на сей раз без издевки.

– Не-а. Разбойник, что ль?

"Дикари!" – подумал с досадой Кай.

– Я поэт. Достаточно известный, между прочим. За свои стихи объявлен в розыск по всей Империи еще несколько лет назад.

Придут другие времена,

Другие нравы.

И будет высосан до дна

Стакан отравы.

И поразит материки

Порок единства,

И встанут светлые полки

Во славу свинства...

Я написал. Неужели не слышали?

– Вот делать нам больше нечего, как стишки всякие слушать, – ответил за обоих хриплый. – Пусть этим городские балуются.

– Поэт, значит, говоришь? И троих вояк ухайдакал? – с сомнением произнес второй.

– Вот и они тоже такого не ожидали, – заверил Кай. – Неожиданность – это большое дело.

– Это точно, – усмехнулся хриплый, намекая, очевидно, на нынешнее положение Кая.

– Вдвоем на одного спящего – это не в одиночку против трех бодрствующих, – не удержался Бенедикт.

– Ладно-ладно, расхвастался, – все так же насмешливо откликнулся хриплый. – Троих он уложил... скажи еще – десятерых, а мы поверим!

– Лучше скажи, зачем тебя сюда понесло, – встрял второй.

– Ну а куда же мне еще?

Траговать это можно было двояко: и так, что Кай сознательно направлялся к Изольде, и так, что у беглеца, разыскиваемого уже не за крамольные стишки, а за тройное убийство (это смертная казнь без вариантов), попросту не оставалось другого выхода, кроме как на территорию, куда никто из имперцев не смеет соваться – вне зависимости от того, что может ждать на этой территории его самого. Кстати, ведь такой логикой должны руководствоваться и настоящие убийцы, которым не обещана амнистия – лучше потерять голову в фигуральном смысле, чем в буквальном. Хорошенький контингент собирается в этом случае у Изольды...

Горцы тщательно обыскали самого Кая и его седельную сумку. Не обошлось и без очередного вопроса, куда он дел лошадь – "тоже, что ль, убил?" "Именно", – подумал про себя Кай, но озвучил, разумеется, наиболее правдоподобную версию про сломанную ногу.

– Ладно, – принял решение хриплый. – Поедешь с нами к Госпоже.

Значит, все-таки они служат Изольде, подумал Кай с облегчением.

Ему развязали ноги, но руки оставили связанными спереди, отвечая на его протесты "а кто тебя знает, чего от тебя ждать" – и Кай вынужден был мысленно признать, что это логично. Даже если магия Изольды здесь уже действует, это дает гарантию от неприятностей только ей самой, но не ее людям. Первая в истории армия, все бойцы которой являются непримиримыми соперниками друг для друга, м-да... и с такой силой Изольда надеется завоевать мир? Впрочем, завоевать-то его она, пожалуй, завоеует (если, конечно, Кай ее не остановит), ибо ее сила – вовсе не в армии. Но как она собирается править им дальше? Править царством любви, то есть миром всеобщей взаимной ненависти?

Кая вывели на улицу. Холод показался почти обжигающим – горцы не зря носили свои овчинные тулупы – но небо над горами на востоке уже начало светлеть. В предрассветных сумерках Кай увидел еще двух человек, сидевших в седлах, причем эти, кажется, не были горцами. Тем не менее, все четверо образовывали один патруль; двое обследовали дома, двое прикрывали их снаружи. Как снисходительно пояснил Каю хриплый, бегущие во владения Изольды почти всегда останавливаются на ночлег в выселенных деревнях, так что патрули вылавливают их здесь по ночам регулярно. Имелся у них, соответственно, и дополнительный конь для пленника – один, ибо к Изольде всегда бегут поодиночке. Кай почувствовал мгновенную панику при мысли, что сказать, если его попытаются посадить на кобылу – в голову не лезло ничего правдоподобного, а ведь об этом, Вольдемар его побери, стоило подумать заранее! – но на сей раз судьба смилостивилась над ним, и это оказался жеребец

Практически весь этот день Каю пришлось провести в седле – лошади, неказистые на вид, отличались отменной выносливостью (как и сами патрульные, двое из которых были местными, а двое – бывшими имперскими кавалеристами), так что им вполне хватало лишь кратких остановок. Чего нельзя было сказать о Кае, с непривычки отбившем себе всю задницу – да и боль в привязанных к луке седла запястьях не добавляла удовольствия от поездки. Хотя, если бы не веревка, он бы, вероятно, свалился с коня, ибо, не выспавшись в две предыдущие ночи, периодически засыпал в седле. Впрочем, они ведь могли заставить его и идти на веревке за чужих конем то вверх, то вниз, и это было бы не в пример хуже.

С ним, однако, обращались без излишней грубости, хотя и симпатии к будущему

соратнику определенно не испытывали. И, вероятно, не только из-за ревности – для горцев он был если и не офицером (в версию о поэте они, похоже, не слишком поверили), то, во всяком случае, человеком с равнины, да еще со столичной манерой говорить, коих они явно недолго любили, для кавалеристов – убийцей их товарищей. Хотя, встретиться они теперь со своими прежними однополчанами сами... Кай пытался расспрашивать своих конвоиров об их нынешней жизни, но те отвечали односложно или не отвечали вообще. Самой содержательной репликой было "скоро сам все увидишь".

Кай увидел – по крайней мере, когда они въехали в первое обитаемое село. Село было как село, разве что больше предыдущих пустых. На соседнем лугу паслось овчье стадо. Из трубы кузницы валил темно-серый дым; изнутри доносились размеренные металлические удары. Двое разновозрастных, но одинаково одетых мужчин – вероятно, отец и сын – грузили горшки на подводку; запряженная в подводку лошадевка флегматично обмахивалась хвостом. Немолодая женщина с черным платком на голове доила во дворе упитанную длинношерстную козу; неподалеку возился в пыли неопределенного пола ребенок лет трех, облаченный в одну лишь коротенькую рубашонку. Прошла девушка с черными косами, в платье до пят, неся на плече кувшин с водой. Двое седых стариков в бараньих шапках, сидя на грубо сколоченной лавке под раскидистым деревом, о чем-то неторопливо беседовали. Какая-то хозяйка визгливым голосом призывала домой не то Зазу, не то Зозу, каковой мог с равным успехом оказаться ее отпрыском или супругом... В общем, обычная жизнь, текущая своим чередом. На ехавших главной улицей патрульных – и особенно на их пленника в мятом офицерском мундире – конечно, косились, кто быстрым стреляющим взглядом, как девушка с кувшином, кто долгим и тяжелым, как замолчавшие при их приближении старики, и собаки сопровождали их эстафетой лая от одной околицы до другой – но точно так же, надо полагать, это село встречало чужаков и до Изольды.

Ну а что ты ожидал увидеть, насмешливо спросил себя Кай. Массовую истерию? Всеобщее сабельное побоище? В любой достаточно крупной толпе наверняка найдется некоторое количество влюбленных, в том числе и безответно – но они ведь обычно не бросаются в глаза. Люди привыкают жить в том числе и с этим. Да, если Изольда соизволит проехать здесь лично, они, вполне возможно, станут, отталкивая друг друга, кидаться под копыта ее коня. Но пока объект их страсти далеко, они живут, как любые больные-хроники в интервалах между приступами – притерпевшись к своей болезни.

Что, кстати, хорошо, ибо избавляет от необходимости притворяться его самого. Ведь на этой-то территории его уже точно должно было накрыть, и Кай замечал, как несколько раз с усмешкой поглядывали на него конвоиры – что, мол, теперь и твоя гордость сломлена, теперь и ты – раб нашей Госпожи? Но то, что он сохранял невозмутимость – внешнюю, как они были уверены – возможно, лишь прибавило ему очко-другое в их глазах, но вовсе не вызвало подозрений.

Дальше им стали попадаться и другие поселения. Не старинные села, вросшие в эти горы столетия назад, а скорее временные лагеря, оскорблявшие своей безвкусицей живописные горные пейзажи. Вместо основательно сложенных из серого камня хижин – ряды наскоро сколоченных из досок барачков, а то и вовсе брезентовых палаток. Кай представил, каково в этих палатках ночами, и поежился – а ведь скоро будет еще холоднее... Впрочем, вряд ли дело в жестокости Изольды, полагающей, что ее поклонники должны согреться одной лишь любовью к ней. Просто строить что-то более основательное в этих горах не было ни времени, ни смысла – если Изольда намерена вскоре отправиться на покорение равнинных земель. А она, очевидно, намерена. Через пару месяцев в горах ляжет снег, закроются перевалы, возникнет опасность лавин – и тут уже никакая любовь не поможет...

В одних из этих наскоро оборудованных лагерей тоже хватало женщин и детей; целые галдящие толпы собирались вокруг повозок, с которых раздавали еду – как понял Кай, это не были сельские рынки, ее именно раздавали бесплатно, строго фиксированными порциями в

одни руки. Здесь тоже работали мастерские, а неподалеку можно было заметить пасущиеся стада. Другие лагеря были, похоже, чисто военными, с часовыми по периметру и упражнявшимися солдатами в сверкающих на солнце кирасах и кольчугах. Бойцы Изольды, попарно или шеренгами, рубились на импровизированных плацах тупым оружием или под свистки безжалостных капралов бегали в полном вооружении вверх-вниз по горным склонам. "Зачем ей это? – недоумевал Кай. – Ведь ей достаточно просто подъехать к вражескому войску на безопасное для нее расстояние...." Но затем он понял: тысячи изнывающих от страсти здоровых мужчин, собранных вместе, надо чем-нибудь занять. Лучше всего – физическими упражнениями, не оставляющими ни времени, ни сил на глупости.

Наконец, перебравшись через узкий перевал, уже почти на закате они добрались до замка. И едва увидев его, Кай понял, что один этот вид стоил всех малоприятных приключений последних дней.

Замок не просто стоял на берегу озера в месте впадения реки. Он стоял прямо на водопаде, коим эта река заканчивала свой путь, низвергаясь в озеро с высоты в добрые сорок ярдов. Непосредственно перед обрывом каменный выступ разделял реку на два рукава и далее тянулся вертикально по всей высоте водопада, а затем вновь вытягивался горизонтально вперед, вдаваясь в озеро наподобие носа корабля.

Замок был высечен в этой скале и выстроен на ней, и одно переходило в другое столь плавно, что трудно было понять, где кончается естественный монолит и начинается каменная кладка. Вертикальная часть скалы, разделившая два пенных потока, была превращена в изящную цилиндрическую башню с идущими по спирали высокими и узкими стрельчатыми окнами – то есть на самом деле башня представляла собой лишь половину цилиндра, выступавшую из скалы, а вторая, воображаемая (или все же реально прорубленная вглубь?) утопала в каменной тверди, чтобы вырасти из скалы уже над водопадом, воссоединившись с внешней половиной уже не в виде простого цилиндра, а в виде стремительно возносящейся ввысь ажурной конструкции (Кай искал сравнение, чтобы описать ее форму – бутон? колос? веретено? пламя факела? каменный вихрь?), образованной затейливо переплетавшимися витыми колоннами, просторными арками и горизонтальными площадками и в конце концов свивавшейся в острый пик, увенчанный золотым шпилем – сиявшим в лучах закатного солнца, как и многочисленные витражи выходивших на запад окон. "Корабельный нос" внизу, в свою очередь, был превращен в огромный балкон над водой, обнесенный балюстрадой, откуда, вероятно, тоже открывался чудесный вид на озеро и водопады; под этим балконом в скале была прорублена крытая галерея, опоясывавшая "нос" по периметру – со стороны это смотрелось, как нижняя палуба, впрочем, корабля уже не столько прогулочного, сколько военного, ибо здесь узкие окна скорее напоминали бойницы. Вообще, несмотря на кажущуюся легкость и ажурность, совершенно не вязавшиеся с обычными громоздкими фортификационными стандартами, замок был очень неплохо защищен от нежеланных гостей. Попасть в него можно было или сверху по одному из двух разводных мостов, переброшенных над обеими рукавами реки над самым обрывом, или же снизу на лодке, переплыв озеро и причалив к "корабельному носу", чьи отвесные бока вздымались из воды более чем на четыре ярда.

Именно последний путь избрали доставившие Кая. По разъезженной дороге маленький отряд спустился с перевала на берег озера, противоположный тому, где высился замок, и подъехал к небольшой квадратной башенке; в воде за ней виднелся дощатый причал, а над самой башенкой высилась мачта. Старший из кавалеристов, спешившись, постучал в воротка башенки и сообщил выглянувшему в дверное окошко немолодому стражнику о доставленном пленнике. "По документам – ротмистр Густав Лихт, сам говорит, что Кай Бенедикт... поэт", – прибавил солдат тоном почти что извиняющимся, мол, не я виноват в этой чепухе, я лишь передаю чужие слова.

– Бенедикт? – страж переправы аж попытался высунуть голову в круглом шлеме из

своего окошка, но оно было для этого слишком мало.

"Ну наконец-то хоть кто-то меня знает!" – удовлетворенно подумал Кай, выпрямляясь в седле.

– Скажите этим болванам, чтоб развязали меня, – произнес он аристократически-презрительным тоном. – Я прибыл сюда по собственной воле, но уже сутки не могу втолковать им эту простую истину.

Он понятия не имел, в каком стражник звании и имеет ли он право приказывать патрульным, но тот произнес что-то вроде "ну правда уж, ребята, здесь-то уж чего ж..." (что, впрочем, походило не на приказ, а на ворчливую просьбу), после чего исчез в своем окошке. Кавалерист обернулся к своим товарищам и тоже буркнул "ладно, развяжите его". Каю, наконец, освободили руки и тут же чуть ли не силой стащили его с коня, опасаясь, вероятно, как бы он не попытался угнать казенную лошадь. Тем временем у них над головами заскрипел шкив, и Кай, задрав голову, увидел, как по мачте ползут вверх разноцветные сигнальные флажки. Некоторое время они развевались на ветру, а затем над каменным "корабельным носом" поднялся одинокий флажок в ответ, после чего из отверстия в гранитном "борту", которое Кай разглядел только сейчас, выплыла лодка и, ритмично сверкая тремя взмывающими из воды парами весел, двинулась через озеро.

– Это же вы "Солдатскую песню" написали? – страж переправы вновь высунулся из своего окошка.

В стальной броне, на гнедом коне,
Рысцей трусит генерал
Добыть победу в восьмой войне -
Семь прошлых он проиграл.

За ним гарцует наш капитан,
Отчаянный человек,
Он всем известен – такой болван
Родится не каждый век!

– фальшиво напел он. – Я вот все думал, где вы нашего капитана Клермонта повстречать умудрились? Вы-то сами, чай, не служили?

– Ну так "всем известен" же, – ответил Кай, не вдаваясь в объяснения относительно типовых образов, совсем не обязательно имеющих конкретные прототипы.

– Да, да... Прямо вылитый он у вас получился! Под Монтеруэ, в Бонфуэррской кампании, стало быть, ломанулся вперед, никого не спрашивая, ура, ура... В итоге загнал роту в самую вражью гущу, ни слева, ни справа поддержать было некому, ну и покрошили там инсургенты почти всех в мелкую капусту, а самого оглоушили, да не добились, мертвым сочли – ну известное дело, дуракам счастье... А всего-то надо было стоять спокойно на позиции да ждать, пока маги подтянутся. Как они жахнули-то, так мятежникам и конец, мы бы вообще без потерь могли обойтись... А этому болвану медальку потом дали за личный героизм! Моя бы воля – я бы ему не медальку дал, а голову оторвал. Все одно он ей не пользовался...

Узнав, что перед ним один из "палачей Бонфуэрро", Кай утратил к ветерану всякий интерес (чего тот, предавшись воспоминаниям, похоже, даже не заметил) и лишь смотрел, как по озаренному заходящим слева солнцем озеру приближается лодка.

Наконец лодка причалила. Трое гребцов-солдат остались сидеть на веслах; молодой унтер-офицер в малиновом мундире (смотревшемся, на взгляд Кая, довольно потешно), выбрался на пристань, небрежно отсалютовал и получил от старшего патрульного бумаги и прочие вещи Бенедикта. Коротко просмотрев документы, он бросил сумку Кая на дно лодки и обратился к нему самому в меру вежливым, в меру холодным тоном, указывая на носовую банку:

– Прошу садиться. Мы доставим вас к Госпоже.

Хотя он был при шпаге (а солдаты, как заметил спрыгнувший в лодку Кай – при коротких мечях), никаких неприятных сюрпризов от свежедоставленного – кем бы он ни был – похоже, не ждали. Ну в самом деле, какие неприятности может доставить человек, которому только что пообещали исполнить его заветную мечту?

Пока лодка плыла обратно к замку, никто из них не сказал ни слова. Кая это более чем устраивало. Он любовался закатом над озером. Пока они плыли, огненно-красное солнце скрылось за дальним зубчатым горизонтом, погасив переливающуюся дорожку на воде, но прозрачно-бездонное небо, плавно меняющееся от оранжевого к синему как в пространстве, так и во времени, все еще воспроизводило собственное великолепие в озерной глади.

Лодка подошла к гроту – как теперь уже было ясно видно, также искусственно выдолбленному в скале и напоминавшему огромный клюз, только находившийся на уровне ватерлинии каменного "корабля". Когда они вплыли под низкие каменные своды, Кай поднял голову и обратил внимание на щель вверху, скрывавшую толстую опускную решетку. Никакого причала не было, "клюз" заканчивался вертикальной гранитной стеной, и лишь в каменном потолке виднелись новые отверстия, закрытые люками – очевидно, для подъема и спуска людей и грузов. Да, непрошеному гостю попасть в замок непросто – во всяком случае, с воды, причем это, наверное, лишь первые препятствия на пути в... донжон? Верхнюю часть замка, выстроенную на скале, совсем не хотелось называть этим термином – это было произведение искусства, воплощенное в камне парящее изящество, а вовсе не громоздкая крепость в крепости, последний рубеж обороны гарнизона... хотя, наверное, при необходимости она могла сыграть и эту роль. Кто и когда построил этот замок, интересно? Едва ли сама Изольда – масштаб работ, на непрофессиональный взгляд Кая, требовал десятилетий упорного труда сотен каменотесов... но, наверное, замку все же менее трехсот лет. Он построен в новую эпоху, эпоху мира, когда благодаря могуществу магов, уничтоживших внешнюю и внутреннюю оппозицию, власть Империи распространилась повсеместно, позволяя зодчим предпочесть красоту и полет фантазии мрачным канонам фортификации...

Из открывшегося сверху люка сбросили трап. Унтер-офицер влез первым, Кай следом за ним. Из вырубленного в скале помещения, обширного, но с низким потолком (Кай успел заметить в свете масляных светильников тали с крюками, нависшие над грузовыми люками, тюки и ящики, сваленные вдоль стены, каких-то крепких людей в брезентовых фартуках и рукавицах – как обычно, вблизи и тем паче внутри все выглядело не так романтично, как издали) Бенедикта провели в боковую нишу и далее по каменной лестнице на "верхнюю палубу". Он не удержался и остановился, снова любясь видом, теперь уже открывавшимся с "корабельного носа" – сперва на озеро, затем на устремленный ввысь между двумя водопадами замок. Унтер-офицер не выразил неудовольствия задержкой, а, напротив, остановился рядом:

– Красиво, да? Утром здесь тоже чудесно... над водопадами радуги... Ну ладно, – он скопил глаза на двоих солдат, гуськом выбиравшихся из оставшегося позади проема. – Если Госпожа оставит вас в замке, еще насмотритесь.

Они прошли по отполированному до блеска граниту "палубы" к воротам в нижней части башни. Ворота тоже были каменные, украшенные богатой резьбой – каждая створка весила не меньше тонны и поворачивалась лишь благодаря расхोдившимся двумя полукругами рельсам, заглубленным в гранитное ложе. Створки были распахнуты наружу, а изнутри вход охраняла пара вполне классических стражников с алебардами (впрочем, алебарды, как успел заметить Кай, тоже были какие-то вычурные, со слишком длинными, волнисто изогнутыми и тоже украшенными ажурной резьбой секирами). Кай с неудовольствием подумал о предстоящем долгом и утомительном восхождении по винтовой лестнице – однако, хотя таковая в башне действительно имелась, она наматывала свои витки вокруг центральной шахты, уходившей на самый верх. На дне шахты покоилось нечто вроде открытой круглой беседки под

куполообразной крышей; от этой крыши вверх тянулся толстый канат, и Кай понял, что это подъемная машина.

Его догадка была правильной; едва Бенедикт и сопровождающие зашли внутрь, унтер-офицер потянул за витой алый шнур с тяжелой кистью на конце, и кабина плавно двинулась вверх.

– Колесо рабы крутят? – с усмешкой осведомился Кай.

– Зачем же рабы? – обиделся унтер-офицер. – Водопад крутит.

Кай мысленно одобрил изобретение, глядя по сторонам в проплывающие мимо окна. В одних были прозрачные стекла, открывавшие вид на озеро, могучие водопады слева и справа и горы вокруг, в других – цветные витражи, сейчас, после заката, уже не выглядевшие впечатляюще. С задней стороны кабины проплывали коридоры, уводившие куда-то вглубь скалы. На площадке у выхода из одного из них дожидались подъемника двое слуг в фиолетовых ливреях, но унтер-офицер не стал ради них останавливать кабину, да и места в ней уже не было.

Кабина поднялась до верхнего острова, служившего основанием бутонообразному донжону – но не остановилась, а продолжила двигаться дальше. Видимо, ее канат был переброшен через блоки на самом верху замка. Кай получил возможность полюбоваться изнутри изящно сплетавшимися резными колоннами и воздушными арками; да, таких светлых и просторных донжонов он определенно не видел никогда в жизни, даже на картинках. Сейчас, впрочем, когда даже на этой высоте дневной свет уже угасал, по коридорам и галереям спешили слуги, повсюду зажигая светильники. Колпаки светильников были из разноцветного стекла, и одни коридоры обретали желтый или оранжевый, другие – зеленый или голубой оттенок; были и такие, где цвета чередовались. Кай подумал, как замок выглядит со стороны ночью, светясь разноцветными огнями и отражаясь в зеркально-спокойных водах озера...

Наконец унтер-офицер снова потянул за шнур, и кабина остановилась. Все четверо вышли на выложенную черно-белыми плитками площадку, кольцом опоясывавшую шахту, а оттуда – в коридор с таким же полом и высоким сводчатым потолком. Вместо обычных канделябров здесь были статуи с факелами в руках; огонь отражался в отполированных черных и белых мраморных квадратах пола. Статуи вдоль правой стены изображали мужчин, вдоль левой – женщин. Их позы и одеяния были различны, но в стоявших друг напротив друга неизменно угадывалась некая объединяющая гармония, не всегда сводившаяся к простой симметрии. Они тянулись друг к другу – кто в явном порыве, кто словно бы тайком, маскируя свое желание подчеркнуто спокойной позой и легким отворотом головы – но, разделенные всего лишь узким коридором, обречены были вечно стремиться и никогда не встретиться, и, пожалуй, человеку с другими взглядами, чем у Кая, это зрелище могло показаться почти нестерпимым... Пройдя между ними несколько ярдов (унтер-офицер шагал рядом, солдаты позади), Кай заметил еще одну особенность: все мраморные мужчины были разными, но у всех женщин – хотя и они различались прической, ростом и фигурой – было одно лицо. Точнее говоря, присмотревшись, можно было заметить, что каждый скульптор – а Кай сразу понял, что разные пары изваяны разными скульпторами – внес в женское лицо какие-то черты собственного восприятия, но модель, вне всякого сомнения, у всех была одна. Не требовалась фантастическая проницательность, чтобы догадаться, кто именно.

Двое рыцарей в сияющих латах, в шлемах с опущенными забралами, недвижно застывшие у высокой двустворчатой двери в конце коридора, тоже казались статуями. Однако унтер-офицер что-то негромко сказал правому из них, и рука в тяжелой латной перчатке поднялась и трижды гулко стукнула в дверь. Мгновение спустя правая створка приоткрылась (изнутри донеслась музыка), и унтер-офицер проскользнул внутрь. Минуту спустя он появился снова и торжественно провозгласил Каю: "Госпожа желает видеть вас".

Кай, только что с полным спокойствием разглядывавший рыцарей и размышлявший сугубо теоретически, способны ли они, в своих тяжелых латах и с двуручными мечами, на

сколь-нибудь эффективный бой в этом коридоре или будут лишь мешать друг другу и цепляться клинками за стены и статуи – вдруг почувствовал, как у него участился пульс. Неужели вот сейчас... прямо сейчас он войдет и убьет Изольду? И что все-таки будет потом? Действительно ли все эти рыцари, солдаты и слуги, и кто тут еще есть, мгновенно избавятся от наваждения и возблагодарят своего освободителя – или...? Он так стремился закончить все побыстрее – а теперь ему казалось, что куда умнее будет не спешить, а сначала попытаться втереться к ней в доверие и дожидаться более благоприятного для, гм, безопасной эвакуации момента. В конце концов, его договор со Светлым Советом не предусматривает никакой крайней даты, и уж точно такой датой не является сегодня...

Унтер-офицер смотрел на него с пониманием, по-своему интерпретируя его замешательство. Кай почувствовал резкий прилив раздражения от его взгляда – подумать только, *его* считают терзающимся робостью влюбленным! – и решительно шагнул в дверной проем. Никто не последовал за ним.

Помещение, где он оказался, было не слишком велико для тронного зала (хотя Кай никогда прежде не бывал в тронных залах) – во всяком случае, здесь определенно не проводились большие приемы. Первым, что Кай увидел, переступив порог, был гибкий юноша в клетчатом красно-белом трико, танцующий на руках на зеркально гладком каменном полу; двое музыкантов слева и справа аккомпанировали ему на флейте и лютне. Правее стоял вполоборота, покровительственно глядя на них, дородный господин в темно-фиолетовом расфуфыренном жакете с рукавами-буфами; свой большой берет с длинным синим пером он почтительно держал в руке, и его обширная плешь, окаймленная венчиком сивых волос, блестела почти так же, как отполированный пол. Вероятно, именно он нашел и доставил артистов для развлечения Госпожи и теперь надеялся на награду. С другой стороны – слева и дальше от входа – примостился за низким столиком большоголовый носатый секретарь с пером в руке (черным, под цвет его строгого черного костюма), готовый в любой момент записывать распоряжения или изречения государственной важности. Наконец, еще дальше, в обрамлении пышных парчовых драпировок, занимавших всю дальнюю стену, на квадратном возвышении (небольшом, всего в одну ступеньку) стоял трон – или, может быть, просто высокое кресло – но танцор мешал Каю разглядеть сидевшую там. Зато он увидел ожидаемых крепких парней с мечами по обе стороны трона – это были братья-близнецы по семь футов ростом, в рельефных светло-коричневых панцирях из твердой вываренной кожи, повторявших рисунок грудной и брюшной мускулатуры. Их обнаженные бицепсы были толщиной если не с каево бедро, то с голень точно. Их взгляды, мигом сомкнувшиеся на Кае подобно челюстям, не доставили ему удовольствия.

– Выйдите все, – велел равнодушный женский голос. Он звучал негромко, даже устало, но музыканты мгновенно прекратили играть, а танцор мягко приземлился на ноги. Двое привратников за спиной Кая приоткрыли двери (видимо, распахивать их настежь полагалось лишь для особо важных гостей, а может – только для самой Изольды), и артисты вместе с их покровителем, поспешно раскланиваясь на ходу, с двух сторон обогнули Кая и выскользнули друг за другом в коридор.

Кай впервые увидел ту, которую явился убить. Она сидела на своем троне – или попросту большом кресле – совсем не в королевской позе: вполоборота, закинув ногу на ногу, всем своим видом выражая пресыщенную скуку (возможно, впрочем, и демонстративную). Кая поразило, что "чернявая ведьма" оказалась вовсе не брюнеткой, а строго наоборот: ее снежно-белые волосы пышной волной ниспадали на плечи. "Крашенные? – подумал Кай. – Но ведь красятся только проститутки..." Впрочем, Изольда, конечно, могла себе позволить игнорировать любые представления о морали. Хотя в то же время ее темно-синее платье свободного покроя не осудил бы и самый строгий из Светлых моралистов – оно закрывало все ее тело от шеи и до лодыжек. Что, кстати, могло создать для миссии Кая определенные сложности. Хорошо, что она по крайней мере не носила перчаток, ну и лицо, само собой, оставалось открытым. Это лицо и в

самом деле было очень красивым – во всяком случае, в профиль, который пока только и был доступен взору Кая, хотя он уже видел то же лицо и анфас, проходя мимо скульптур в коридоре. Теперь было ясно, что скульпторы не польстились своей модели. На вид ей было не больше двадцати, хотя Кай не сомневался, что она существенно старше.

– Я сказала – все, – повторила Изольда, не повышая голоса (манера говорить у нее была такая, будто ей лень даже раздвигать губы), но делая нетерпеливый жест рукой, словно смахивала крошки со стола. – Кроме моего гостя.

Последовало короткое замешательство – видимо, подобная команда звучала здесь нечасто, а может, и вовсе никогда – но затем привратники, секретарь, так и не выпустивший пера из руки и, наконец, братья-телохранители, все заглядывавшие в лицо своей госпожи преданными собачьими глазами – верно ли они поняли, неужели приказ касается и их тоже? – один за другим покинули помещение. Двустворчатые двери закрылись за спиной у Кая.

"Неужели так просто? – подумал он. – Она словно сама хочет облегчить мне задачу..."

Изольда молча косила на него левым глазом, и на ее тонко очерченных губах играла легкая усмешка. Ждала, когда он бухнется на колени и примется объясняться в любви? Неужели ей до сих пор не надоели подобные зрелища?

– Я Кай Бенедикт, – произнес он, не зная, что сказать. – Поэт. Тот самый. В бумагах, которые вам, возможно, показали, значится другое имя, но...

– Я знаю, кто ты, – перебила Изольда. – И я знаю, зачем ты здесь. Добро пожаловать во Фламмештайн, Кай Бенедикт.

И она повернулась к нему анфас.

Кай вздрогнул и едва не отшатнулся в ужасе и отвращении.

Правой половины лица у Изольды Прекрасной практически не было. Во всяком случае, кожи там не было точно. Взору Кая предстало жуткое месиво багровой плоти, глубоких шрамов и келлоидных рубцов. То, что осталось от ее губ справа, срослось, и Кай понял, что ее странная манера говорить определяется вовсе не "ленью". Лишь правый глаз каким-то чудом уцелел и смотрел из багрового месива столь же холодно и внимательно, как и левый.

Кай овладел собой быстро – но все же не настолько, чтобы она не заметила его реакцию. Левая половина ее лица расплылась в улыбке.

– Наконец-то, – сказала Изольда. – Я уже боялась, что до них никогда не дойдет.

– О чем вы? – растерянно спросил Кай, все еще пребывая в шоке и не зная, куда девать глаза – то ли демонстративно смотреть на нее, словно ничего не случилось, то ли отвести их в сторону (она может счесть оскорбительным как первое, так и второе).

– Они не видят, – печально поведала ему Изольда. – Никто из них не видит. Всем кажется, что справа я так же прекрасна, как и слева. Ни одного исключения до сих пор. Включая, разумеется, и всех тех убийц, которых подсылали ко мне эти Светлые недоумки прежде. Долго же до них доходило, что надо искать человека, не способного любить. Я уже почти отчаялась.

В ее тоне, однако, не слышалось издевки. Она словно и впрямь искренне делилась своей проблемой – и радостью о благополучном разрешении таковой. Кай молчал. Отрицать? Сознаваться? Бежать? Вот последнее точно бесполезно, в коридоре его поджидает целая толпа... Или просто подбежать к ней и схватить ее за руку? Телохранители не успеют... Но если она все знает, почему она отослала охрану?!

– Уже боялась, что придется искать самой, – продолжала Изольда, как ни в чем не бывало. – Хотя возможности Светлого Совета по этой части не в пример больше моих... по крайней мере, пока. Ну, лучше поздно, чем никогда – хоть какая-то польза от них... Что они тебе посулили за мою смерть? Мне почему-то кажется, что это были не деньги... во всяком случае, не только деньги. Или я все еще слишком идеализирую людей? Ну не молчи уже, – произнесла она теперь уже с явной насмешкой. – Мне казалось, что поэт Кай Бенедикт более красноречив.

– Если... по-твоему... я убийца, – выдал из себя Кай, – почему ты выгнала стражу?

– У тебя есть несколько причин не убивать меня, – невозмутимо ответила она. – Во-первых, ты хочешь получить ответ на этот вопрос. Во-вторых... ты не учился строительному делу?

– Строительному делу? – недоуменно переспросил Кай.

– Значит, не учился. Я так и думала, – вздохнула Изольда. – В противном случае ты бы сразу понял, что этот замок стоять не может. Слишком субтильная конструкция, эти закрученные спиралью колонны не выдержат даже собственного веса, не говоря уже о весе всей башни в целом. Фламмештайн удерживает лишь моя магия. Сразу после моей смерти он рухнет убийце на голову. Об этом Светлые тебе, разумеется, не сказали?

Кай потрясенно молчал.

– Так что можешь забыть обо всем, что они тебе посулили, – удовлетворенно продолжала Изольда. – Если только, конечно, это не был посмертный памятник. Но на такую плату ты бы согласился вряд ли. Ведь это же ты написал: "Нет ничего бесполезней посмертной славы!"

– Да и в прижизненной, в общем, немного проку, – пробормотал Кай следующую строку, думая, что его прижизненные перспективы стремительно испаряются. Даже если каким-то невероятным чудом он вырвется живым из владений Изольды, магам он живой не нужен. Признанный классик государству выгоднее, чем гонимый смутьян, но еще выгоднее – мертвый герой, осознавший заблуждения молодости и отдавший за государство жизнь. "Полное собрание сочинений", да. Это вовсе не было случайной оговоркой Игнуса. Может быть даже, этот пункт договора они и впрямь готовы выполнить. И даже действительно поставить памятник, что обойдется всяко дешевле, чем 10 тысяч золотых...

– Ну, некоторый прок все же есть, – ответила Изольда на сказанное им вслух. – В частности... я сказала тебе, какие у тебя причины не убивать меня – хочешь узнать, какие у меня причины не убивать тебя?

Кай проигнорировал риторический вопрос, продолжая глядеть в ее кошмарное лицо – он все же решил, что не будет отводить взгляд.

– Одна из причин состоит в том, что мне нравятся твои стихи. Скажу даже больше – ты мой любимый поэт.

– Я же никогда не пишу о любви, – криво усмехнулся Кай. – Точнее, у меня есть пара стихов о том, какая эта глупость и мерзость, но...

– Вот именно поэтому, – перебила его Изольда. – Ты все еще не понял?

– Что я должен понять? – пробормотал он, чувствуя себя идиотом. Она играет с ним, это очевидно, но это не просто игра кошки с мышкой, за ее иронией чувствуется нечто серьезное, нечто... настоящее...

– Хотя бы кто сделал это со мной, – она коснулась своего изуродованного лица.

– Какой-то... ревнивец? Мне сказали, что сейчас ни у кого из них не хватает духу причинить тебе вред, но, возможно, в прошлом, когда твоя сила была меньше...

– Значит, не понял, – вздохнула Изольда. – Тебе сказали правильно. Хотя насчет силы тоже верно. На меня заглядывались, когда мне было еще лет двенадцать, когда я еще ничего о себе не подозревала и не понимала, что от меня нужно всем этим взрослым мужикам... С четырнадцати мне уже просто не давали проходу. Отцу приходилось запирает меня в башне, как сокровище, за которым все охотятся. У нас был родовой замок, хотя, конечно, не такой, как этот – полуразвалившаяся башня в четыре этажа, одно название, что замок... "Древний, но обедневший род" – ты бы назвал это пошлым штампом, да? – так вот это про нас. У нас оставалось всего трое слуг, и тех отцу пришлось уволить – из-за меня. Он уже не мог им доверять, даже старику Тому, прослужившему нашей семье шестьдесят лет... Но все меры предосторожности не помогли. Меня похитили, пытались изнасиловать... но стоило мне посмотреть на насильника, и он рухнул к моим ногам, обливаясь слезами раскаяния. Я не утрирую. Представь себе эту сцену – жирный пятидесятилетний распутник, на котором пробы

негде ставить, натурально рыдающий у ног пятнадцатилетней девчонки. Меня чуть не стошнило, особенно когда я увидела сопли, текущие из его носа. Само собой, я вернулась домой, нетронутая. Позже подобное повторялось еще несколько раз. Меня хватали, набросив мешок на голову... если бы хоть один из них догадался сделать свое грязное дело, не снимая мешка, у них бы получилось. Тогда еще да. Тогда еще обязательно нужен был мой взгляд. Но им он тоже был нужен, им хотелось видеть мое лицо... Были и те, кто сватался честно, но все они вызывали у меня отвращение – хоть старые богачи, хоть молодые рыцари. Как и сама мысль о том, что меня ждет в случае согласия – теоретическое представление об этом я к тому времени уже имела. И эти бесконечные серенады под окнами... я перебила все горшки в доме, швыряя их им на головы. Периодически утром там обнаруживался труп... нет, не убитый горшком, а заколотый более ловким, но ничуть не более умным соперником. Я умоляла отца бросить все, бросить родовой замок и уехать куда-нибудь в глушь... больше всего я боялась, что вместо этого он таки выдаст меня замуж – мы ведь жили фактически в нищете, а ему предлагали за меня очень хорошие деньги. Вопреки всем обычаям, да, согласно которым приданое должна давать родня невесты. Но он согласился не с ними, а со мной, и увез меня в хижину в горах... тогда я думала – это потому, что он меня любит. А потом поняла, что это так и есть, – Изольда жестко усмехнулась левой половиной лица. – Когда мне было семнадцать, он покончил с собой. И я поняла, почему он это сделал. Просто не мог больше бороться с искушением. Мой родной отец, бывший для меня всем. Матери я не знала, она умерла при моем рождении... так, кстати, всегда бывает, когда рождается маг, ты в курсе?

– Н-нет, – потрясенно качнул головой Кай.

– Вот и я была не в курсе... Это как жертвоприношение, только оно совершается не по сознательной воле. Ребенок, обладающий магическими задатками, выпивает жизнь своей матери, и с этого момента начинается развитие его собственной силы... Но, разумеется, далеко не всякий ребенок, убивший собственную мать при появлении на свет, становится магом. Лишь один на многие тысячи... Так что тогда я все еще думала, что все дело лишь в моей красоте. В моей проклятой красоте. И тогда я сделала с собой – это. Ножом и огнем, – Изольда помолчала. – Я все продумала, даже то, что огонь остановит кровотечение. Я не хотела умирать. Я хотела только перестать быть приманкой для всех мужчин, увидевших меня хоть краем глаза... тогда еще это касалось только мужчин. Но я не могла себе представить, насколько это окажется больно. Не только сразу, но и потом, многие недели... Не думаю, что даже ты, с твоим литературным талантом, нашел бы слова, чтобы описать эту боль. От этой боли я поседела. Но все они по-прежнему видят мои волосы черными. Ты ведь видишь их настоящий цвет?

– Да.

– Ты правда не представляешь себе, как меня это радует. Хотя, конечно, я бы не стала делать этого с собой, если бы знала, что все равно не поможет. Ну ладно, не буду больше травмировать твою тонкую поэтическую натуру, – она снова повернулась к нему левым профилем. – Так лучше?

– Я... не сужу о людях по внешности, – выдавил из себя Кай. – Но... так лучше, да.

– Люблю откровенность, – усмехнулась Изольда и добавила серьезным тоном. – Пожалуйста, всегда говори мне правду. Мне нужен хоть кто-то, говорящий мне правду.

– Значит, ты такая же, как я, – наконец понял Кай. – Свободная от любви.

– Если бы свободная, – вздохнула она. – То есть я, разумеется, неподвластна любви – иначе бы уже влюбилась в собственное отражение. Зато ей подвластны все, кто меня окружает. О, еще как подвластны. И я ничего не могу с этим поделать. Магический дар нельзя нельзя ни отменить, ни обменять. Его можно лишь развить еще больше учением и тренировками.

– Чем ты и занялась.

– Да. А что мне еще оставалось? Если нет способа избавиться от своей слабости – преврати ее в свою силу.

– Ну да. Тысячи верных рабов. Любые деньги, любые ресурсы к твоим услугам – достаточно лишь оказаться поблизости от их владельца, причем теперь эта "близость" уже исчисляется многими миллионами... Не могу сказать, что во всем этом нет практического смысла. Но что дальше? Ты действительно хочешь... власти над всем миром, или Светлые наврали и тут?

– Не наврали.

– И зачем тебе это? Разве тебе недостаточно той власти и богатства, что ты уже имеешь?

– Недостаточно.

– Почему? Я не стал бы задавать этот вопрос какому-нибудь властолюбивому маньяку, но поклонница моих стихов, в которых я столько раз высмеивал...

– Потому что лето твое прошло,
Потому что злом побеждают зло,
Потому что ввысь не уходит нить -
Ни молить там некого, ни винить;

Потому что время сродни свинцу,
Потому что глупо светить слепцу,
Потому что мухи летят на свет,
Потому что легче не будет, нет;

Потому что некуда звать раба,
Потому что плоть, как всегда, слаба,
Потому что нету в конце наград,
Потому что правде и сам не рад...

– ответила Изольда.

– Ну да. Это тоже мои стихи. И что?

– Как это что? Ты сам ответил на свой вопрос. Или вот еще:

Не много им проку от их извилин -
Пред зовом инстинктов их ум бессилён,
Имея реальные достижения
Лишь в сфере убийства и размноженья.

Ты же столько писал о человеческой глупости. О том, что люди не просто не могут, а, что самое гадкое, не хотят вести себя разумно. Ты ненавидишь любовь за то, что она отнимает разум и свободу. Но нельзя отнять у человека то, чего у него нет – как и то, от чего он сам жаждет избавиться. Ибо последнее уже не называется словом "отнять"... Вывать к человеческому разуму так же бесполезно, как и светить слепцу. На высшие силы надеяться также не приходится, ангелы и демоны – это, по всей видимости, не более чем легенды. Значит, есть лишь один способ устроить жизнь на земле на разумных началах – победить зло злом. Звать раба в правильную сторону бессмысленно, да – он не пойдет. Но ему можно приказать. Используя в качестве кнута и пряника тот стимул, который доходит до него гораздо лучше любых мудрых слов и логических построений. Собственно, если угодно, это скорее даже твой план, чем мой. Меня вдохновили на него твои стихи. Я лишь обладаю силой, позволяющей воплотить его в жизнь.

– Никогда я ничего подобного не планировал! – возмутился Кай. – Ты хочешь "устроить мир на разумных началах", погрузив его во всеобщее безумие?!

– Ну а что делать, если другие способы не работают? Сколько веков различные умники вывают к здравому смыслу, но кто их слушает? Зато идея о том, что "любовь правит миром", неизменно популярна. Вот и пусть правит. Теми, кто ничего другого не заслуживает. Здравомыслящий правитель наверху, беспрекословное подчинение внизу. Чем плохо?

– Хотя бы тем, что это будет мир всеобщей вражды. Сколько там дуэлей регулярно

случается в твоём лагере, несмотря на запреты и палачей? Ну и потом, человечество же просто вымрет! Если все будут безответно любить тебя одну, кто будет рожать детей?

– Ну уж ты-то прекрасно знаешь, что для продолжения рода любовь вовсе не требуется, – поморщилась Изольда. – На протяжении многих веков брак был просто сделкой между семьями, нередко жених и невеста вообще не видели друг друга до свадьбы... Это только в последние столетия расцвел культ романтической любви.

– Да, любовь вообще – на удивление бесполезная штука, – подхватил Кай. – Она не нужна ни для чего – в том числе ни для зачатия, ни для воспитания детей. В последнем случае если что и требуется, то любовь в совсем другом смысле слова, родителей к детям, а не друг к другу. Но необходимости-то в ней нет, а вот мешать она может еще как.

– Влюбленные в меня способны и к спариванию друг с другом, и к заботе о потомстве. Если я им велю. Это я уже проверила.

– Ты говоришь, словно смотритель зверинца, – усмехнулся Кай.

– В твоём обществе могу себе позволить не лицемерить. И кроме того. Я не собираюсь влюблять в себя все человечество. Это было бы слишком утомительно, все же радиус действия моей магии ограничен. Вполне достаточно сформировать абсолютно преданную мне правящую верхушку – администрацию и силовые структуры. А они уже будут проводить мою волю в жизнь традиционными методами.

– Чем это отличается от того, что делает Светлый Совет?

– Светлый Совет, во-первых, столь же обуреваем страстями, подвержен предрассудкам и далек от идеалов разума, что и обычные люди. А во-вторых, прибегает к насилию там, где мне оно просто не понадобится. Конечно, я не стану отвлекаться ради каждого мелкого смутьяна в далекой провинции, пусть с ним разбирается стража – но в случае серьезного бунта мне достаточно просто приехать на место. И никаких тысяч жертв, как в Бонфуэрро и других местах, не говоря уже о войнах до объединения Империи.

– Ну а кто тебе сказал, – вновь усмехнулся Кай, – что у тебя самой хватит здравомыслия, ума и знаний, чтобы в одиночку управлять человечеством?

– Вот поэтому-то мне и нужен ты.

– Я? В качестве... принца-консорта?

– Нет, разумеется. Консорты как раз ничем не управляют. В консорты я, может быть, возьму нынешнего императора, чтобы обеспечить формальную легитимность передачи власти...

– Он женат, – с усмешкой напомнил Кай.

– Как ты сам понимаешь, это легко решается. А ты мне нужен в качестве советника. Единственного в моем окружении, кто сохраняет трезвую голову на плечах и способен говорить мне правду, а не то, что, по его мнению, я хочу услышать.

– Спасибо, конечно, – пробормотал Кай, – но, знаешь, я тоже не уверен, что смогу в одиночку, или даже вдвоем с тобой, разумно управлять всем человечеством. Одной трезвой головы для этого мало. Нужны знания во множестве областей. Не говоря о том, что даже самая трезвая голова не застрахована от ошибок.

– Ты не вечно будешь единственным. Мы будем искать и находить других. Таких же, как мы, неподвластных любви. Это и будет настоящая элита, правящая миром. Не Светлый Совет и не Темный, а Разумный.

– Разумный Совет? Звучит, как каламбур.

– Придумаем более удачное название, сам понимаешь, это далеко не главная проблема. Тем более что этот орган не будет официальным. Он будет тайным. Само существование людей, неподвластных моей магии, желательно скрывать, сам понимаешь.

– Идеальный союз силы и ума, да?

– А разве нет?

– Мне кажется, ты не все продумала. В частности, что будет... потом? Ведь даже маги не

бессмертны.

– Я не собираюсь умирать прямо завтра, как бы Светлому Совету ни хотелось обратного, – улыбнулась Изольда. – Полагаю, за время своей жизни я успею отыскать и воспитать преемницу.

– Думаешь, твой случай не уникален? Для Светлых он, по крайней мере, стал полной неожиданностью.

– Да, в хрониках не упоминается магия любви. То есть в переносном смысле – сколько угодно, но не в прямом. Поэтому-то они меня и прохлопали. Они охотятся за новорожденными Темными, а моя магия темной не является... Но я думаю, что среди этих "переносных смыслов" были и прямые, только этого никто не понял, включая их самих. Они так и остались просто красавицами, сводившими с ума мужчин. Никто из них не решился на то, на что я... Думаю, что боль, которую я перенесла, лишь увеличила мою силу. Ну а потом, конечно, я развивала ее уже сознательно. Читала все магические книги, какие могла достать... а вскоре для меня, как ты верно заметил, стало возможным достать что угодно.

– Да, – припомнил Кай, – Игнус говорил что-то подобное. Так у тебя есть свой человек в Светлом Совете?

– Позволь мне не отвечать на этот вопрос, – Изольда вновь лукаво улыбнулась оставшейся у нее половиной рта. – В конце концов, женщина имеет право на некоторые маленькие секреты.

– Вот, значит, откуда ты знаешь о моей миссии.

– Нет. Я не знала, что они пришлют именно тебя. Очевидно было, что они должны искать кого-то, имеющего иммунитет к любви, и что рано или поздно они его найдут – уж я-то знала, что такие люди существуют. Я допускала – судя по твоим стихам – что это можешь оказаться ты. И, честно говоря, мне этого хотелось. Но я не могла быть в этом уверена.

– Интересно, – задумчиво произнес Кай, – в чем могут быть уверены они относительно того, что происходит здесь. Учитывая, что любой засланный разведчик тут же перейдет на твою сторону. Ну, например, откуда ты знаешь, что им известны... архитектурные особенности этого замка?

– Все ищешь им оправдания? Надеешься, что они не знали, что посылают тебя на верную смерть?

– Просто предпочитаю не верить на слово пропаганде ни одной из сторон, – холодно ответил Кай.

– У них два источника информации. Во-первых, птицы. Маги могут смотреть их глазами. Мои лучники имеют приказ сбивать птиц, но, сам понимаешь, не всегда это получается.

– Значит, это правда, что маги могут управлять животными? В таком случае, они могли бы заслать сюда и кого-нибудь поопаснее птиц.

– Не все. Некоторые могут, я, например, нет... И да, они пытались. Один раз у них даже почти получилось. Видишь? – Изольда потянула вверх подол платья, и Кай, присмотревшись, различил два маленьких шрама на обнажившейся лодыжке. – Ядовитая змея, – пояснила Изольда. – К счастью, меня спас один из моих офицеров, оказавшийся рядом и отсосавший яд.

– А сам он... выжил?

– Увы, – качнула головой Изольда; в ее голосе, впрочем, не чувствовалось грусти. – Яд был очень сильный, и отсасывать его надо было очень быстро. У него даже не было времени сплевывать – только глотать. Потом я, конечно, учла урок и перестроила систему безопасности. Теперь ни одна змея ко мне не подберется. Я не могу управлять ими напрямую, но... кое-какая, назовем это так, магическая сигнализация предупреждает меня об угрозе. На это уходят дополнительные силы, но что поделать.

– А второй источник информации?

– Шпионы, – пожала плечами Изольда. – Только не их, а мои. Те, которых им удастся

поймать и допросить на своей территории.

– Если я что-то понимаю, – медленно произнес Кай, – ты не слишком сожалеешь об этих арестах.

– Люблю умных собеседников.

– Но сами они, конечно, не догадываются об истинном характере своей миссии.

– Если бы и догадывались, все равно вызвались бы добровольцами. Но, конечно, все должно быть абсолютно натурально. От мага-дознавателя невозможно скрыть никакие тайны.

– Да, – мрачно кивнул Кай, – насколько я знаю, это похуже любого палача.

– Магический допрос не сопряжен с пытками... в обычном смысле слова. С физической болью.

– Да, но в процессе из человека в буквальном смысле вытягивают душу. После окончания допроса он превращается в безмозглый овощ.

– Такова война, – Изольда вновь пожала плечами. – "Можно согласиться и на кровь, если кровь прольется не напрасно." Чьи стихи?

– Мои, мои, – признал Кай. – Хотя, по-моему, потеря разума хуже любого кровопролития... Но кстати о магах. Я сказал, что ты не все продумала в своем балансе ума и силы. Что ты будешь делать, если магом окажется один из... наших? Из неподвластных любви – но и не годящихся в твои преемники. Что, если он бросит вызов тебе и всей твоей системе?

– Проблемы будем решать по мере поступления.

– Это уход от ответа на вопрос. Что, теперь уже ты займешься истреблением новорожденных? Только не Темных магов, а *наших*?

– Зачем обязательно истреблением? – в голосе Изольды впервые обозначилось раздражение. – При правильном воспитании... из него можно сделать союзника, а не врага.

Однако на сей раз уверенности в ее тоне не чувствовалось. Такая система устойчивой не будет, и Изольда это понимает. Значит...

– Так на чьей ты стороне, Кай? – она прервала затянувшуюся паузу, впервые назвав его просто по имени.

– Как и всегда – на своей собственной, – пробурчал Бенедикт.

– Теперь уже ты уходишь от ответа на вопрос. Ты ведь понимаешь, что остаться нейтральным уже не получится.

– Скажи уж прямо – не поддержать тебя уже не получится. Если я откажусь, меня убьют, так?

– Так, – спокойно подтвердила Изольда, – но это сделаю не я. Хочешь, я прямо сейчас прикажу своим людям проводить тебя к границе? К нынешней границе моих владений. И самое позднее через неделю после этого ты будешь мертв... или все равно что мертв. Скорее всего, тебя расстреляют прямо на кордоне. У них там строжайший приказ – никого не пускать ко мне, никого не выпускать от меня. Едва ли ты сумеешь убедить их, что выполнял особое задание. Они хорошо знают, что всякий, побывавший у меня, верен мне до гроба, какими бы ни были его первоначальные планы. Тебя истычут стрелами еще до того, как ты успеешь что-то сказать. Ты в курсе, кстати, что стало с жителями той деревни, в которой тебя нашел мой патруль?

– Я полагал, что их эвакуировали. Но ты, очевидно, хочешь сказать, что это не так?

– Первоначальный план был именно такой. Армия срочно угоняла всех, кто мог оказаться моим потенциальным подданным. Но они не знали, как быстро мое влияние достигнет этих земель, и запаниковали. Им показалось, что колонна с женщинами, детьми и стариками движется недостаточно быстро, а лошадей на всех не хватало... а мужчины, конечно, не согласились бы уходить одни, бросив своих родных... ну и, короче, они положили всех. Буквально в миле за селом. Сбросили с обрыва. Но некоторые, сброшенные последними, выжили. Трупы их близких смягчили удар. С двумя из выживших ты уже познакомился.

– Вот, значит, как. Удивительно, как они не перегрызли глотки бывшим солдатам в одном

с ними патруле.

– Не перегрызли. Потому что я не велела. "Все, что вам нужно – это любовь, а не война." Так вот. Даже если каким-то чудом ты все же проберешься через заставы – тебя прихватят маги, чтобы допросить только что описанным тобой способом. Даже не потому, что имеют что-то против тебя лично – а они имеют, и за твои стихи, и за провал задания – а просто потому, что ты окажешься самым надежным источником информации о том, что тут у меня происходит. Скажешь, я не права?

– Права, – вынужден был признать Кай.

– Значит, по рукам?

"Знала бы ты, что предлагаешь!" – мысленно усмехнулся он, но вслух лишь ответил: – Да.

– Кстати, – она словно прочитала его мысли, – могу я полюбопытствовать, каким способом ты намеревался меня убить? Перспективу обыска и ты, и пославшие тебя, конечно, учитывали, и ничего опасного при тебе найдено не было. Ведь не задушить же ты меня надеялся.

– А если я скажу, что мужчина тоже имеет право на секреты? – усмехнулся Кай. – Я, видишь ли, сторонник равенства полов.

– Но ты теперь на моей стороне, – напомнила она уже серьезным тоном, – а они могут попытаться использовать тот же трюк снова. И если в системе *нашей* безопасности существует брешь, я должна это знать.

– Хорошо. На меня... наложили заклятье. Которое сделало мое прикосновение смертельным для любой женщины... и даже для самки животного. И не только прикосновение. Слюна, слеза, кровь – любая жидкость...

– Хмм... Узнаю Светлых. С размахом работают – всех под одну гребенку, чего там мелочиться... Но, – произнесла Изольда с сомнением, – я не чувствую на тебе магии. Моя "сигнализация" должна была сработать.

– Они сказали, что это что-то совсем новое. Не описанное в книгах прошлого. Ты о таком не знаешь.

– Вот уж не думала, что у Светлых может быть какой-то прогресс, – фыркнула Изольда. – Они же как огня боятся любых новшеств, способных Нарушить Равновесие, да еще и попать их Этические Принципы. Хотя последними они, конечно, всегда охотно поступаются ради Благой Цели... И что, они обещали снять с тебя это заклятье, если ты выполнишь задание?

– Нет. Они говорят, что сами не знают, как это сделать.

– Значит, тебя освободит только смерть того, кто наложил заклятье... Кто это был?

– Игнус.

– Ну да, ну да... Но я не могу тебе обещать, что убью его, – сказала Изольда серьезно. – Он... еще может быть нам полезен. Как, впрочем, и остальные. В новом качестве.

"В качестве твоих рабов", – мысленно расшифровал Кай, а вслух сказал:

– Я не прошу никого убивать. Я сам на это согласился и знал, на что шел.

– Да? Ну ладно, спасибо, что предупредил... Надо будет держаться от тебя подальше при разговорах. Не хотелось бы, чтобы случайная капелька слюны...

– Я могу носить... что-нибудь вроде маски. И перчатки.

– Я распоряджусь. Вообще, пришлю тебе новую одежду вместо этого мятого и грязного мундира. Честно говоря, тебе идут эполеты, но ведь ты не военный, а порядок должен быть... Какую ты хочешь комнату? С видом на озеро, конечно? На закат, на восход?

– На закат. Я люблю закаты.

– Представь себе, я тоже. Хотя это, конечно, не оригинально. Но красота и не обязана быть оригинальной, верно?

– Да. Я сам об этом писал.

– Я помню... Я распоряжусь насчет комнаты и ужина. Пришлю тебе служан... ах да, конечно, слугу-мужчину. Обращайся к нему с любыми вопросами и пожеланиями. Горячая ванна, книги, все, что хочешь. А мы продолжим наше общение завтра. Спокойной ночи, Кай.

– Спокойной ночи... Изольда.

– В час кровавый заката изломанно-длинные
Тени скал, и зубцами край неба распорот.
Мы поедем с тобой на прогулку в долину,
Я тебе подарю умирающий город.
Видишь, как обожженные солнцем ладони
Подставляет пустыня теней половодью?
Слышишь, как под окном наши бледные кони
В нетерпенье храпят и кусают поводья?
Мы поедем к безжизненным каменным сводам,
К тщетным храмам и яростно вздыбленным башням,
Мы поедем по улицам и переходам,
По останкам мечты, по надеждам вчерашним
Всех, кто жил там – и вычеркнут грубо и просто,
И шарахнется эхо в такт нашим копытам
Между стен, разъедаемых ржавой коростой,
По присыпанным пеплом и мусором плитам,
Вдоль решеток, воздвигнутых перед дворцами
В глупой вере, что смерть остановят запоры,
Мимо окон, глядящих больными глазами
На багровое небо и черные горы...

Кай читал свои новые стихи, стоя на опоясывающей башню галерее и глядя на закат. Впрочем, пейзаж, открывавшийся ему, не имел ничего общего с мрачными и жестокими строками, рожденными его воображением; напротив, ясный и тихий летний вечер над горным озером воплощал собой покой и умиротворение. Плавно опускающееся солнце свершало свою ежевечернюю алхимию, переплавляя золото в медь, разливавшуюся по зеркальной озерной синеве, и даже водопад внизу шумел как-то успокаивающе. Изольда, стоя, как всегда, справа от Кая (неизменная деликатность, которую он ценил), внимательно слушала поэта.

Подходил к концу шестой день пребывания Кая во Фламместайне. С первого же дня он получил полную свободу – не только возможность беспрепятственно гулять по замку и окрестностям, но и право брать на конюшне жеребца для более дальних прогулок. Впрочем, в первые два дня он не высовывал носа наружу, целиком поглощенный обследованием самого замка – всех трех его частей, из которых самой обширной оказалась не верхняя, а средняя, благодаря целой сети уходящих вглубь скалы коридоров, в которых с непривычки можно было заблудиться. Но наибольший его интерес вызвал не этот лабиринт – по правде говоря, в основном там располагались хозяйственные службы, склады и мастерские – а роскошная замковая библиотека. Изольда собрала у себя, вне всякого сомнения, одну из лучших частных коллекций книг в Империи – и хотя по объему она, конечно, уступала Императорской библиотеке в столице, здесь можно было найти то, что не предложило бы ни одно государственное собрание – практически полный набор из Реестра запрещенных книг, само содержание которого считалось засекреченным. Многие там относились к магии, что Кая, не имевшего (как и абсолютное большинство людей) ни малейших магических способностей, мало интересовало. Но попадались и философские, и научные работы, например, "О происхождении и существовании морали", "О методах манипуляции толпой", "О наследственных механизмах и способах улучшения человеческой породы". Были там и исторические хроники в их

неотцензурированном виде, особенно касавшиеся периода объединения магов различных королевств в борьбе против Вольдемара и последовавшего за этим становления единой Империи. Много, ох, много там было такого, по сравнению с чем бледнели даже обличительные стихи Кая – и что, разумеется, могло послужить темой для новых, еще более непримиримых стихов.

Он понимал, что чтения здесь хватит на многие месяцы и годы. Равно как и то, что, обеспечить он победу Светлому Совету, все это собрание было бы уничтожено... Не пытаясь за считанные дни объять необъятное, он продолжил обследование замка и его восхитительно живописных окрестностей. Помимо коня, в его распоряжении была и лодка для прогулок по озеру (ему предложены были и гребцы, коих он мог истребовать в любое время, но Кай, любя одиночество, предпочел садиться на весла сам).

Вечером его ждал ужин в обществе Изольды, переходивший обычно в длительную беседу (лишь в вечер его прибытия она не стала приглашать его, понимая, что гость утомлен не самой комфортной дорогой и должен переварить все случившееся). Иногда, впрочем, она посылала за ним – или являлась лично – и в более раннее время, если он был в замке (но она ни разу не выражала претензий, если его на месте не оказывалось). Единственным неудобством – с которым Кай, впрочем, быстро свыкся – была тонкая ткань, которой он закрывал лицо ниже уровня глаз наподобие тех повязок, что носят кочевники южных пустынь, защищая свои лица от горячего песчаного ветра. Учитывая, что в замке была и женская прислуга (хотя преобладали все же мужчины), Кай надевал ее (как и перчатки) не только для встреч с Изольдой, а и вообще всякий раз, выходя из своей комнаты. Естественно, есть с повязкой на лице было бы затруднительно, поэтому во время их совместных трапез он садился на достаточном расстоянии от нее (не напротив, а по диагонали со стороны левого профиля) – места за огромным столом, который вместил бы три дюжины человек и за который садились только двое, хватало. Прислуживали им за ужином только мужчины.

Изольда оказалась интересной собеседницей. Читать она любила еще с юности – правда, тогда эту ее страсть сильно ограничивали скудные финансовые возможности – а с тех пор, как начала развивать свой магический дар-проклятье, читала запоем. Но она не принадлежала к той категории книголюбцев, о которой сам Кай в свое время писал: "И что же? Твой ум – лишь собрание чужих заблуждений!" Напротив – Изольда составляла собственное мнение на всякий счет и готова была его отстаивать, не признавая никаких непререкаемых авторитетов. Каю, всегда придерживавшемуся тех же принципов, такой подход определенно импонировал – даже когда он был несогласен с ней по существу вопроса.

С прочими обитателями замка Кай практически не общался, не считая кратких приказов, отдаваемых слугам. Они были... дрессированными животными, не более чем. Причем животными, не вызывавшими у него – в отличие, к примеру, от тех же лошадей – никакой симпатии. В первые дни Кай все же переговорил с некоторыми из них и лишней раз убедился в этом. Даже то, что они были обращены в любовное рабство не по своей воле, их не оправдывало. Во-первых, отнюдь не во всех случаях это было так. Хватало и тех, кто прибыл к Изольде добровольно, понимая, что его ждет (каждый из них, очевидно, в глубине души все же надеялся, что именно ему удастся "покорить сердце Изольды", но эта надежда лишь еще полнее свидетельствовала об их безнадежной глупости). Во-вторых, никто из них не жаждал свободы. В третий или четвертый раз выслушав, что даже безответная любовь все равно прекрасна, Кай с отвращением отказался от дальнейших попыток говорить с ними.

– Шпили, балки, карнизы, теней паутины
Прихотливы, где надо, где следует – строги,
И практически даже не портят картины
Эти серые куклы в пыли на дороге.
Вдруг одна шевельнется, раздвинет лохмотья:

"Ради бога... спасите хотя бы ребенка..."
Ты изящным движеньем натянешь поводья
И, взглянув на нее, расхохочешься звонко.
В самом деле, забавно наличие мненья
У помехи, что портит гармонию сцены,
Будто мы бы желали ее сохраненья
И готовы платить за то некую цену!
Впрочем, ново ли то, что они бестолковы?
Крикнешь ты: "Догоняй!" – и помчишься к закату,
И рассыплется искрами наши подковы,
Разрывая безмолвие дробным стаккато...
А когда ночь окутает город и горы,
И устанут скакать наши бледные кони,
Темно-красною жидкостью свежего сбора
Мы наполним хрусталь на высоком балконе.
Звезды взглянут на землю серебряным взором,
Знойный ветер уснет в антрацитовых скалах,
И луна, поднимаясь над мертвым простором,
Отразится лимонною долькой в бокалах.

Кай закончил читать, продолжая глядеть на закат. Одинокая лодка пересекла солнечную дорожку, направляясь к берегу. Озеро годилось не только для созерцательных прогулок – в нем ловили рыбу для кухни замка. Одинокая птица черной черточкой скользила в небе выше солнца. Вдруг она дернулась и бесформенным комочком полетела вниз, в воду. Кай не видел с такого расстояния, откуда прилетела стрела.

Птицы, да. Кай не сразу привык к тому, что они – проблема. Не то чтобы очень страшная, не способная навредить напрямую (разве что нагадить на голову, но до такого Светлые не опускались), но все же это были глаза врага. А Кай очень не любил соглядатаев и теперь, во время своих конных прогулок вдали от замка и окружавших его лагерей – и, соответственно, вдали от сторожевых постов, способных достать пернатого шпиона стрелой – периодически неприязненно косился вверх, бурча под нос: "Черный ворон, что ты вьешься над моею головой..." Ответ на этот вопрос был ему, разумеется, известен – маги наблюдали и за ним тоже. За своим посланцем, не выполнившим задание – но при этом не убитым и не плененным, а свободно разъезжающим по окрестностям. Возможно, они считали это некой игрой и все еще рассчитывали, что он сделает то, за чем послан. Возможно – вынашивали планы мести предателю... В любом случае, Кай мог лишь бессильно наблюдать над кружившими над его головой шпионами (у него было сильное желание продемонстрировать птицам неприличный жест, но он сдерживался – пусть наблюдатели и дальше теряются в догадках). Кстати, это были не вороны. И, само собой, не белые голуби, столь популярные в символике Светлых. Это были не то орлы, не то беркуты – в общем, какие-то хищники, естественные для этих мест и способные летать так высоко, что сбить их с земли практически невозможно.

Голуби, впрочем, тоже те еще символы мира и кротости. Кай хорошо знал, как они заклеивают себе подобных с истинно человеческой жестокостью...

– Красиво, – сказала Изольда, имея в виду не то стихотворение, не то пейзаж – а возможно, и все вместе. – Кто эти двое, твои персонажи?

– Не знаю, – беспечно ответил Кай. – Демоны, возможно. Во всяком случае, не люди.

– И не мужчина и женщина.

– В стихотворении ничего не говорится об их половой принадлежности. Я даже не уверен, что у них таковая вообще есть. Равно как и о характере связывающих их отношений. Я рад, что ты это заметила. Большинство, разумеется, увидело бы в них "парочку", пусть даже и

демоническую.

– Ты провокатор.

– Я – разрушитель шаблонов и стереотипов.

– А жидкость в бокалах – конечно, не вино, а кровь.

– Разумеется. Не думаешь же ты, что я стану пропагандировать в своих стихах спиртное.

– Кстати, о крови, провокациях и конных прогулках. Могу я попросить тебя не отъезжать от замка далеко? Во всяком случае, так, чтобы не терять его из виду.

– В чем дело? – нахмурился Кай, поворачиваясь к ней. – Разве ты не сказала мне, что я полностью свободен?

– Поэтому я прошу, а не приказываю. Это ради твоей же безопасности.

– Любимая фраза всех диктаторов, – пробурчал Кай.

– Я, если ты не заметил, и не строю из себя демократа.

– Ну а серьезно – что случилось? Светлые все же нашли какой-то способ повредить нам на нашей... на твоей территории?

– Нет, конечно. Дело не в них. Дело в моих людях. Ты тут не всем по нраву.

– Это взаимно, – усмехнулся Кай.

– Кое-кто... вероятно, даже многие... считают тебя моим любовником. Тем единственным, которому все-таки удалось.

– Идиоты, – фыркнул Кай, но тут же понял, что у них и в самом деле есть на это основания. Человек, прибывший в замок лишь несколько дней назад, не занимает никакой формальной должности, никому не подчинен, сам вправе приказывать слугам и при этом проводит с Изольдой больше времени, чем кто-либо другой, в том числе – подолгу оставаясь с ней наедине... Что они все должны думать, если считают аксиомой, что всякий, находящийся рядом с Изольдой, влюблен в нее? – Хочешь сказать, что даже твоя воля не защитит меня от ревнивцев?

– Никто из них не в силах причинить вред мне, но что касается прочих, то увя. Ради любви ко мне они в состоянии нарушить даже мой же приказ. Дуэли строго запрещены и наказуемы смертной казнью – тем не менее, они происходят регулярно. Даже между рядовыми, которым не на что надеяться. Ты знаешь о поклонниках знаменитых актрис и певиц? Обычно они довольно мирно уживаются друг с другом, даже организуют совместные клубы – ибо знают, что никому из них не светит. Но вот если у объекта их обожания появляется жених или, тем паче, муж, они все объединяются в ненависти к нему...

– Ситуация настолько серьезна?

– Пока нет. Но я приняла меры. И сегодня утром мне донесли о заговоре против тебя.

– В-Вольдемар... быстро же они организовались...

– Заговорщики изблечены и будут казнены. Их всего трое – хотя, признаюсь, они из числа тех, кому я особенно доверяла, и это досадно. Но что знают двое, знает и свинья, а в условиях, когда каждый из моих подданных больше всего мечтает угодить Госпоже, это особенно верно. Однако если кто-то задумает убить тебя в одиночку, ни с кем не делаясь своими планами...

– И что же мне теперь? Сидеть в замке безвылазно?

– Просто не лезть на рожон. Держаться на виду и не ездить одному далеко в горы, где мои люди не смогут тебя защитить.

– Твои люди?

– Честно говоря, за тобой ненавязчиво присматривают с первого дня. Иное было бы неразумным, не так ли?

– Выходит, все прогулки, где я наслаждался одиночеством...

– Ну да. Те, где за тобой можно было наблюдать незаметно.

Ну а какая, собственно, разница, подумал с раздражением Кай. Птицы наверху,

телохранители Изольды внизу...

– А если они-то на меня и нападут? – агрессивно поинтересовался он.

– Я уже сказала – заговор нескольких человек обречен. А одного всегда остановят другие. Все это звучало логично, но удовольствия ничуть не доставляло.

– Между прочим, – мстительно произнес Кай, – насчет безопасности и рожна кто бы говорил. Вспомни нашу первую встречу, когда ты отослала охрану. Ты ведь понимаешь, что была на волосок от смерти? Если бы я подбежал и дотронулся до тебя еще до того, как ты изложила свои аргументы... А ведь в какой-то момент я хотел это сделать!

– Что ж – хорошо, что не сделал. Понял, что сначала надо собрать информацию.

– Но мог бы!

– Нет. Не мог бы.

Кай молча уставился на нее, взглядом требуя пояснения.

– Драпировки, – улыбнулась Изольда. – Все время нашего разговора в тебя целились четверо арбалетчиков. Один мой знак или одно твое неверное движение...

– Вольдемар... – пробормотал Кай, лишь теперь осознав, кто именно был на волосок от смерти.

– Потерять такого поэта было бы, конечно, досадно, – продолжала Изольда, – но если бы ты не прошел тест, это значило бы, что... ты не прошел тест.

– Мне казалось, наш разговор не предназначался для чужих ушей, – пробурчал Кай.

– Не предназначался. Они глухонемые.

– Все четверо? Вообще-то, глухонемые обычно умеют читать по губам.

– Только не те, которые стали глухонемыми совсем недавно.

– Ты хочешь сказать, что... – осознал Кай с ужасом, – ты приказала проколоть им уши и вырезать языки?!

– Такова была плата за право стать самыми близкими, самыми главными моими телохранителями, – пожалала плечами Изольда. – Добровольцев нашлось достаточно. Я отобрала лучших.

– М-да, – только и смог сказать Кай. – Похоже, ты все продумала.

– Я собираюсь править миром, если ты не забыл. С твоей, конечно, помощью.

Некоторое время Бенедикт молчал. Затем ему пришла в голову новая мысль:

– Кстати, о членовредительстве... Ты говоришь, что даже казни не останавливают ревнивцев. И тут, в принципе, нет ничего необычного – влюбленные идиоты готовы отдать за тебя жизнь. Но вот если наказанием будет не смерть, а кастрация...

– Хм! – оценила Изольда. – Хорошая идея. Даже удивляюсь, как я сама об этом не подумала. Боюсь только, что к трем нынешним приговоренным применить подобную меру будет сложно чисто технически.

– В смысле?

– "Сестры", – вздохнула Изольда. – Все три – женщины из моего элитного разведывательно-диверсионного подразделения. Вот почему меня это так беспокоило – если бы не донос, у тебя не было бы ни шанса.

– Вот оно как, – пробормотал Кай. – Женщины желают убить меня, ревнуя ко мне женщину, которая не может любить ни меня, ни их, и которую не могу любить я. Пусть даже последние пункты им неизвестны, но все равно – какая несусветная дичь!

– Хочешь казнить их лично? – вдруг предложила Изольда.

– Я? – растерялся Кай, полагая, что она хочет таким оригинальным способом сделать ему приятное. – Да нет, как-то не особенно... Я ведь их даже никогда не видел.

– А если я тебя попрошу?

– У тебя что – закончились палачи?

– Я хочу посмотреть, как работает твое заклятье, – терпеливо пояснила Изольда. – А

убивать ради этого еще одну лошадь, – она уже знала историю его бегства из Кербельсбурга, – было бы и нерационально, и негуманно.

– Ты что, не веришь мне на слово?

– Рациональный подход требует верить не словам, а опыту, не так ли? Ничего личного.

Ну а почему нет, подумал Кай. Они хотели его смерти и, значит, заслужили собственную. Никаких комплексов по поводу умерщвления беспомощных врагов, столь часто и безосновательно противопоставляемого убийству в бою, он не испытывал: заслуживает ли человек смерти, определяется тем, что он совершил или намерен совершить, а не тем, способен ли он сопротивляться. И уж тем паче не половой принадлежностью, разумеется. А если окажется, что их оговорили, он даст им последнюю возможность оправдаться.

Послышался робкий стук.

– Да! – громко разрешила Изольда.

На галерею вышел старый лакей в долгополой фиолетовой ливрее.

– Ужин готов, Госпожа, – поклонился он. – Извольте приказать подавать на стол?

– Изволю, – кивнула та.

– Слушаюсь, Госпожа, – старик вновь поклонился и вышел, пятясь задом. Все это время он смотрел только на Изольду, не удостоив Бенедикта и мимолетным взглядом. Кай знал, что прежде этот человек был богатым банкиром, пожертвовавшим Изольде все свое состояние.

У выхода с галереи Изольда обернулась:

– Сделаешь это после ужина? Мне бы не хотелось заставлять их мучиться ожиданием до завтра. Они заслужили быструю смерть... своими прошлыми заслугами.

– Лучше прямо сейчас, – решил Кай. – Я никогда не ем, не доделав дела – это отбивает мне аппетит.

– Хорошо. Идем.

Они прошли к подъемной машине и спустились до середины скалы, а потом углубились в один из коридоров. Кай уже знал, что этот коридор, едва ли не самый длинный из всех, ведет к темнице. Внутри он, конечно, еще не бывал. Знал только, что камер в темнице немного. За тяжкие провинности во владениях Изольды полагалась казнь, за мелкие недовольство Госпожи само по себе служило достаточно суровым наказанием – куда более суровым, чем дискомфорт тюремного заключения. Также существовали наказания понижением в звании и должности, временным или постоянным переводом на тяжелые и грязные работы вроде чистки выгребных ям. (Интересно, подумалось Каю, а тот, кто выносит горшок за самой Изольдой, считает ли свою работу наказанием – или наоборот? Тьфу, гадость какая!) В общем, подолгу содержать арестантов в камерах без всякой пользы за казенный счет здесь никто не собирался. Даже несмотря на практическую неограниченность "казенного счета" Изольды.

Толстый низенький тюремщик, гремя ключами, отпер одну из тяжелых дверей; никакого окошка, знакомого Каю по кербельсбургскому опыту, в двери не было, и он сразу понял, почему. Темница оказалась темницей в буквальном смысле – тьма в вырубленном в недрах скалы каземате была абсолютной, и на светильники здесь тоже никто не тратился. Тюремщик первым вошел внутрь с факелом и засветил от него фонарь, стоявший на столе; этот стол, вмурованный в пол, предназначался вовсе не для заключенных, а для дознавателя, ибо комната использовалась для допросов. На столе, помимо письменного прибора, стоял железный ящик с устрашающего вида инструментами, а рядом со столом – закопченная жаровня на длинных металлических ножках. Пыточные инструменты сияли хирургической чистотой, и Кай понадеялся, что они используются тут более для психологического эффекта, чем по прямому назначению.

Колеблющийся свет факела и ровный – масляного фонаря выхватил из темноты три фигуры у стены напротив стола; они стояли в распятых позах, прикованные за руки и за ноги короткими цепями. Из одежды им были оставлены только нижние рубахи. Кай представил себе, какого простоять так несколько часов в холодной камере, в полной темноте, не имея

возможности ни присесть, ни сменить позу – разве что опереться спиной на ледяную стену – и поморщился. Впрочем, он тут же напомнил себе, что эти люди собирались его убить.

– Выйди, – велела Изольда тюремщику. Тот поспешно повиновался, предварительно закрепив факел в бронзовом кольце на стене; глухо бухнувшая дверь отсекала слабый свет из коридора. Кай взял со стола фонарь и подошел с ним к узникам; они жмурились от света, казавшегося им нестерпимо ярким. Все три были разного роста и не походили друг на друга чертами лица; двух можно было назвать миловидными, одна была совершенно невзрачной, но ни одна не имела ярких запоминающихся черт, как, в общем, и положено секретному агенту. Все они прибыли сюда, чтобы убить Изольду – а теперь готовы были убивать и умереть за нее.

Их госпожа не сказала им ни слова – вероятно, все слова о том, как она *разочарована*, уже были произнесены, и теперь она лишь взирала на них с холодным безразличием, как на подопытный материал. Узники также молчали. Их лица были бледны, но следов пыток и побоев Кай не заметил; возможно, таковые скрывались под рубашками, но скорее всего заговорщицы сознались сами, не видя смысла жить после того, как их затея провалилась и Госпожа отказала им в доверии. Кай подождал, пока они привыкнут к свету. Ему хотелось видеть их глаза.

– Вы хотели убить меня? – спросил он наконец. – Если вас оклеветали, это ваш последний шанс оправдаться передо мной и вашей госпожой.

– Ты околдовал Госпожу! – с ненавистью произнесла та, что слева – самая высокая, с кудрявыми светлыми волосами.

– Дура, – сказал Кай без выражения. – Нет на свете ни такой глупости, ни такой мерзости, ни такого преступления, на которые не толкала бы человека любовь; как люди могут восхищаться этим чувством и при этом считать себя нормальными, не понимаю и никогда не понимал. Ну ладно, если у вас нет умных слов, может, найдутся хотя бы последние?

– Сдохни! – выплюнула средняя, низкорослая, но фигуристая брюнетка. Возможно, она бы плюнула ему в лицо, но его повязка делала подобный жест бессмысленным. (Эта повязка наверняка будила дополнительные зловещие слухи среди его врагов, хотя среди слуг Изольды были и те, кто видел его без повязки и знал, что в его лице нет ничего такого, что следовало бы скрывать. Что, впрочем, способно было лишь усилить зловещность слухов.)

– Стало быть, вы хотите моей крови, – констатировал Кай. – Ну что ж. Вы ее получите.

Он шагнул обратно к столу, поставил на него фонарь, затем демонстративным жестом снял перчатки и принялся рыться в ящике, звякая инструментами. Вытащил какой-то жуткий изогнутый нож, зазубренный по внешнему краю – "для чего его используют, кожу им сдирают, что ли?"

– Кай, – предостерегающе сказала Изольда, – не стоит.

– Ничего, мне не жалко, – отметил он, с интересом осматривая нож на глазах у приговоренных – а затем вдруг положил обратно и поднял маленький ножик для очинки перьев, лежавший рядом с письменным прибором. Попробовал остроту лезвия. Затем с некоторым усилием провел по кончику левого указательного пальца.

Выступила капля крови.

Кай подошел к высокой и помазал окровавленным пальцем ее лоб. Обреченная мгновенно побледнела до синевы – хотя прежде казалось, что дальше ей бледнеть уже некуда – и на ее лице выступили крупные капли пота. Спазм перехватил ее горло, ноздри расширились, тщетно пытаясь втянуть хоть немного воздуха. Тело резко выгнулось, ударившись головой о стену, и забило в конвульсиях, лязгая оковами; на губах запузырилась пена, глаза закатились. Еще несколько мгновений – и все было кончено. Труп повис на цепях, некрасиво раскорячившись; пена и кровь из прокушенной губы капали на пол; в воздухе запахло мочой.

Кай шагнул ко второй приговоренной.

– Ты и правда колдун, – пробормотала она с ужасом, вжимаясь в стену.

Бенедикт провел пальцем по ее лбу. Все повторилось.

Он перешел к третьей, "серой мышке", которая рефлекторно рванулась вбок, натягивая цепи – а потом вдруг овладела собой и гордо выпрямилась, вскидывая подбородок: давай! Глаза ее при этом смотрели не на Кая, а на Изольду.

– Кай, – подала голос та, – мне жаль прерывать твой эффектный спектакль, но...

Он выжидательно обернулся.

– ... я хочу посмотреть, как ты делаешь это простым прикосновением. Без крови.

– Хорошо, – кивнул Бенедикт и положил правую ладонь на лоб последней заговорщицы – почти таким же жестом, каким родители проверяют, нет ли жара у ребенка.

На этот раз процесс занял на несколько мгновений больше. Но результат был тем же самым.

– Вот, значит, что было уготовано мне, – медленно произнесла Изольда, глядя на трупы.

Кай надел перчатки. Теперь он тоже знал, как это выглядит. Лошадь продержалась чуть дольше, но на то она и лошадь...

– Прислать тебе лекаря обработать палец? – спросила Изольда. – Я бы могла мгновенно залечить его своей магией, но для этого мне бы пришлось взять тебя за руку.

– Пустяки, это ничтожный порез. Затянется сам за считанные часы.

– Ну хорошо. Промой хотя бы, иногда и маленькая ранка может загноиться...

– Изольда, – усмехнулся он, – я не ребенок, а ты не моя мать.

– Нет, – согласилась она, – но у меня на тебя большие планы, и мне не нужны неприятные неожиданности. Строго говоря, мне не нужны *никакие* неожиданности – никогда не понимала людей, находящихся удовольствие в сюрпризах. Всегда настаивала, чтобы отец заранее сказал, что подарит мне на день рождения... Ну что ж, пошли ужинать. Не жалеешь, что мы не сделали это сначала? Зрелище было не слишком аппетитным.

– У меня крепкий желудок, – заверил ее Кай.

– У меня тоже. Когда каждый день видишь в зеркале то, что вижу я, иначе и быть не может. Ладно, идем.

Два дня спустя Изольда позвала его на ужин на пару часов раньше обычного. Кай никогда не жил по расписанию, но все же поинтересовался, чем вызвано это отклонение от ставшего уже привычным распорядка.

– Я уезжаю, как только стемнеет, – ответила она, аккуратно цепляя вилкой кусочек запеченной рыбы. (Изольда вообще ела очень аккуратно, несмотря на изуродованный рот.)

– Куда? – удивился Кай. Он ждал, что Изольда со дня на день перейдет в наступление на Империю, но вот эта произнесенная будничным тоном фраза никак не вязалась с началом похода по завоеванию мира.

– Хочу навестить Кербельсбург, – сказала она все так же буднично.

– Зачем? – Кай, конечно, понимал, что будет со всяким городом, который "навестит" Изольда. Но зачем брать этот город, совсем не ключевой в стратегическом смысле, до начала основной кампании? Изольда могла бы просто спокойно проехать мимо в ходе общего наступления... Впрочем, в ее случае все традиционные представления о военной стратегии вообще летят к демонам.

– Я тебе подарю умирающий город, – улыбнулась она. Впрочем, из-за особенностей ее лица трудно было отличить улыбку от кривой усмешки.

– Ты что, восприняла мое стихотворение настолько всерьез? – опешил Кай.

– Мне вообще давно нравятся твои стихи о мертвых городах. И "Мертвый город спускается к морю с холмов", и "Когда твоя нация сгинет в кровавом чаду..." Никогда не была ни в одном, но я так и видела, как брожу по этим пустым улицам и площадям, где на балконах растет трава, эхо шагов гулко отражается от растрескавшихся плит и ветер скрипит одиноким ставнем... Помню, как меня поразила идея о том, что, возможно, весь смысл существования

человечества – только в том, чтобы оставить после себя живописные руины:

И люди нужны лишь затем, чтобы кануть во тьму,
Оставив планете свой город, свой каменный остов...
Так участь полипов совсем безразлична тому,
Кто смотрит в закатных лучах на коралловый остров.

Хотя и непонятно, кто бы мог оценить их живописность в обезлюдевшем мире. Может ли красота быть самоценной, или она только в глазах смотрящего? Вроде бы очевидным кажется второе – уж кому, как не мне, это знать! – но есть ведь и объективные, математические законы гармонии...

– Хмм... не следует все же принимать стихи так буквально и путать лирического героя с автором. С одной стороны, мне бы хотелось остаться последним человеком на земле и бродить по мертвым городам, но с другой – я вовсе не хочу гибели цивилизации. И ты ведь, я надеюсь, не собираешься истреблять население Кербельсбурга ради удовольствия побродить по опустевшим улицам?

– Нет, конечно. Я просто велю им уйти в горы. Нам нужны новые кузницы и мастерские – и те, кто будет все это обслуживать.

– Так ты хочешь опустошить Кербельсбург для себя или для меня?

– Для нас обоих, – она вновь улыбнулась.

– Значит, я еду с тобой?

– Нет. Ты остаешься. Я пришлю за тобой позже.

– Почему?

– Я сказала "обоих", но не сказала "одновременно", – на сей раз она явно усмехалась. – Мне казалось, ты любишь одиночество? Я, между прочим, тоже.. хотя и редко могу себе его позволить.

– А еще ты не хочешь оказываться со мной рядом за пределами замка, – констатировал Кай. – Все еще не доверяешь?

– Если бы я тебе не доверяла, зачем бы стала рассказывать об этой тайной операции? О моем отъезде, между прочим, будут знать лишь несколько человек. Для всех прочих я по-прежнему в замке.

– Ах да. Не зря же ты едешь на ночь глядя. Но почему? Что может тебе грозить, если ты отправишься в открытую?

– Они увидят меня через птиц и успеют увести людей из города прежде, чем те станут моими.

– Действительно, я должен был сам сообразить, – сконфузился Кай. – Значит, ты собираешься ехать только по ночам?

– И в утреннем тумане.

– Совсем одна?

– Возьму с собой двух-трех человек. Все же магия магией, но, скажем, от оступившейся лошади никто не застрахован.

– Вот-вот, только что хотел сказать тебе то же самое. Тем более ночью и в тумане.

– Рада, что наши мысли совпадают, – снова улыбнулась-усмехнулась Изольда. – Хотя буду еще более рада, когда они не совпадут. Иначе зачем ты мне нужен? Свои собственные мысли я знаю и так.

– Например, они не совпадают в том, что я не хочу оставаться здесь один. Я уже второй день ношу под курткой кольчугу, если ты не заметила. (Она не могла не заметить, разумеется – именно по ее приказу кольчуга была доставлена Каю). Которая защитит от ножа, но не от арбалета с близкого расстояния, и в любом случае прикрывает только торс.

– Твоя охрана никуда не денется и не ослабит бдительности. А о моем отъезде будут знать лишь несколько верных человек, я же уже сказала.

– Вот только понятие верности в твоём царстве любви очень своеобразное...

– Кстати, за вчерашний день не поступило ни одного сообщения о дуэлях. Похоже, твоя идея с кастрацией работает.

– Один день ещё не показатель... но надеюсь, что да. Я всегда говорил, что это полная чушь, будто тяжестью наказания нельзя остановить фанатика, который не боится смерти. Просто надо найти такое наказание, которое для него хуже смерти, только и всего. А такое отыщется всегда. По определению – иначе он не был бы фанатиком.

– А для тебя есть вещи, которые хуже смерти? – она пристально посмотрела на него левым глазом.

– А тебе зачем? – усмехнулся Кай. – Впрочем, ответ вполне очевиден. Утратить способность писать. Или влюбиться. К счастью, ни то, ни другое мне не грозит.

– Ты действительно предпочёл бы смерть любви? – Изольда взяла с блюда большое темно-красное яблоко. – Вне зависимости от взаимности?

– Ну, если это временное помешательство, как оно чаще всего бывает, тогда, конечно, лучше дожидаться выздоровления. Как и в случае с любой болезнью. Но если это на всю жизнь, как у твоих рабов...

– Забавно – то, что для одних – хуже смерти, для других – мечта жизни. Причем, они ведь мечтают об этом и без всякой магии.

– Мечтать о любви – это все равно что мечтать быть посаженным на цепь в надежде, что в тюрьме тебя будут кормить пирожными. Во-первых, не факт, что будут, а во-вторых и в-главных, даже если и будут... И взаимность тут только ухудшает положение. Что с того, что твой тюремщик прикован к другому концу той же цепи? Это лишь снижает шансы на освобождение для вас обоих. Хотя, на самом деле, даже эта аналогия неточна. Лучше какие угодно цепи снаружи, чем рабство внутри.

– Да, – согласилась Изольда. – Мне тоже как-то пришла в голову мысль, что влюбиться – это даже хуже, чем быть изнасилованной. Это значит, что другой завладеет не только твоим телом, но и твоей душой... Кстати, я бы даже уточнила твою аналогию. Жаждающие любви мечтают быть закованными в цепи из карамели, которые будут облизывать. При взаимности так и происходит. И чем слаще карамель, тем быстрее они ее совместными усилиями слижут, и вновь обретенная свобода станет для них трагедией. А вот при несчастной любви вместо карамели оказывается настоящее железо, причем лизать его приходится в одиночку. Поэтому процесс затягивается, несмотря на то, что не доставляет удовольствия... Хотя рано или поздно и железо ржавеет от постоянных слюней. Как тебе образ? Если хочешь, можешь использовать в своих стихах.

– Я подумаю, – усмехнулся Кай. – Но твоя магия позволила сделать кандалы нержавеющей стали. И ты собираешься изнасиловать весь мир.

– Я собираюсь всего лишь упорядочить процесс, который и так идет по всему миру без меня. И поставить его на службу разумной цели. "Ты должен делать добро из зла, потому что больше его делать не из чего."

– Цели и средства, – Кай положил на тарелку гроздь крупного лилового винограда и отщипнул одну ягоду. – В конечном счете все моральные дилеммы сводятся лишь к одному вопросу – вопросу цены. Да и не только моральные, на самом деле.

– Цену платить придется в любом случае. И за действие, и за бездействие – причем последнее нередко обходится дороже. Ты ведь понимаешь, что я не могу остановиться, даже если бы хотела? Даже если я предложу Империи мирный договор, пообещаю оставаться в нынешних границах – они ведь не оставят меня в покое. Не потерпят существования кого-то, кто им совершенно не подконтролен.

– Ты им не просто неподконтрольна, – заметил Кай. – Они ничего не могут сделать тебе, но при этом ты можешь сделать что угодно им. Вот такая ситуация для них, конечно, особенно

невыносима... и где-то я их понимаю.

– Это всего лишь помещает их в шкуру обычного человека, живущего под их собственной властью, – усмехнулась Изольда. – Миллионы живут и не жалуются.

– Кое-кто жалуется.

– Да, да, я читала все твои обличительные стихи.. Но Светлые, конечно, стихами не ограничатся. Я не знаю, что именно они могут мне сделать, если не способны даже приблизиться ко мне на опасное расстояние – но они уже нашли тебя и придумали это твоё заклятье, найдут и придумают и что-нибудь еще. Абсолютных защит не бывает. Может быть, они сумеют спровоцировать землетрясение в моих горах, устроив какой-нибудь грандиозный катаклизм за пределами моей досягаемости. Или запустят эпидемию чумы на своей территории, которая перекинется и сюда. В результате, конечно, перемрет и половина их собственного населения, но ты думаешь, это их остановит?

– Не остановит, – согласился Кай. – И знаешь, как это будет называться? Войной во имя любви. Во имя защиты Истинной Любви от ведьмы, дискредитирующей сие Великое и Светлое Чувство.

– Вот именно. Эта война не будет войной за свободу ни с какой стороны. Это будет борьба диктатуры Светлых против диктатуры Умных.

– Дураками я бы их все же не назвал, – заметил Кай. – Неразумными – другое дело. Для разумности мало иметь ум – надо еще применять его по назначению. А не для того, чтобы давить любое развитие, способное нарушить их священное Равновесие и моральные догмы... через которые они с такой легкостью переступают ради их же сохранения. Вместо того, чтобы использовать свой ум для движения вперед, они используют его – и с немалой изобретательностью, надо заметить – для того, чтобы оправдать стояние на месте. Им тоже не нужны никакие сюрпризы. У магов это наследственное?

– Магические способности не наследуются. Насколько мне известно.

– Ты поняла, о чем я.

– Я против совсем других сюрпризов. Не тех, которые несет открытие нового.

– А если, допустим, какой-нибудь ученый откроет способ уничтожить любовь? Сделать всех такими, как мы? Что ты с ним сделаешь? Пошлешь палачей?

Изольда на мгновение задумалась.

– Нет, – сказала она. – Я дам право каждому выбрать, воспользоваться ли его открытием. Недостойные свободы откажутся сами. И их будет абсолютное большинство... увы. Причем дело не в том, что они не способны на сознательный выбор из-за моей магии. Она влияет только на эмоции. Влияет очень сильно, да. Но она все-таки не уничтожает мыслительные способности. Самостоятельно избавиться от нее не может никто, даже человек с сильной волей – в этом отличие от обычной любви. Но по крайней мере хотеть этого он может. А ты? – спросила вдруг Изольда. – Ты бы применил открытие этого ученого ко всем сразу, не спрашивая желания?

– Да, – честно ответил Кай. – Ты отчасти права, общение с твоими рабами навело меня на те же мысли... и все-таки некорректно спрашивать у больного, хочет ли он лечиться, пока его мнение формируется под влиянием этой же болезни.

– Ты бы просто обнажил пустоту в их мозгах, которую они сейчас заполняют любовью. Думаешь, они бы стали заполнять ее умом? Как бы не так! Уму там неоткуда взяться. Они бы нашли себе другие заполнители – пьянство, например, или азартные игры... То, что ты предлагаешь – это все равно что учить плавать, стелкаясь в воду. Некоторые выплывут, но слишком многие потонут.

– Тем, кто потонет по причине пустоты в мозгах, туда и дорога.

– Так ведь они не совершат дружно самоубийство, хотя даже такой результат тебе бы вряд ли понравился. Просто представь, как отразится на экономике – да и не только – одновременное самоубийство большей части населения... Но, повторяю, они этого не сделают, а пустятся во все

тяжкие, пытаюсь наверстать утраченное другими пороками. И породят хаос не меньший, а возможно, и больший, чем все влюбленные безумцы и преступники, совершающие преступления на половой почве.

– Думаю, что меньший. Во всяком случае, в долговременной перспективе. Другие пороки не столь сильны и не столь популярны. И не столь разрушительны для способности мыслить здраво. Пьяный протрезвеет уже на следующий день. У влюбленного этот процесс затягивается на куда больший срок... иногда и на всю жизнь. И потом, кто сказал, что с пьянством и прочим тоже не надо бороться?

– Ты хочешь лишить людей цели.

– Цель разумного существа – познание и творчество. А вовсе не... – Кай сделал брезгливый жест.

– Ну так и какой процент среди людей составляют разумные существа? – усмехнулась Изольда.

– А ты хочешь дать им цель – служить тебе.

– Раз уж они все равно – стадо, им нужен пастух.

– В дикой природе стада обходятся без пастухов. Смертность там выше, но зато и выживают самые сильные и умные особи. Которых пастухи отправили бы на мясо первыми, чтобы не нарушали общей гармонии... Я бы мог согласиться, если бы ты влюбляла в себя только дураков. Допустим, они ничего лучшего и не заслуживают. Но твоя магия действует и на умных.

– Ты сам только что сказал – далеко не все умные разумны.

– Но и не все разумные, насколько я понимаю, обладают нашим иммунитетом к любви. То есть разумность они под твоей властью утратят. И вот это мне уже совсем не нравится.

– Что поделать, моя магия не работает избирательно. Я бы сама предпочла иное, но... Пусть тебя утешит то, что, как я уже говорила, я не собираюсь влюблять в себя все человечество.

– Меня это не очень утешает. Все равно общее количество разума в мире уменьшится – пусть даже и ради того, чтобы он получил верховную власть... Мне, вероятно, не следовало говорить с тобой так откровенно?

– Напротив. Если бы на вопрос о готовности уничтожить любовь ты ответил "нет", я бы поняла, что все еще не могу тебе доверять. Нет, я, в принципе, согласна с твоими идеалами... но если бы все люди были разумными, кто бы чистил выгребные ямы? Только не говори мне, что готов лично взяться за это дело, вознаграждаемый исключительно мыслью о необходимости и целесообразности такой процедуры.

– Если бы все люди были разумными, – парировал Кай, – они бы уже придумали какие-нибудь машины, решающие эту проблему. Магов, кстати, это тоже касается. А то повелевать ветрами и молниями и проходить сквозь стены они могут, а... Если есть слуги, убирающие за ними дерьмо, зачем напрягаться? В конце концов, это было бы даже неэтично – золотари лишились бы жалованья... А слуги смотрят на господ и тоже думают: если мудрые маги хранят нас от неурожая, эпидемий и прочих катастроф, да еще и говорят нам, что делать, зачем напрягаться? Убирай дерьмо – получай за это плату – просаживай ее в кабаке и с девками. Жизнь прекрасна. И удивительна.

– Ладно, – сказала Изольда, глядя на сгущающиеся за окном сумерки, – в любом случае этот спор чисто теоретический. Люди такие, какие они есть, и нам приходится с этим работать. А ученого, способного избавить их от любви или подарить побольше разума, у тебя все равно нет, не так ли?

– Увы.

– Ну что ж, – она поднялась. – Увидимся возле Кербельсбурга. Я пришло за тобой, когда все будет готово.

– Как мне убедиться, что это будут действительно посланцы, выполняющие твою волю?

– Тебе передадут письмо с моей печатью.
– Печать, в принципе, можно и подделать...
– Похоже, это несостоявшееся покушение здорово тебя напугало, – усмехнулась Изольда.
– Что поделать. Я пять лет числился в розыске, но все же на мою жизнь покушаются не каждый день.
– Да, – холодно согласилась она, – у меня в этом плане опыта больше.
Он выдержал ее взгляд. Ну да, он явился сюда, чтобы ее убить – но ведь она сама это просчитала, не так ли?
– Ну хорошо, – сказала Изольда, – в письме будет цитата, известная только нам двоим. Это тебя устроит?
– Вполне.
– Тогда до встречи. Доедай фрукты.
Он не поднялся проводить ее, да она этого и не хотела.

Четыре дня Кай почти безвылазно просидел в библиотеке. Дело было не только в том, что в замке он чувствовал себя в большей безопасности – сама погода не располагала к прогулкам. Первые два дня были временем сплошных дождей и туманов, хотя по ночам небо прояснялось. Кай сразу понял, что винить или благодарить за это следует отнюдь не природу; как-никак, он был привычен к тому, что маги управляют погодой в центральных областях Империи, хотя Изольда, кажется, в этой сфере доселе не вмешивалась в естественный ход вещей. Но так было до тех пор, пока ей не понадобилось максимально скрыть от воздушных соглядатаев свою поездку. Впрочем, думал Кай, ведь и Светлый Совет может догадаться, что эти низкие тучи и туманы неспроста. Хотя, с другой стороны, если она усыпила их бдительность предыдущим невмешательством в погодные дела...

На третий день погода несколько улучшилась. Облаков в небе было все еще больше, чем просветов, но это, видимо, было обусловлено уже естественными причинами. Дождь, по крайней мере, больше не шел, и пятна солнечного света то проползали по склонам гор, оживляя прежде тусклые краски осенних лесов и трав, то отражались искрящимися вспышками в озерной глади, то превращали водопады в сверкающие россыпи и зажигали над ними радугу на фоне все еще остающихся в тени скал. "У нее получилось", – подумал Кай, глядя в высокое, от пола до потолка, стрельчатое окно своей комнаты (он обыкновенно поздно ложился и поздно вставал и не изменил этой своей привычки и теперь). Хотя, конечно, напрямую это из улучшения погоды никак не следовало. Тем более что до Кербельсбурга все-таки два дня пути, и неизвестно, что сейчас творится там... Но разве могло у нее не получиться? А интересно, кстати, могла ли она прислать известие о своей победе (вне всякого сомнения, легкой) в виде... ну, скажем, надписи из облаков, несомой ветром? Это получилось бы быстрее, чем слать гонца (и, конечно, куда эффектнее), но, наверное, удерживать постоянную форму облаков на таком расстоянии не так-то просто, если вообще возможно для Изольды – все же магия погоды не ее родная стихия... И, конечно, она не станет тратить силы на дешевые эффекты, если можно просто отправить гонца. Целесообразность и здравый смысл, да. Кай вышел на галерею, пожегся от порывистого холодного ветра, окончательно развеявшего всю привлекательность быстролетных солнечных красок, и решил и этот день провести в библиотеке.

Гонец явился вечером четвертого дня; незнакомый молодой парень в плаще, под которым угадывалась кираса, вошел в библиотеку в сопровождении пожилого слуги, приставленного к Каю Изольдой и, залихватски отсалютовав, вручил запечатанный пакет. Кай, бросив беглый взгляд на печать, вскрыл послание.

"Город, бывший при жизни гнездилищем черни, после смерти изысканен и благороден."

Ну да. Цитата из его самого свежего стихотворения, пока известного лишь им двоим. И, очевидно, вполне соответствующая сути послания. Ниже была прозаическая приписка – мол,

податель сего и его люди сопровождают тебя. Каю не нравилась формулировка "податель сего", под которую попадает всякий, завладевший документом обманом или насилием – он бы предпочел получить точное описание гонца – но нельзя же, в конце концов, всюду теперь видеть заговоры и покушения. Хотя, конечно, уж кому-кому, а Каю Бенедикту стать жертвой ревнивцев – это было бы особенно жестокой иронией.

– Мы должны ехать прямо сейчас? – осведомился он без энтузиазма. – Я, вообще-то, предпочел бы сперва поужинать. Да и переночевать под крышей.

– Как вам будет угодно, сударь, – ответил гонец с некоторым удивлением; сам бы он, при наличии выбора, помчался бы к своей Госпоже, не медля ни мига. – Мне велено исполнять ваши распоряжения так, словно это воля самой Госпожи. Если пожелаете, мы отправимся завтра утром.

Кай предпочел бы полдень, но решил не раздражать Изольду излишними задержками – хотя та ни словом не обмолвилась о необходимости спешить.

Выехали почти в десять утра; Кай все еще зевал, взбираясь в седло, но надеялся, что осенний холод прогонит сонливость. По небу плыли лишь немногочисленные облака, и Кай надеялся, что погода не ухудшится за время их путешествия (станет ли Изольда тратить силы, чтобы облегчить ему дорогу, или уповать можно лишь на природу?) Помимо вчерашнего гонца, эскорт (или конвой?) состоял еще из двух всадников с луками и саблями. Были ли это те, что ездили с Изольдой, или же остававшиеся в гарнизоне Фламмештайна, получившие приказ ехать только сейчас? Кай заметил на боку у гонца холщовую сумку, в которой что-то шевелилось. Не успел он спросить об этом, как гонец вытащил из сумки голубя и повязал ленточку ему на ногу, где уже блестело узкое кольцо, а потом подбросил птицу в воздух.

– Уведомляете госпожу о нашем отъезде? – понял он.

– Да, – кивнул тот.

– Но письмо ко мне, как я понимаю, вы везли лично, хотя это сложнее и дольше?

– Голубиная почта ненадежна. Могут перехватить, – молодой человек мотнул головой вверх. Пернатых хищников не было видно, но дальше от замка и его лучников они, конечно, появятся. – Если Госпожа не получит известие о времени нашего отправления, ничего страшного, в принципе, не произойдет, но действительно важные депеши голубю доверить нельзя.

– Я думал, – усмехнулся Кай, – есть какая-нибудь магическая штука, способная защитить голубей.

– Верно, – невозмутимо кивнул посланец. – Вы не заметили кольцо на лапке? Оно хранит от обычных хищных птиц. Но не от тех, которым надето подобное же кольцо.

– Вечная гонка щита и меча, – пробурчал Кай. – Магия ее не отменяет...

Он знал, что у магов есть способ и мгновенно связываться друг с другом на огромных расстояниях – во всяком случае, такие слухи упорно ходили – но, видимо, отправить или получить сообщение обычному человеку таким образом было нельзя. А вот Изольда, наверное, в состоянии быстро получать известия от своего агента в Светлом Совете – если ее агент действительно один из магов, а не кто-то из вспомогательного персонала, и если соответствующее заклинание не слишком затратно и приметно для остальных.

Едва Кай и его сопровождающие перебрались через перевал, как... в первый момент Бенедикту показалось, что навстречу им движется армия. Что имперскому командованию удалось-таки пронюхать про отсутствие Изольды в замке и – не со стороны Кербельсбурга, конечно, а откуда-то сбоку – перебросить сюда войско. Правда, что бы им это дало? Допустим, он возьмут Фламмештайн, вырежут гарнизон, временные лагеря и селения вокруг... может быть даже, многих уже вырезали... но стоит Изольде вернуться – и победители тут же займут место побежденных. И даже если они успеют удрать до ее возвращения, Изольда с легкостью восполнит любые потери – хоть людские, хоть материальные. С другой стороны, кто знает, на

какие безумные идеи может толкнуть Светлых – или даже самого Императора, который, видя беспомощность всегда всемогущих магов, мог решить-таки взять бразды правления в свои руки – их отчаянное положение... Отчаянное даже сейчас, когда они контролируют 98% территории Империи – зная при этом, что у них нет никаких средств удержать этот контроль.

Все эти мысли промелькнули в сознании Кая за считанные мгновения, пока он натягивал поводья, не зная, что делать – однако по спокойствию своего эскорта он понял, что опасности нет. И в самом деле, кирасы, мечи и алебарды сверкали лишь в первых рядах растянувшейся пестрой змеей по горной дороге толпы. Большинство в этой толпе составляли гражданские – обоих полов и всех возрастов. Кербельсбуржцы, понял Бенедикт. Изгнанные из своих домов ради каприза – в конце концов, можно было оставить их работать на Изольду и в самом городе – и покорно шагающие теперь туда, куда им велели. Кай понимал, что своим нынешним положением они обязаны полету его поэтической фантазии, не подразумевавшей никакого практического воплощения. С другой стороны, есть ли у него основания симпатизировать городу, где на него сразу же по прибытии донесли и отправили в тюрьму?

Маленький отряд на холеных лошадях быстро приближался к голове устало бредущей колонны. Кай чуть было не забыл о своей повязке и закрыл лицо лишь в последний момент (перчатки и так были на нем). Женщин в толпе хватало.

– Дорогу! – резко крикнул посланник Изольды; парню явно доставляло удовольствие приказывать людям, многие из которых, включая и седоусых стражников, годились ему в отцы. – Именем Госпожи!

Толпа нехотя расступалась, но места на узкой горной дороге было немного, и коням приходилось буквально проталкиваться по одному сквозь людскую массу. Кай вертел головой по сторонам, надеясь увидеть владельца гостиницы, но, видимо, проглядел его среди прочих – а вот словоохотливого тюремщика узнал. Тот, конечно, едва ли мог опознать беглеца под маской. Рядом с тюремщиком шагали некрасивая задерганная женщина и две девочки. Кай не стал его окликать.

Заночевали все в той же "эвакуированной" деревне – наиболее очевидном перевалочном пункте в одном дне пути от замка. Кай заснул сразу, и мысли о мертвецах, еще недавно бывших владельцами этих домов, его не тревожили. Пока некромантия, самое черное из Темных искусств, под строгим запретом, бояться покойников глупо, да и сочувствовать им уже бессмысленно... Впрочем, наутро, проезжая мимо пропасти, где они нашли свой конец, Кай не удержался и, игнорируя протестующий возглас посланца Изольды, подъехал к самому краю и заглянул внутрь – однако не увидел ничего, кроме крутого, местами заросшего колючками склона, острых камней и ручья внизу. Очевидно, Изольда таки распорядилась захоронить трупы (хотя и не имела в этом никакой прямой надобности на таком расстоянии от ныне обитаемых мест), а дожди смыли все следы. Лишь по сломанным веткам колючего кустарника еще можно было догадаться, что история о расправе – правда.

Дальнейшее путешествие протекало без всяких приключений, и к вечеру четверка, лихим галопом спустившись с предгорий, подъехала к воротам Кербельсбурга. На первый взгляд город выглядел, как обычно, хотя внимательный взгляд мог отметить, что ни над одной из городских труб не поднимается дымок. Ворота были открыты, и в них не маячили никакие стражники – Впрочем, насколько Кай помнил, стражников там не было и во время его первого прибытия в этот город.

Посланец остановился перед воротами, извлек из седельной сумки рог и поднес его к губам, намереваясь протрубить об их прибытии – но его опередили. Изнутри города донесся звонкий стук подков по булыжнику, и навстречу им выехал еще один всадник – точнее, всадница.

Изольда сидела в седле по-мужски, облачившись ради такого случая в черные кожаные брюки и высокие черные сапоги. Приталенный жакет того же цвета подчеркивал изящество ее

стройной фигуры. Белые волосы, свободно ниспадавшие на черные плечи, напомнили Каю водопады по обе стороны ее замка. Никакого оружия или доспехов у нее, разумеется, не было.

Сопровождавшие Кая отсалютовали своей госпоже. Та небрежным жестом отослала их прочь.

– Не скучал, надеюсь? – насмешливо приветствовала она Бенедикта.

– Нет, конечно, – серьезно ответил он и добавил: – В твоей библиотеке не соскучишься и за сто лет.

– Я тут тоже не скучала, – заверила его Изольда. – Забавно, я впервые беру целый город. Представляешь, они тут хотели устроить празднество в мою честь. Рыцарский турнир и турнир поэтов! – она рассмеялась. – Откуда в этой заштатной дыре те и другие?

– Кем только не воображают себя влюбленные, – усмехнулся Кай.

– ... Но я просто велела им убираться. Провела три дня совершенно одна в пустом городе. Это, конечно, не то же самое, что город, покинутый давным-давно и проникнутый поэзией распада и запустения... я не слишком пафосно выражаюсь? – здесь все, на первый взгляд, кажется слишком обыденным. Поначалу кажется, что пустота улиц ничем не отличается, скажем, от раннего утра, и вот-вот из-за угла выйдет какой-нибудь трубочист или выкатится тележка торговца, спешащего занять хорошее место на рынке, или с балкона заорет взъерошенная со сна тетка... но потом понимаешь, что нет, город пуст, совсем пуст, и контраст с его нетронутым внешним видом лишь усиливает ощущения. Да, недаром я давно хотела это испытать.

– Надеюсь, ты не собираешься превращать теперь всю Империю в мертвые города.

– Нет, конечно. Но Кербельсбург я, пожалуй, оставлю в таком виде. А впрочем, решай сам. Теперь он твой.

– На какой срок?

– Навсегда, – спокойно ответила Изольда. – Я говорила, что подарю его тебе, и я дарю. Светлые наверняка не обещали тебе целый город, не так ли? Ну а я могу себе позволить.

– Спасибо, конечно... но я не уверен, что хочу поселиться здесь.

– Собственник не обязан селиться в своей собственности, – пожала плечами Изольда. – И, разумеется, вскоре ты понадобишься мне рядом. Скажем... пары дней на наслаждение одиночеством тебе хватит?

– Думаю, да. Тем более что одиночество, конечно, прекрасно, но надо же и чем-то питаться.

– Заходи в любую лавку, на любую кухню, бери, что хочешь. Я велела жителям перед уходом оставить все двери незапертыми. За несколько дней большинство продуктов в погребах и кладовых не испортится.

– Зато потом этот романтически пустой город наполнится вонью гниения, – пробормотал Кай.

– На какое-то время. И не так сильно, как если бы он был заполнен трупами, как в твоих стихах.

– Я все-таки еще раз призываю тебя не путать стихи и жизнь.

– Я не путаю. Поэтому там нет трупов. Ну ладно, развлекайся. Город твой, и в течение двух дней никто, кроме тебя, не войдет в эти ворота. Потом я вернусь за тобой, – она тронула каблуками бока коня и проехала мимо Кая – левым профилем, как обычно.

– Изольда!

Она выжидательно обернулась.

– Я... ценю твое доверие. Ты все же встретила со мной под открытым небом. И уже, если я правильно понимаю, – он оглянулся по сторонам, – без всяких арбалетчиков. (Трое всадников, приехавших с ним, стояли теперь в стороне за добрую сотню ярдов и, даже несмотря на луки за плечами у двоих из них, едва ли успели бы вмешаться, если что.)

– Ты прошел тест, – чуть улыбнулась Изольда.

– Ты... имеешь в виду – еще один? – понял Кай.

– О том, что я еду сюда, не знал никто, кроме тебя. Я не сказала это даже тем, кого взяла с собой. Ты мог передать эту информацию Светлым – через птиц или, может быть, как-то еще... Они бы все равно ничего не смогли мне сделать, но они бы успели эвакуировать город. Этого не случилось, и значит, ты этого не сделал.

– Выходит, ты мне все-таки не доверяла, – мрачно констатировал Кай.

– Согласись – это была разумная предосторожность.

– Соглашусь, – вздохнул он. – А разве известие отсюда в столицу не идет неделю? И приказ обратно, соответственно. С помощью птиц, очевидно, быстрее, но все равно не два дня, что ты ехала сюда.

– У магов есть свои способы связи.

– Значит, кто-то из них обретается поблизости? – понял Кай.

– По крайней мере, обретался. Они, конечно, не могут командовать всем из столицы, им нужен кто-то на месте, приглядывающий за моими действиями. Честно говоря, я надеялась, что застану его врасплох, если прибуду ночью. Но он все-таки учуял меня с безопасного расстояния и удрал. Не волнуйся, тебя я ни в чем не подозреваю. Маги способны чувствовать друг друга... у него, очевидно, тоже была своя "сигнализация". Ну ладно, не буду тебя больше задерживать. Ты, должно быть, устал с дороги... можешь отдохнуть в доме бургомистра, если пожелаешь. Или где угодно еще.

– Ты сказала, что вернешься через два дня... значит, ты не поедешь обратно во Фламмештайн?

– Нет. Это время потребуется, чтобы армия Фламмештайна пришла сюда. Разминка кончилась, Кай. Мы начинаем наш поход.

Она хлестнула коня и поскакала прочь, оставив Бенедикта перед воротами подаренного города.

Кай, у которого вновь самым неромантическим образом ныла задница после долгого пути верхом, оставил жеребца в первой же конюшне (прежде она принадлежала городской страже), щедро насыпав ему овса из местных запасов, и отправился бродить по Кербельсбургу пешком. Он понимал, что не успеет обойти весь город до темноты, да и не имел такого желания – всего лишь хотел размять ноги после стольких часов в седле и выбрать себе дом для ночлега.

Вечерние улицы совершенно пустого города производили странное впечатление, о котором уже упоминала Изольда и которое лишь усиливалось в полной тишине и безветрии предзакатного часа. Не поскрипывали жестяные вывески или незакрытые ставни, не хлопали бессильно обвисшие флаги, не шелестели занавески и так и оставшееся кое-где висеть на натянутых поперек улиц веревах белье. Во всем городе не было иного звука, кроме шагов Кая, отражавшихся эхом от каменных стен (порою, впрочем, это эхо создавало столь устойчивое ощущение кого-то, идущего следом, что Бенедикт лишь усилием воли давил в себе желание обернуться); и единственным движением, помимо его собственного, было плавное, неуклонное и беззвучное наступление длинных теней, затоплявших узкие улицы и вползавших по стенам от подножий к крышам, гася по пути горевшие оранжевым закатным пламенем окна. Проходя мимо тюремной башни, Кай, конечно, не удержался и посмотрел на окно своей бывшей камеры; оно все еще оставалось на свету, и в нем, выделяясь на фоне соседних камер, сверкала новенькая, не успевшая заржаветь решетка. "Ну разумеется, – подумал Кай неприязненно, – что-то, а тюремную решетку они восстановили быстро." Тут же, впрочем, он поймал себя на мысли, что, будь это не так, он подумал бы о местных властях с неменьшим презрением: "Вот же раздолбай, даже решетку собственной тюрьмы починить не в состоянии!"

До дома бургомистра он в этот вечер так и не добрался – да и не стремился туда попасть.

В небольшом городке этот дом едва ли походил на дворец – к тому же, если Изольда останавливалась там, то она... нарушила аутентичность. Каю были интересны лишь те дома, которые остались точно такими, какими их покинули жители. И на одной из кривых улочек недалеко от центра он наткнулся на дом, заметно отличающийся от своих соседей – обычных городских фахверковых домиков с белеными стенами, перечеркнутыми крест-накрест коричневыми раскосами, и крутыми крышами из тяжелой красной черепицы. Стены этого дома были выложены разноцветной плиткой – синей, желтой и розовой, над улицей на втором и третьем этажах нависали пузатые балконы с ограждением из тонких, изящно выгнутых металлических прутьев, черепица тоже была разных цветов, образовывавших волнистый узор, пологий фронтон над третьим этажом украшал эмалированный щит с гербом (насколько Кай разбирался в таких вещах, не дворянским, а купеческим), и даже водопроводные трубы были сделаны в виде гигантских змей с широко разинутыми пастьми, а ручки на покрытых красным лаком дверях – в виде медвежьих морд с зажатými в зубах кольцами. Дом явно был выстроен по заказу не просто местного богача, но богача, не лишённого вкуса. Заходила ли Изольда внутрь? Возможно, она вообще не была на этой улице, возможно – лишь любовалась фасадом; но Кай решил, что зайдет непременно.

Дверь, как ему и было обещано, не была заперта и открылась, несмотря на свою массивность, практически без усилий благодаря идеально смазанным петлям. Кай опасался увидеть внутри беспорядок, вызванным поспешным уходом жильцов – примерно то же, что он видел в горной деревне, с поправкой на совершенно иной уровень благосостояния – но нет, никакие брошенные на пол вещи или распахнутые шкафы и ящики не нарушали торжественной роскоши богатого дома. В холле висел большой портрет в витой позолоченной раме, изображавший властного черноволосого мужчину с хищным горбатым носом и сурово сдвинутыми бровями – вероятно, основателя торговой династии. Два рыцаря в латах – на самом деле, конечно, пустые доспехи – несли почетный караул возле изразцового камина с изящной кованой решеткой. Мраморная лестница, украшенная статуэтками девушек с канделябрами в руках и покрытая темно-красным ковром, вела наверх. Внимательный взгляд, конечно, заметил бы, что в камине полно золы, а ковровая дорожка, как и тяжелые портьеры, уже успела покрыться пылью – но в вечернем полумраке это не бросалось в глаза, да и в любом случае едва ли могло смутить Кая, куда более привычному к убранству дешевых меблированных комнат.

Он быстро отыскал столовую на втором этаже – длинный стол, покрытый крахмальной белой скатертью, оказался даже сервирован на шесть персон, но тарелки были пусты и чисты. Очевидно, приказ покинуть город застал хозяев дома непосредственно перед трапезой – и никто не осмелился задержаться даже на полчаса. Кай с усмешкой посмотрел на возвышение в конце трапезной залы – нечто вроде невысокой сцены, на которой несколько простых стульев стояли полукругом вокруг пюпитра. Не иначе, здешние богачи любили услаждать себя музыкой за ужином. Где теперь эти музыканты – и где само купеческое семейство? В какой-нибудь временной палатке в горах? Изольда говорила, что ей нужны новые работники – но какую пользу она надеется извлечь из богачей, выдернутых из привычной среды и загнанных в палаточный лагерь вместе с простонародьем? Они, разумеется, способны послужить ей своими деньгами и коммерческими талантами – но не в таких же условиях! Скорее всего, она просто не подумала об этом, желая сделать эффектный жест – очистить город одним своим приказом. Даже умный правитель отнюдь не все делает разумно, когда начинает мыслить слишком масштабными категориями...

Кай вновь спустился вниз и отыскал ход в кладовую, откуда поднялся с двумя корзинками в руках, нагруженный копченой форелью, фруктами и целой горой круглых сыров различных сортов, многие из которых он не пробовал никогда в жизни. Теперь он намеревался исправить это упущение. Увы – в доме, как, разумеется, и во всем городе, не было свежего хлеба, но Кай решил, что без хлеба он пару дней как-нибудь потерпит.

Наевшись до отвала (не все сыры ему понравились, но форель была превосходна, равно как и маленькая желтая дыня с сочной полупрозрачной мякотью), он почти сразу почувствовал сонливость, не удивительную после целого дня, проведенного в пути, и отправился на поиски спальни.

Спальни находились на том же этаже в левом крыле. Войдя в коридор, уже почти совсем темный – надо было зажечь светильники на стенах или хотя бы взять канделябр со свечами, но Кай собирался сразу завалиться спать и не стал с этим заморачиваться – он впервые почувствовал неприятный запах. У него мелькнула мысль, что это, вероятно, какая-то испортившаяся еда, оставленная в одной из комнат – или даже неопорожненный ночной горшок. Оставалось надеяться, что он найдет спальню, где этот запах не чувствуется. Кай остановился перед высокой дверью, украшенной резьбой, и потянул на себя круглую позолоченную ручку.

Вонь ударила ему прямо в нос. Всю комнату наполнял тяжелый дух разложения, смешанный с запахом каких-то лекарств. Не то чтобы этот дух был убийственно сильный, но достаточный, чтобы Кай тут же инстинктивно перешел на дыхание через рот. В комнате было почти совсем темно – последний свет умирающего дня едва пробивался сквозь задернутые вишневого цвета шторы – и все же Кай различил большую кровать под балдахином, белые подушки, свешивающиеся на пол простыни – и фигуру под одеялом.

Первым побуждением Кая было захлопнуть дверь. Он не мог различить никаких деталей, но его нос ясно говорил ему, что в комнате лежит труп. Изольда ошиблась, говоря, что здесь их нет. Старики и больные, на которых, вероятно, тоже подействовала ее магия, но которые просто физически не могли исполнить ее приказ... Она не подумала о них, просто не подумала. А все, кто мог ухаживать за ними, ушли. Ради любви не только слуги бросили господ, но и дети – отцов и матерей...

Но в тот момент, когда рука Кая уже давила на дверную ручку, фигура под одеялом шевельнулась.

Кай замер, всматриваясь во мрак и пытаясь определить, не почудилось ли ему. Нет, вот опять – короткое, судорожное движение под одеялом.

– Вы... меня слышите? – хрипло спросил Кай. Ничего более умного не пришло ему в голову. Не спрашивать же "с вами все в порядке?" и "вам нужна помощь?" (Разумеется, нет; разумеется, да.)

Лежавший ничего не ответил. Возможно, не слышал; возможно, не мог говорить, и слабое движение рукой – это было все, на что он был еще способен.

Но если он еще жив, откуда же этот запах? Впрочем, больной старик, уже четыре дня – или три, когда там Изольда изгнала горожан? – ходящий под себя, конечно, не будет благоухать. Но запах все же больше походил на смрад гнилого мяса, чем выгребной ямы. Ну, возможно, какие-то язвы и пролежни...

Демоны, меньше всего Каю улыбалась роль сиделки. Но он не мог теперь просто захлопнуть дверь и уйти, оставив этого человека медленно умирать в собственном дерьме. Вычищать это дерьмо он точно не будет... но, если нет никакой возможности вызвать помощь... он может, по крайней мере, нанести удар милосердия. Кай выехал из Фламмштайна, как уже привык за эти дни, в кольчуге под курткой и со шпагой на поясе, и оружие было по-прежнему при нем.

Кай вошел в комнату.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я помогу вам.

В ответ снова что-то шевельнулось, но ответа голосом не последовало. Лицо лежавшего виделось Каю лишь темным овалом на подушке. Кажется, его обрамляли длинные седые волосы... возможно, это не старик, а старуха...

Бенедикт подошел к окну и раздернул занавески на всю ширину. Свет солнца догорел уже не только на самых высоких городских шпилях, но и на облаках, медленно плывущих над ними;

оставалось еще минут десять, прежде чем сумерки сменятся окончательной тьмой. Кай развернулся и быстро подошел к кровати. Наклонился под балдахин, стараясь лучше разглядеть лицо в тающем свете...

С подушки на него скалился череп, обтянутых желтой пергаментной кожей. Так Каю показалось в первый момент. Но, конечно, никакое разложение не могло зайти так далеко за три дня. Нет, этот человек – кажется, это все-таки был мужчина – иссох почти до скелета еще при жизни. Но теперь – Кай смотрел на почти беззубый ввалившийся рот с отпавшей нижней челюстью, на мутные бельма глаз, на заострившийся нос, похожий на костяной клюв, на неестественно бледную кожу и темные пятна, выступившие на скулах – нет, это определенно было лицо трупа, и трупа уже не первой свежести. Кай протянул было руку к этому лицу, желая удостовериться – и, не коснувшись, брезгливо отдернул. Этот человек был мертв уже несколько дней, вне всякого сомнения.

Но как же он мог шевелиться?! Ведь Кай это видел и слышал!

Некромантия под запретом. Мертвецы не встают. Не должны вставать. Но он совершенно один в пустом городе... в наступающей ночи... с *этим*... и сколько таких *этих* здесь еще может быть?!

Были ли в библиотеке Фламмештайна книги по некромантии?

Изольда! Неужели это еще один твой тест?!

Кай ухватил одеяло за угол и резким движением отбросил его с трупа. И в тот же миг огромная крыса, перепачканная чем-то липким, со злобным писком метнулась с кровати и тяжело плюхнулась на пол. За ней из жуткой дыры, прогрызенной в животе старика, вывернулась еще одна – и сиганула следом за первой. А за ними и третья.

Кай шархнулся назад в ужасе и отвращении. В темноте слышался торопливый цокот коготков, скользящих по вощеному паркету.

Минуту спустя, сбежав вниз по покрытой ковром лестнице, Кай выскочил на улицу. Разумеется, о том, чтобы подыскивать другую спальню в этом доме, не могло быть и речи. Красная дверь с медвежьей мордой мягко закрылась у него за спиной.

Перед глазами Кая все еще стояло лицо мертвеца. Долгая болезнь и смерть сильно изуродовали его черты, и все же Бенедикт не сомневался, что белые остатки когда-то густых бровей и нос крючком принадлежали тому же человеку, что и на парадном портрете в холле. Основатель династии, возможно, самый богатый человек в городе – и уж точно один из самых уважаемых... Ни деньги, ни авторитет, ни большая (шестеро!) семья – ничто не спасло его от болезни и жалкой и жуткой смерти. Один, брошенный всеми посреди бесполезной роскоши, не способный ни встать с кровати, ни отбиться от крыс, которые, возможно, не стали пассивно дожидаться его кончины...

Этот город не пуст. Сколько здесь еще трупов? А также живых крыс и, возможно, проголодавшихся собак? При внезапном нападении во тьме даже шпага – не очень хорошая защита, особенно против стаи...

Каю резко расхотелось наслаждаться мертвым городом еще два дня. И уж тем более – оставаться на его улицах в сгущающейся ночной темноте. Надо было срочно искать другой ночлег, пока неразгоняемый ни единым огоньком мрак окончательно не покроет все. Казалось бы – заходи в любой дом, вероятность напороться в темноте еще на одного мертвеца – или на голодного пса – ничтожна. Но все-таки не нулевая...

Ему повезло – пройдя пару улиц, уже во тьме он наткнулся на вывеску гостиницы. Не той, где останавливался в прошлый раз, а более крупной и солидной. Здесь, как он надеялся, внутри уж точно не ждало никаких неприятных сюрпризов. Впрочем, из трапезной пованивало гниющими фруктами, но Кай решил не привередничать и поднялся на второй этаж. В первом от лестницы номере, куда он заглянул, на момент приказа Изольды явно кто-то жил – постель была смятой, а полотенце несвежим, зато соседний номер призывно пах чистым и выглаженным

бельем. Раздевшись наощупь, Кай растянулся на кровати.

Ясное солнечное утро, впрочем, совершенно переменяло его настроение. Отыскав в кладовых гостиницы подсохшие, но еще вполне пригодные в пищу пирожные, он отправился бродить по городу, вновь получая удовольствие от прогулки по пустым улицам. Он проведаль своего коня и убедился, что того за ночь никто не съел, затем вышел к городским воротам и постоял в их открытом проеме, оглядывая окрестности – столь же безлюдные, как и сам Кербельсбург. Кай, конечно, не ожидал, что Изольда или ее люди будут поджидать его прямо за воротами, но все же не исключал, что может увидеть какую-нибудь палатку на пологом зеленом склоне, позволяющую наблюдать за городом. В конце концов, в замок они не вернулись, и если Изольда обещала, что никто не войдет в город в ближайшие два дня, кто-то же должен за этим присматривать... Однако, насколько хватало глаз, в окрестностях Кербельсбурга не было ни души. Лишь высоко в небе нарезал круги очередной орел или беркут – который определенно не был глазами Изольды, ибо Бенедикт помнил, что она не умеет управлять животными.

Затем он вернулся в город и бродил по нему практически целый день – как Кай уже мог убедиться во время своего побега, несмотря на невеликий диаметр внешних стен, Кербельсбург с его многочисленными кривыми улочками и переулками внутри напоминал свернутый рулон, так что, если никуда не спешить и заглядывать в каждый закоулок, обходить его изнутри можно было долго. При свете солнца Бенедикт уже без всякого дискомфорта заходил и в дома – больше из любопытства, нежели ради еды и отдыха. На трупы он, к счастью, больше нигде не наткнулся, но повсюду находил следы обычной жизни, прерванной самым внезапным образом: недоеденная пища на тарелках (теперь уже, конечно, превратившаяся в пиршество для мух и тараканов), недоигранные картежные или шахматные партии, раскрытые на середине книги, разбросанные детские игрушки... Каю представилось, как много столетий спустя какие-нибудь исследователи древностей раскопают этот город и будут гадать, что же заставило жителей покинуть свои дома столь внезапно, если нет никаких следов ни войны, ни пожара, ни иного бедствия... И им, конечно, не придет в голову, что таким бедствием была любовь.

С голодными собаками он так нигде и не столкнулся – ни в домах, ни на улицах. Похоже, Изольда об этом подумала и как-то решила эту проблему. В той толпе, которую Кай встретил в горах, он не заметил никаких животных. Неужели Изольда велела жителям убить всех своих питомцев, как неподконтрольных ее магии и способных представлять опасность?

На следующий день Кай наведлся в тюрьму. Ему пришла в голову мысль, что там до сих пор могут оставаться страдающие от жажды и голода заключенные. Кай не был уверен, что с ними делать – выпускать их он не собирался, но и смерти они, скорее всего, не заслуживали – вряд ли в этом маленьком провинциальном городке водились завзятые душегубы. Пожалуй, он даст им воду – в те камеры, где это можно сделать, не входя внутрь – а дальше пусть решает Изольда, когда вернется. В конце концов, в ее распоряжении теперь тюремщики, знающие степень вины каждого из сидельцев...

Но Изольда, как выяснилось, уже решила: двери всех камер были отперты точно так же, как и остальные двери в этом городе. Выходит, она забрала в свое царство любви и преступников... уж наверное, не из милосердия, а рассчитывая, что они будут ей столь же послушными рабами, как и все прочие.

Если, конечно, их не столкнули в пропасть где-нибудь по пути.

У Кая была и еще одна причина вновь посетить тюремную башню – по иронии судьбы (а точнее – властей и строителей города), это было самое высокое здание в Кербельсбурге, откуда, по идее, должен был открываться самый хороший вид на город и окрестности. То есть формально ратуша была выше – но лишь за счет высоты десятирядового шпиля, а самым высоким местом, куда можно было реально подняться, был верхний этаж тюрьмы. Увы, но вид оттуда открывался лишь через зарешеченные окна камер, а выхода на верхнюю площадку башни, на который надеялся Кай, не оказалось – если таковой и был во времена ее постройки, то

его давно замуровали. Достойный образ карьеры в Империи, подумал Кай. Ты поднимаешься с этажа на этаж, но все равно остаешься в тюрьме. Пока не упираешься в потолок, наглухо замурованный магами... И то, что они не пускают никого выше – это еще полбеда. Главная беда в том, что они не желают подниматься выше и сами...

Мостовые пустого города успели уже наскучить Каю, и он отправился путешествовать по крышам. Вечер второго дня он встретил на крыше ратуши, самой высокой из всех, куда выбрался через слуховое окно, и сидел теперь в обнимку с каменной химерой, упираясь сапогами в край карниза; под его ногами в добрых сорока ярдах внизу лежала главная городская площадь. Позади и выше него вздымался огромный шпиль, чья длинная закатная тень тянулась по крышам до самой городской стены, медленно двигаясь, как гигантская стрелка часов. Кай смотрел на безжизненный город и желто-зеленые луга вокруг, разрезанные узкой лентой пустой дороги, убегавшей к горизонту – и в его голове складывались строки, описывающие иной пейзаж, но то же настроение:

Здесь громоздятся скальные твердыни
Под облака,
А подо льдом в заснеженной долине
Течет река.
Мир мертв, но стал по-своему красивым,
Утратив цвет.
И только в старом замке над обрывом
Мерцает свет.
Снег скрадывает угловатость линий
И резкость дней.
На стенах замка серебрится иней
Промеж камней...

– Привет, Кай, – услышал он за спиной.

Он резко обернулся. Изольда, все в том же черном наряде для верховой езды, стояла на крутом скате крыши – или, можно сказать, полулежала, опираясь спиной на дымовую трубу и уперев под углом длинные ноги в сапогах в кровельное железо. Кай не мог не отметить, насколько изящно смотрится ее фигура – с левой, разумеется, стороны – на фоне прозрачного вечернего неба.

– Не ждал меня так рано? – осведомилась она со своей обычной иронией. – Но прошло ровно два дня, как я и обещала. Минута в минуту.

– Как ты меня нашла? – спросил Кай, доставая из кармана перчатки и маску. – То есть, конечно, меня можно заметить снизу, но только если знать, куда смотреть...

Изольда молча улыбнулась.

– И... я думал, что ты въедешь через ворота, – Кай кивнул на пустую дорогу, вливавшуюся в город через единственную надвратную башню в восточной части стены.

Изольда продолжала улыбаться.

– Ты... на самом деле все время была здесь? – спросил он уже неприязненно. – Пряталась с помощью каких-то магических штучек, а сама следила за мной?

– Нет, – серьезно ответила она. – Я держу свое слово. Я обещала, что в течение двух дней никто, кроме тебя, не войдет в этот город, и меня это, разумеется, тоже касалось. А парадный вход – не единственная дорога внутрь или наружу... ты ведь сам убедился в этом, убегая отсюда в прошлый раз, притом без всякой магии.

– И все же каким-то образом ты знала, где я. Ты подсунула мне... что-то заговоренное? Это предмет одежды? Кольчуга? Оружие?

– Какая разница, – поморщилась Изольда. – Я не слежу за тобой. Не читаю твои мысли и не вижу, чем ты занят. Я просто... могу найти тебя, если это необходимо, и почувствую, если ты

окажешься в опасности. Это все. Согласись, что, раз уж мы партнеры, то это разумно.

– Согласился бы, если бы обладал симметричной возможностью, – пробурчал Кай.

– Я не сказала "симметрично" или даже "справедливо". Я сказала "разумно". А симметричным наше положение не является, если ты не заметил, и никогда не будет. Я стараюсь не ограничивать твою свободу, в первую очередь потому, что мне не нужен еще один раб. Мне нужен советник, сохраняющий максимальную независимость суждений. Но я не могу дать тебе мои способности, даже если бы очень этого хотела.

– Ладно... – пробурчал Кай. – Где твоя армия?

– На подходе. С той стороны крыши ее уже видно. Будут здесь еще до темноты. Переночуют в городе... если ты, конечно, не возражаешь, а утром мы двинемся дальше.

– А если я скажу "возражаю"? – усмехнулся Кай.

– Я спрошу тебя, каковы *рациональные* причины твоего отказа, – спокойно ответила Изольда. – Твой город не будет разграблен или еще как-то поврежден, это я тебе обещаю. За те дни, что я провела здесь, я уже наметила, как их разместить. Их не так много, пока всего тысяча.

– Ладно, ты права, – согласился Кай. – У меня нет причин отказывать твоим... нашим солдатам в гостеприимстве. Но все же объясни мне, зачем тебе понадобилась армия? Она сильно замедлит наше продвижение. Не говоря уже о вопросах снабжения и всего прочего. В то время как в одиночку – ну или с маленьким отрядом – ты могла бы проскакать галопом по всей Империи, меняя лошадей в каждом очередном городе, падающем к твоим ногам.

– Так-так, – усмехнулась Изольда, – я дала тебе время подумать в одиночестве, и вижу, ты провел его не зря. Ну и что ты надумал?

– К чему эти игры? – рассердился Кай. – Почему бы тебе просто не сказать мне ответ?

– Потому что я не хочу, чтобы мой советник разучился думать своей головой. К тому же вдруг ты додумался до чего-то, что ускользнуло от моего внимания.

– Ничто так не разлагает армию, как безделье. А муштра дает лишь временное решение проблемы. Ибо бесконечные упражнения без применения на практике начинают злить своей бессмысленностью. Поэтому нужно дать солдатам почувствовать себя героями и победителями... несмотря на то, что реально сражаться им не придется. Они, конечно, все равно преданы тебе, как никогда в истории никакие солдаты не были преданы своему главнокомандующему... но преданы в индивидуальном порядке. А дисциплина требует коллективной слаженности. Любовь к тебе не столько объединяет, сколько разделяет их. Военная кампания, пусть и бескровная, должна объединить.

– Это одна из причин. Еще?

– Тут, впрочем, возникает вопрос, зачем тебе вообще нужна армия. Империи, у которой уже триста лет как не осталось внешних противников, она нужна, помимо парадов и пафоса, для подавления бунтов – хотя и там маги играют более важную роль, чем мечи и стрелы. Ты же в вооруженном насилии не нуждаешься в принципе. Один ответ состоит в том, что организация военного типа обеспечивает дисциплину. Но, коль скоро Светлые могут узнавать о твоём продвижении – и отдавать приказы – быстрее, чем ты способна перемещаться, нам стоит ожидать и определенного реального сопротивления. В ближайших районах – если б ты не дала им неделю форы после взятия Кербельсбурга – они бы ничего не успели сделать, но вот дальше... Разрушенные мосты, перекопанные дороги и все такое прочее. Плюс вывезенное или уничтоженное продовольствие. Поэтому тебе нужны инженерные подразделения и обоз с запасами провианта.

– Именно. Что еще?

– Ну... чисто эстетические соображения. Возможно, тебе кажется, что входить в города во главе армии эффективнее, чем брать их в одиночку, въезжая, как простой путник. Хотя примеров первого в истории множество, а вот примеров второго... И я все же надеюсь, что эстетика для тебя не важнее рациональных соображений.

– Допустим, – сказала Изольда, не уточнив, к какой части его предположения это относится. – Еще?

– Тут я уже вынужден гадать, ибо в магии не разбираюсь. Я знаю, что ты черпаешь свою силу в их любви... но, возможно, если эта сила будет расти слишком быстро, это может повредить тебе самой. Возможно, тебе нужно какое-то время, чтобы освоиться с ней.

– Браво. Ты, правда, преувеличиваешь опасность. Повредить мне это не может – иначе, пожалуй, наши Светлые друзья просто пригнали бы мне под окна миллионную толпу, с них станется – но вот для того, чтобы использовать силу наиболее эффективно, ее действительно нужно набирать без излишней спешки. Еще какие-нибудь соображения?

– Хмм... – задумался Кай, полагавший, что уже названного достаточно.

– Ну, скажем, я позволяю Светлым сделать за меня работу. По поиску других таких, как я и ты.

– Думаешь, после неудачи со мной они продолжают поиски?

– Думаю, что делают это еще усерднее. Что им еще остается?

– Но ты могла бы взвалить на них эту работу уже после того, как подчинишь их.

– Я... все еще не уверена, что целесообразно будет оставить их в живых. В каком угодно качестве. Мало мне обычных дуэлей, не хватало еще магических...

– Да, – неожиданно согласился Кай, – я тоже полагаю, что они всегда будут представлять угрозу. Чем могущественней влюбленный, тем больше дров он может наломать на почве своего умопомрачения. Кроме того, их совокупная магическая сила больше твоей. Что, на первый взгляд, не имеет значения, если их воля подчинена тебе... но насколько прочна подобная конструкция, когда речь идет о магах? Укротитель повелевает тиграми, но иногда тигры бросаются на укротителя... Однако прежде ты говорила, что не собираешься их убивать.

– Я сказала, что не могу обещать тебе смерть кого-либо из них. Как не могу обещать и обратного. Я еще не решила. И я хочу... дать им еще некоторое время и позволить проявить себя. Пока их воля еще свободна.

– То есть это еще одна причина? И, если я правильно понимаю, – медленно произнес Кай, – ты хочешь устроить эту демонстрацию не только для себя лично, но и для всего населения Империи. Чем больше глупых гадостей наделают Светлые, тем убедительнее будет твой образ избавительницы. Что полезно, учитывая, что влюблять в себя все человечество ты не собираешься.

– Ты понимаешь правильно, – кивнула Изольда. – За то и ценю.

Она отделилась от трубы и двинулась по диагонали в сторону края крыши, осторожно ступая по крутому скату.

– Могу я попросить тебя пересесть направо от химеры?

– Зачем? – спросил Кай, продолжая смотреть на город. Тень шпиля уже перечеркнула стену.

– Чтобы нам не пришлось беседовать через нее.

Ну да, конечно. Она ведь должна была сесть справа от него.

Кай исполнил ее просьбу. Изольда уселась рядом – сохраняя, впрочем, вежливую (или безопасную?) дистанцию ярда в полтора – и тоже принялась смотреть на город внизу, длинные тени и желто-зеленые луга, тянущиеся к горизонту.

– Ты тоже не боишься высоты? – задал риторический вопрос Кай и тут же сообразил: – Впрочем, тебе же, наверное, ничего не грозит, даже если ты сорвешься.

– Не совсем. Я могу шагнуть с крыши и зависнуть в воздухе на какое-то время... или плавно опуститься... но предварительно потребуется некоторое время, чтобы сосредоточиться и произнести заклинание. А вот если я *сорвусь*... боюсь, я просто не успею. Маги не всемогущи, Кай. Даже все вместе, а уж тем более каждый в отдельности. Все, что за пределами врожденного дара, требует дополнительных усилий, порой весьма значительных, а многое так и остается

недоступным.

– Я ценю твое доверие, – сказал он серьезно.

– Ты мог бы убить меня и не сталкивая с крыши, ведь так? – пожалала плечами она. – А отсюда лучше вид, чем из-за трубы.

– Крыша большая. Видом можно любоваться и из другого места.

– Ты даже не представляешь, какое удовольствие сидеть рядом с мужчиной, который к тебе равнодушен, – на ее губах была усмешка, но голос звучал серьезно. – Который не испытывает к тебе вожделения ни в какой форме. Не хочет ни отыметь тебя, ни ползать перед тобой на коленях, чтобы потом опять-таки отыметь. Ты первый человек за многие годы, с которым я могу общаться на равных. А не как укротитель с животным.

– Будут и другие.

– Надеюсь.

– Я тоже надеюсь. Ужасно некомфортно быть незаменимым. Тем более для кого-то, кто могущественней тебя.

– Многие сказали бы наоборот, – усмехнулась Изольда.

– Многие! – презрительно фыркнул Кай. – Многие считают любовь смыслом существования. Которая, по сути, тоже форма незаменимости, только очень глупая и вздорная. Но даже когда незаменимость имеет вполне рациональную основу, от этого не сильно легче. Некто имеет на тебя свои планы и будет добиваться их реализации, причем подsunуть вместо себя кого-то другого ты не можешь. Что может быть хуже?

– Только если его планы не совпадают с твоими.

– Они не могут совпадать абсолютно. Потому что он – это не я.

– А разве ты не хотел бы быть незаменимым для своих читателей?

– Единственным, кого они читают? Хмм... нет. Вот представь себе эту картину: сижу я где-нибудь на берегу, любуюсь закатом, а меня окружает толпа с криками: "Ну-ка предьяви, что ты за сегодня написал! Как, и это все?! Почему так мало? Ты же знаешь, что нам нечего читать!" А если среди них окажется какой-нибудь власть имущий, он просто посадит меня в золотую клетку. Или даже не золотую. Есть, знаешь ли, теория, будто благополучный поэт теряет стимул к творчеству, а несчастья способствуют вдохновению...

– Тебе со мной неинтересно? – серьезно спросила Изольда.

– Ну почему, интересно. Но я должен знать, что могу уйти в любой момент. И ты не станешь меня удерживать.

– Я сказала тебе об этом в первый же день, – голос Изольды звучал холодно. – Иди, если хочешь, чтобы тебя...

– Нет-нет, я все помню, – перебил Кай. – У нас война и все такое. Я имею в виду – потом. Когда все кончится. И я тоже захочу поселиться в каком-нибудь замке в горах. В полном одиночестве. Ну или, точнее, с минимальной прислугой, первой обязанностью которой будет никогда не попадаться мне на глаза... (У Кая, разумеется, никогда за всю его жизнь не было ни прислуги, ни тем более замка.)

– Ничего не кончится. За войной наступит мир, который всегда гораздо сложнее. Война – это ведь, по сути, просто поиск простейшего решения... А потом мне придется править... всем этим, и мне потребуется помощь, если ты не забыл.

– Вот-вот. Знаешь, почему я никогда не хотел власти над миром? Потому что она лишает власти над собой. А я – для самого себя, конечно – гораздо важнее, чем мир.

– Я не просила рождаться тем, кем я родилась. Но раз уж мы не можем навязать миру свои правила – надо научиться выигрывать по тем, что он навязал нам.

– А я не хочу ни выигрывать, ни проигрывать. С детства ненавидел любую иерархию и табель о рангах, какое бы место в ней мне ни предлагалось. Я вообще не желаю играть.

– Это можно обеспечить лишь одним способом, – Изольда с усмешкой кивнула вниз, в

пропасть под ногами.

– А если бы я попытался, ты бы стала мне мешать? – усмехнулся в ответ Кай.

– Ты не настолько глуп.

– Это не ответ на вопрос.

– Если бы ты все же оказался настолько глуп, ты бы утратил для меня всякую ценность, – пожалала плечами она.

– Даже как поэт? Некоторые из них сделали это.

– Ни один из них не входит в число моих любимых. Думаю, это не случайное совпадение.

– Хм, пожалуй что моих тоже. И все же талантливые среди них были. Будь у меня возможность, я бы попробовал их отговорить, но мешать – нет, конечно нет. Спасать желающего умереть – такое же зло, как и убивать желающего жить. Собственно, право на смерть и право на жизнь – это одно и то же право, право распоряжаться собой. Жизнь всякого человека, каким бы ценным он ни был для прочих, принадлежит исключительно ему, а не его родне, государству или человечеству... Между прочим, а ты подумала, какой урон нанесешь культуре? Ведь теперь все поэты, за известным тебе вычетом, будут писать почти исключительно о любви к тебе.

– Можно подумать, они раньше мало писали о любви! – фыркнула Изольда.

– Да, но раньше эта болезнь накатывала на них приступами, в промежутках между которыми они создавали и что-то более достойное. А теперь примет хронический характер.

– А ты запрети им это, – пожалала плечами Изольда. – Хочешь должность главного цензора?

– Еще чего не хватало! Да и не поможет.

– Я шучу. Хотя можно учредить государственный конкурс Поэзии Не О Любви и назначить тебя председателем жюри.

– Представляю, какой ворох графомании мне пришлось бы перечитать... Боюсь, что для искусства нет ничего более губительного, чем государственная поддержка.

"Полное собрание сочинений", вспомнилось Каю. Как легко он сам заглотил эту наживку...

– Ну, тогда мы, наоборот, запретим писать не о любви, и ты увидишь, как расцветет эта сфера, – усмехнулась Изольда.

– Возможно, лавина стихов о любви и переполнит, наконец, чашу, показав уже всем, какая же это глупая пошлость, – рассуждал вслух Кай. – Но ведь они все равно будут во все это верить – и пишущие, и читающие. Искренняя пошлость – это гораздо страшнее любой пошлой фальши...

В городских воротах внизу показались всадники. Они возникли там, словно по волшебству – дорога была по-прежнему пуста до самого горизонта – хотя на самом деле, конечно, они просто подъехали справа, скрытые городской стеной. Теперь колонна чешуйчатой змеей кирас и щитов – все, как для настоящей битвы – втягивалась в город по уже погруженной в тень улице. Перестук копыт, отраженный эхом от стен, далеко разносился в безветренном вечернем воздухе и был различим даже с крыши ратуши. Кай презрительно фыркнул, увидев розовые знамена над головами всадников.

– Знаю, – без слов поняла его Изольда. – Пошлость. Я бы предпочла синие флаги. Но... приходится соответствовать образу. Мы должны иметь символику, понятную и узнаваемую для тех, кто видит нас в первый раз. Скажи еще спасибо, что я отклонила проект с красным сердечком в белом круге. Тот же автор предлагал эмблему, где на кольце с сердцем внутри сидит голубь с распростертыми крыльями...

– Хорошо, что не двуглавый голубь, – заметил Кай. – А сердце, если изобразить его анатомически достоверно, а не так, как обычно, смотрелось бы даже забавно.

– Да, да. Ты можешь позволить себе иронизировать. А мне надо идти встречать войско.

– Разве у тебя нет офицеров, которые обо всем позаботятся?

– Есть, конечно. Но знаешь, как говорят – если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, делай это сам.

– Угу. Если хочешь, чтобы мир управлялся хорошо...

– Именно, Кай.

Она поднялась, легким и гибким движением, и Каю на миг показалось, что сейчас она шагнет через карниз. Ее спуск с неба был бы, наверное, особенно эффектным способом встречи собственной армии. Но вместо этого она направилась к открытому им слуховому окну, ступая по крутой крыше с неизменным изяществом, но вместе с тем и с осторожностью простой смертной, для которой высота чревата не только триумфом, но и гибелью.

Триумфальное шествие Армии Любви продолжалось один день. Собственно, оно могло бы уложиться и полдня, если бы армия двигалась в максимальном маршевом темпе, который, с учетом наличия пехоты и обоза, составлял для тренированных бойцов 25 миль в сутки. Однако в каждом селении, попавшем под воздействие Изольды заодно с Кербельсбургом, жители устраивали Госпоже торжественную встречу и дружно записывались добровольцами, тут же получая из обоза заранее заготовленные пехотные мундиры и пики. Все эти мероприятия, разумеется, замедляли продвижение сами по себе, а необученные новобранцы из вчерашних крестьян еще и не могли держать должный темп.

– Зачем они нам? – негромко спросил Кай у Изольды во время первого же приема добровольцев. – Ищешь удобный предлог еще замедлить нашу скорость?

– Не только. Выстраиваю иерархию. Видишь ли, когда все подданные подчинены Госпоже, было бы неправильно, если бы при этом все они воспринимали друг друга просто как соперников... тем более – как равных соперников. Надо дать каждому определенную ступень – не обязательно формальную – и утешительное право доминировать хоть над кем-то. Офицеры – над капрами, капралы – над рядовыми, участвовавшие в походе – над оставленными в тылу, рядовые, прошедшие подготовку в Беллиандских горах – над добровольцами, примкнувшими в ходе похода, примкнувшие раньше – над примкнувшими позже. Пусть даже это "раньше-позже" определяется всего лишь географией, а не личными заслугами. У нас не будет боев и не будет боевых наград, а стало быть, тонкие различия, стирающиеся во время реальной войны, выходят на первый план.

– Хочешь связать свою Армию Любви узами всеобщей вражды и зависти? – усмехнулась Кай.

– Не вражды. Дисциплина будет поддерживаться и конфликты гаситься. Новобранцам, кстати, сразу объясняют, что за серьезные нарушения их ждет кастрация. Но для поддержания дисциплины полезно не только принуждение, но и уважение. Создавать слишком много формальных званий и рангов – это чересчур усложнило бы управляемость. Но большое количество неформальных ступенек, по принципу "я должен уважать таких-то, потому что они присоединились к Госпоже раньше, но в то же время те, кто вообще не участвовал в походе, должны уважать меня" – это пойдет на пользу.

– Разделяй и властвуй?

– Если угодно. С той поправкой, что я буду над ними властвовать в любом случае. Мне нужно как-то упорядочить их отношения между собой. Я помню, что ты ненавидишь любую иерархию, можешь не напоминать.

– Для себя лично – да. Но я не отрицаю полезности иерархий в обществе. Если они строятся на основании личных достоинств, а не того, кто в чьей семье родился или на каком расстоянии от Фламмештайна жил.

– На практике очень часто места в жизни распределяются именно по принципу "кто оказался в нужном месте в нужное время", – пожалала плечами Изольда.

– Ты хочешь делать, как "на практике", или ты хочешь строить новый мир на разумных

началах?

– Это же не кастовые и даже не сословные перегородки. Всего лишь некоторое неформальное деление. Разумеется, талантливый человек, не участвовавший в походе, сможет сделать карьеру, обойдя ветеранов, примкнувших ко мне первыми.

– Ты в этом уверена? А по-моему, ему будет намного труднее, чем при нынешних порядках. Сейчас таланту из низов мешают подняться из карьерной и сословной ревности, а тогда – еще и из любовной, которая посильнее будет. Сдается мне, что наверх, ближе к тебе, будут специально выпихивать самых бездарных, в надежде, что на них ты уж точно не польстишься. А *наших* на все руководящие должности, очевидно, не хватит.

– Хмм... умеешь ты поднять настроение, – пробурчала Изольда. – В конце концов, существуют объективные критерии отбора, а наказаний за сознательный саботаж тоже никто не отменял. Пока же пусть Армия Любви триумфально растет – и дисциплинирует всех, кто в нее вступает.

За первый день похода численность армии удвоилась. Однако этот рост закончился на следующее утро. После двухчасового утреннего марша они подошли к очередному городку – точнее, по меркам Хельбургена, довольно крупному городу под названием Марленштадт. Это был тот самый город, где Кай впервые увидел надписи, сделанные агентами Изольды (или просто глупыми мальчишками) и где тогда кипела обыденная жизнь. Сейчас Марленштадт был совершенно пуст. Пуст, как Кербельсбург – но на сей раз отнюдь не по приказу Изольды.

Ворота были распахнуты. Запирать их в надежде задержать противника не имело смысла – перебраться по приставным лестницам через неохраняемые стены можно за четверть часа. Гулкое эхо копыт в узких безжизненных улицах и возносящийся высоко над черепичными крышами шпиль ратуши – если не сестры-близнеца, то уж точно кузины кербельсбургской – в первый момент живо напомнили Каю подаренный ему город, но это сходство быстро развеялось. Если Кербельсбург был покинут жителями хотя и быстро, но достаточно организованно и сохранил, по крайней мере внешне, аккуратный вид, то здесь уже на улицах повсюду видны были следы поспешного бегства. Брошенные и растоптанные толпой личные вещи – одежда, белье, детские игрушки, книги... да, и книги тоже – они стоят недешево, но и весят немало, и пытавшиеся унести с собой хотя бы самые ценные, очевидно, вскоре обнаруживали, что переоценили свои силы. Тут сорванная шляпа, там разорванный плащ, здесь одинокая туфля со сломанным каблуком... похоже, в узких улочках не раз возникала давка. А это что?! – Каю показалось, что он видит содранный скальп, но он тут же понял, что это просто парик. А вот сломанный костыль... несладко, должно быть, пришлось его обладателю. Попадались целые сундуки или тюки, спихнутые в сточные канавы рядом с опрокинутыми и разбитыми тележками.

Но, по крайней мере, трупов нигде видно не было. Или во всех давках и заторах все-таки обошлось без смертельных случаев, или, несмотря на явную спешку, чтобы не сказать – панику, мертвецов все-таки вывезли и похоронили; последнее, конечно, было крайне маловероятным.

Несмотря на то, что ожидать сопротивления не приходилось, Изольда и Кай (ехавший слева от нее с вежливым отставанием на полкорпуса) не двигались впереди всех. В полусотне ярдов перед ними, пристально всматриваясь в окна и подворотни и не выпуская луков из рук, гарцевал головной дозор, а летучие пары и тройки конных разведчиков прочесывали боковые улицы. Как знать, какие сюрпризы могли подготовить перед оставлением города имперцы. Еще одного иммунного к любви убийцу? Голодных собак или других опасных зверей? (Впрочем, вряд ли, учитывая открытые городские ворота – хотя подобные твари могли поджидать не на улицах, а в помещениях.) Тонкие веревки, приводящие в действие самострелы или сбрасывающие с крыш тяжелые каменные шары? Изольда, учитывая подобные опасности, облачилась в изготовленные специально для нее позолоченные латы и шлем с открытым забралом, которые, однако, едва ли защитили бы ее от стрелы в глаз или каменной глыбы на

голову...

Но ничто, кроме подков и сапог победоносной армии, не нарушало мертвой тишины покинутого города. Никакое движение, никакая подозрительная тень или блик не привлекали зорких глаз разведчиков. Похоже было, что известие о захвате Изольдой Кербельсбурга застало местные власти врасплох – несмотря на то, что они, очевидно, должны были учитывать возможность подобного в любой момент – и они, не имея, разумеется, понятия, как скоро Чернявая Ведьма двинется дальше, не помышляли ни о чем кроме как можно более скорой эвакуации двадцати тысяч местных жителей (хотели те того или нет). Когда же последний из горожан, подгоняемый нервными окриками, а возможно – и кавалерийскими нагайками солдат и стражников, покинул родные улицы, организаторы исхода и сами сбежали отсюда, не задерживаясь ни на одну лишнюю минуту для устройства прощальных пакостей.

Голова колонны выехала на площадь перед ратушей и по знаку Изольды остановилась. Здесь, на самой большой и открытой городской площади, предстояло ждать докладов от разведчиков, перешедших теперь от первичного осмотра ближайших улиц к более детальному обследованию города.

Ожидание затянулось на пару часов, и многие в войске, несмотря на преданность своей главнокомандующей, были от этого не в восторге. Им наскучило торчать без всякого дела на площади, да и вообще... многие из них, отнюдь не разделявшие пристрастий Изольды и Кая, чувствовали себя посреди безжизненного города не в своей тарелке. В принципе, никакой необходимости тщательно обследовать Марленштадт и даже просто задерживаться в нем не было, у них пока что хватало и припасов, и сил для дальнейшего марша – но Изольда желала знать, в каком состоянии ей оставили город, ибо это позволяло делать выводы о противнике.

Одна за другой возвращались группы разведчиков. Ничего примечательного они не обнаружили; все свидетельствовало лишь о паническом бегстве. Одна группа наткнулась на три трупа, но это не были затоптанные в давке. Все трое – молодые парни – были зарублены и брошены в подвале большого купеческого дома, где они, вероятно, пытались спрятаться от обязательной эвакуации. Возможно, то были поклонники Изольды, из числа тех, что писали надписи на стенах, даже еще не попав под действие ее магии – а может быть, и простые мародеры, надеявшиеся пограбить покинутый город. Еще несколько казненных были найдены в камерах городской тюрьмы – вероятно, это были не все заключенные, а лишь те, кого сочли слишком опасными, чтобы эвакуировать. Степень разложения всех тел подтверждала, что исход из Марленштадта произошел пять или шесть дней назад – сразу же после того, как властям стало известно о захвате Кербельсбурга.

Следов успешного мародерства, однако, нигде не было. Очевидно, имперская армия очень хорошо позаботилась о полной зачистке города и окрестностей, и за все эти дни здесь больше так никто и не побывал. Полностью обезлюдела вся область, и найденные трупы не подчинившихся приказу наверняка не были единственными... Имперская мощь все еще впечатляла – по крайней мере, по части организации бегства. Не тронуты были ни частные, ни государственные хранилища. В погребах кабаков стояли полные бочки с вином, городские склады были заполнены продовольствием, которое позволило бы Марленштадту выдержать многомесячную осаду – не угрожай ему сила, которую не остановят никакие стены. Разведчики, обследовавшие ратушу, гордо отрапортовали об обнаружении городской казны, которую тоже, очевидно, бросили, не желая задерживаться ни на одну лишнюю минуту...

Что-то здесь было не так.

– Вели никому ничего не трогать, – сказал Кай, резко поворачиваясь к Изольде. – Особенно еду и вино. И не набирать воду из городских колодцев.

– Да, – мигом согласилась та и коротким жестом подозвала метнувшегося к ней адъютанта: – Пусть доктор Арсениус обследует городские склады. Со всеми мерами предосторожности.

Кай знал, что сопровождающий войско Арсениус – алхимик и специалист по ядам. Трудно было поверить, что этот сухонький брюзгливый старичок влюблен в Изольду столь же страстно, как и молодые офицеры и солдаты – хотя, конечно же, это было именно так, и это была не его вина... Кай видел его несколько раз, но избегал общения с ним.

Арсениус и приданные ему в помощь и охрану солдаты возвратились к изнывающей от скуки армии через час. Подозрения подтвердились – во всех взятых им образцах, что на городских складах, что в лавках и кабаках, был яд. Медленного действия, убивающий примерно за сутки – причем первые симптомы отравленные почувствовали бы лишь часов шестнадцать спустя. Таким образом, никакие дегустаторы еды не спасли бы Изольду и остальных, вздумай они воспользоваться столь легко доставшимися трофеями. Даже золото в сокровищнице было опрыскано ядом, действующим через кожу.

Армия немедленно покинула Марленштадт. Все городские ворота заперли снаружи, написав на них огромными буквами предупреждения о скрытой внутри опасности.

– Как ты понял? – спросила Изольда Кая. Копыта их коней вновь цокали по мощеной имперской дороге – на восток, туда, где далеко за горизонтом лежала столица.

– У нас слишком старательно создавали впечатление панического бегства. Такого, при котором никто не позаботился ни вывезти, ни уничтожить материальные ценности. Но при этом, однако, от людей город и окрестности очистили полностью, до последнего человека – независимо от желания таковых. А ведь это гораздо сложнее, чем ликвидировать товары на складе, которые не сопротивляются и не прячутся. Если бы город действительно покидали в панике, кому-то наверняка удалось бы остаться. Но этого они не могли допустить. Даже не потому, что эти люди стали бы твоими подданными – подумаешь, дюжиной больше, дюжиной меньше. А потому, что они добрались бы до всех этих вин и копченостей – и до золотых монет – и мы нашли бы трупы отравленных и все поняли. Нет, паники не было – может быть, среди рядовых жителей, но только не среди начальства. Вся операция была спланирована и подготовлена заранее. Они знали, что будут делать, как только ты перейдешь в наступление, и только ждали сигнала.

– Мы все еще имеем дело с достойным противником, – усмехнулась Изольда. – Достойным, разумеется, не с точки зрения проповедуемой ими же морали. Я, конечно, учитывала, что меня могут попытаться отравить. Но я думала, что это будет сделано более тонко. Что нас встретят какие-нибудь местные чиновники, чтобы, дрожа от восторга, преподнести мне ключи от города и пригласить на пир в мою честь. И вот на этом-то пиру будет подано какое-нибудь особо деликатесное кушанье, достойное повелительницы мира. Или, чуть проще, рухнут подпиленные балки. Чиновники, разумеется, были бы не в курсе, их бы разыграли втемную. На этом бы строился весь расчет – что я не заподозрю опасности от влюбленных в меня... Общее число жертв не превысило бы пары десятков. Но, как видим, наши Светлые моралисты предпочли не заморачиваться и отравить разом пару тысяч человек, или еще больше, если бы я повела в этот поход больше людей.

– Чем проще, тем надежнее, – кивнул Кай. – Они ведь уже уничтожили население целой деревни? Возможно, что и не одной.

– Там все же было сотни полторы, не больше. И там у них действительно была паника. Возможно, там была лишь инициатива конкретного офицера, проводившего эвакуацию, а не санкция Светлого Совета. А здесь они готовились и планировали все заранее.

– Аппетит приходит во время еды. А ставки растут во время игры. И наверняка они заявили бы, что этими тысячами смертей предотвратили еще большие жертвы.

– Это какие же, интересно? Я не собираюсь никого убивать ни до, ни после победы... во всяком случае, в массовом порядке.

– Важное уточнение, – усмехнулся Кай. – Сколько человек уже покончило с собой из-за любви к тебе?

– Не знаю, – равнодушно ответила Изольда. – Не настолько много, чтобы это создало проблему.

– Но такие люди есть?

– Есть, конечно. Хотя мои подданные знают, что мне это неуютно.

– Но, как ты сама говорила, любовь к тебе может толкать на нарушение твоего же приказа.

– И что? У тебя есть реально работающая альтернатива? В конце концов, если те, на кого я не могу положиться, самоликвидируются, это только хорошо, – Изольда помолчала, а затем произнесла: – Есть кое-что, что меня действительно беспокоит. Из-за чего я едва не кинула на эту... отравленную приманку. Меня о ней не предупредили.

– Твой человек в Светлом Совете? – понял Кай.

– Да.

– Сознательный саботаж, как я понимаю, невозможен... Думаешь, его вычислили?

– Не знаю. Но это не исключено.

– Игнус говорил, что не исключает шпионажа за членами Светлого Совета... но он имел в виду шпионов, не являющихся магами. А не самих членов Совета.

– Он не собирался говорить тебе все, не так ли? К тому же с тех пор ситуация могла измениться.

– Я вот думаю... есть ли вероятность, что Светлый Совет не имеет отношения к этой попытке отравить разом всю нашу армию? Все же никакая магия здесь не задействована. Обычный яд. Это могла быть и инициатива армейского командования. Для военных как раз такая логика совершенно естественна: мы – вражеское войско, и чем больше наших погибнет, тем лучше. Это с точки зрения морали Светлых имеется одна-единственная злая ведьма – и тысячи околдованных ею невинных людей...

– Ты сам-то как думаешь? – фыркнула Изольда. – Ты столько лет высмеивал Светлых, а теперь вдруг уверовал в их непоказную доброту? В то, что они не убьют кого и сколько угодно, лишь бы сохранить свою власть?

– Я просто стараюсь беспристрастно рассмотреть все варианты. А не хвататься исключительно за тот, который напрашивается, но не имеет прямых доказательств.

– Против мага как раз лучше всего работают немагические средства, – заметила Изольда. – То, к чему он не готов и против чего не имеет защиты. Подобно тому, как против рыцаря в латах лучшее оружие – это не меч и не стрела, а, скажем, огонь. Или тот же яд. И скажи, неужели ты действительно веришь, что что-то в Империи – я имею в виду что-то действительно важное – может делаться без санкции Светлого Совета?

– Едва ли, – признал Кай. – Причем не только в вопросах жизни и смерти Империи. И в этом-то и проблема. Триста лет застоя – они ведь не только потому, что маги, мягко говоря, не поощряют научно-технический прогресс. На него попросту нет спроса. Зачем развивать науку, если маги хранят от неурожая, эпидемий и стихийных бедствий? Да, не все болезни побеждены, и люди все равно умирают, но ведь это в свой черед, а как же иначе, надо принимать законы мироздания, смерть – это часть жизни, Вольдемар вон хотел добиться бессмертия, принося кровавые жертвы, а мы же не хотим уподобиться Вольдемару? Если бы люди стали жить дольше, получилось бы перенаселение, а чтобы не было перенаселения, надо меньше рожать, то есть отказаться от священных чувств любви к жене и детям – что вы, что вы, это же немыслимо! Мудрые Светлые все продумали за нас, дав каждому возможность быть счастливым на своем месте и не зариться на чужое, никто не голодает и не замерзает, нет ни нищих, ни бездомных, даже дороги безопасны – до тех пор, пока следуешь по пути, предначертанному тебе магами! Три века мира и процветания, от добра добра не ищут! – Кай все больше раздражался в процессе своего монолога. – Зачем совершенствовать ремесла, если ремесленник и так зарабатывает столько, сколько ему нужно на жизнь? Допустим, кузнец изобретет вдвое более

прочный сплав – стало быть, выкованные им инструменты будут изнашиваться вдвое медленней, и чисто его заказов вдвое сократится. Ну и зачем ему такой прогресс? Или, наоборот, он придумает какое-то приспособление, которое позволит ему за то же время и теми же усилиями ковать вдвое больше плугов. Но кому он их продаст? Ведь число землепашцев от этого вдвое не вырастет. А если вырастет, то они истощат почву, да еще и столкнутся при этом с той же проблемой сбыта! Значит, единственный способ – снизить цену и переманить к себе тем самым клиентов другого кузнеца. Но ведь тогда другой кузнец разорится! Его жена и дети останутся без куска хлеба! Это же аморально! Все эти примеры вдалбливают с детства, их изучают в школе, программа которой утверждена опять-таки понятно кем... Даже в военной области у нас нет никакого прогресса. За триста лет изобрели разве что легкую шпагу, да и то лишь потому, что военным надоело постоянно таскать тяжелые мечи – но это, так сказать, послабление для мирной жизни, как и неполные доспехи, а боевой устав все равно предписывает все те же мечи и рыцарские латы, что и в эпоху Объединения. Ну правильно, нам ведь уже три века как не с кем воевать. Не с кем воевать и не с кем конкурировать. Даже торговать не с кем, кроме как самим с собой. Весь цивилизованный мир объединен под скипетром нашего Императора и мудрым надзором Светлого Совета. Цивилизованный, да. Маги даже не позволяют колонизировать заморские земли. Официально, разумеется – чтобы не тревожить тамошнюю дикую жизнь, прекрасную в своей естественности и первозданности. Но на самом деле, конечно же, потому, что им совсем не нужно появление сообществ людей, вырвавшихся из-под их опеки. Тем более – людей предприимчивых и дерзких, которые как раз и захотели бы туда ехать... У нас ведь даже само слово "дерзкий", которое вообще-то должно звучать гордо, приобрело оттенок безусловного осуждения! Детям с малолетства внушают, что за дерзость они понесут наказание...

– Держу пари, в твоём случае наказания не работали, – прервала Изольда его монолог.

– И мне задавали трепку, но выправить не могли, – процитировал сам себя Кай. – Так что я хотел сказать? А! Маги. Если бы вся эта система была основана лишь на теоретических измышлениях, она бы давно рухнула. Жизнь сломала бы мертвую схему Равновесия Во Имя Процветания. Ибо это равновесие неустойчиво, в нём отсутствуют механизмы саморегуляции, возвращающие систему в исходное состояние. Но беда в том, что маги достаточно могущественны, чтобы обеспечивать её работоспособность. Чтобы подменить собой эти механизмы. Чтобы давить в зародыше любые потрясения, которые могли бы пустить систему вразнос. И вот только с тобой у них случился сбой. Клин вышибают клином, да. Светлых магов – светлым магом. Ведь формально, по их классификации, магия любви должна быть отнесена к светлым. Хотя сейчас они скорее обглодают себе руки до локтей, чем признаются, что угодили в ловушку собственной морали.

– Я покончу с Равновесием, – пообещала Изольда. – При мне у каждого будет стимул стремиться к большему и лучшему, а не довольствоваться тем же, что его отец, дед и прадед.

– И этим стимулом, конечно, будет любовь к тебе, – откликнулся Кай без энтузиазма. – А высшей наградой для самых успешных – поцелуй в щечку?

– Я не собираюсь никого целовать, – поморщилась Изольда. – Хотя, пожалуй, могу позволять особо отличившимся целовать мне руку. Не надо говорить мне, как это жалко и недостойно мыслящего существа, – поспешно произнесла она, косясь на брезгливое лицо Кая. – Я чувствую то же, что и ты. Но для *них* это будет работать. А важны не наши с тобой чувства, а практический результат, не так ли? К тому же не забывай, что я не собираюсь объезжать всю Империю, и обширные области так и останутся не охваченными страстью ко мне. Поэтому старые добрые деньги я упразднить отнюдь не намерена. Вот мы и посмотрим, какой стимул окажется сильнее – деньги или любовь...

– Любовь к деньгам, – попытался сострить Кай, но сам понял, что вышло неубедительно. В прежнем мире, возможно, так и было – но не в том, который собирается построить Изольда.

Где любовь к ней будет самой настоящей, искренней и верной...

– Результат – это еще не все, – сказал он уже серьезно. – Мотив тоже важен. Мне не нравится мир, где ученый делает открытия не из интереса к науке, а из желания произвести впечатление на женщину.

– Это лучше, чем мир, где открытия не делаются вообще, не так ли?

– До тех пор, пока эта самая женщина благоволит науке. Но стоит ей – или ее преемнице – поменять свое отношение... И потом, эффективность труда такого ученого все равно ниже. Он будет слишком часто отвлекаться на мысли, к науке отношения не имеющие. Может, наконец, и просто подделать результаты, коли главное для него – вовсе не истина...

– Могу лишь повторить – мир не таков, каким его хотим видеть ты или я, а таков, каков он есть. Чем сожалеть об отсутствии идеального решения, лучше радуйся наличию неидеального.

Кай промолчал, глядя между ушами своего коня на бегущую навстречу дорогу.

На следующее утро Армия Любви понесла первые потери. Это были четверо разведчиков, позарившиеся на трофеи Марленштадта: двое – на дорогое вино, какого не пробовали никогда в жизни, двое – на золото. Они были обречены со вчерашнего дня и знали это, но никому ничего не сказали, не желая выставлять напоказ свой позор. Они нарушили дисциплину, взяли без разрешения то, что им не принадлежало, рассудив, что несколько глотков или монет ни на что не повлияют и никому не повредят... Изольда использовала этот случай для короткой речи перед войском, в которой напомнила, что строгие приказы и безукоризненное следование им – это не ее каприз, а жесткая необходимость. Затем армия двинулась дальше.

Теперь им попадались только пустые селения и городки. Они не встретили больше ни одного живого человека ни в провинции Хельбигген, ни после того, как пересекли ее границу – но разница, однако, была, и заметная. Населенные пункты Хельбиггена были покинуты, по всей видимости, одновременно с Марленштадтом, причем к востоку от него уже не было таких демонстративных признаков панической эвакуации – очевидно, жителей угоняли прочь по заранее подготовленному плану, вывозили больных и ценности, из деревень уводили скот. Оставляемое при этом не разрушали, не было и новых отравленных "гостинцев". Видимо, расчет делался на то, что сработает ловушка Марленштадта, и вскоре люди смогут вернуться в свои дома – а пока их надо убрать подальше от магии Изольды. Если же ловушка не сработает – как оно и вышло – то повторять ее в других селениях, очевидно, не было уже никакого смысла...

И все же имперцы, несомненно, надеялись – да что там, были практически уверены – что в Марленштадте у них получится. Это было наглядно видно по состоянию поселений за пределами Хельбиггена. Они были эвакуированы значительно позже, видимо, буквально за день до подхода Армии Любви – и вот там как раз исход был паническим. К нему не готовились заранее, а если и готовились, то для проформы, не веря, что эти города и села придется покидать на практике. Бегство началось лишь после того, как стало ясно, что с марленштадтской ловушкой не вышло.

Интересно, подумал Кай, почему они не использовали тот яд, что тек теперь в его жилах. Ведь это новейшая разработка – одна из очень немногих за последние триста лет – о которой Арсениус, по всей видимости, не имел понятия... Хотя – теперь они могли полагать, что он узнал о тайне яда от Бенедикта. Кроме того, это яд мгновенного действия, и слишком велика была вероятность, что кто-то умрет прежде, чем к отраве притронется сама Изольда. Правда, ни одному мужчине яд бы не повредил, но кто мог поручиться, что у Изольды нет дегустатора-женщины, тем более теперь?

Так или иначе, имперские власти слишком переоценили свой коварный план и теперь пожинали плоды своей самоуверенности. Кай находил забавным, что рубеж между районами спланированного отступления и хаотического бегства в точности совпал с границей между

провинциями. Само собой, каждой из них управлял свой губернатор, но неужели имперцы думали, что и магия Изольды действует в соответствии с административными границами? Что жителей Хельбургена надо уводить всех поголовно, а их соседи, живущие на полмили дальше, столь же поголовно в безопасности? Неужели имперские власти не догадались хотя бы напрямую подчинить все операции центральному командованию – кто бы там ни играл сейчас роль такового, военные или маги – а не спускать приказы по привычной бюрократической лестнице, на которой ни один чиновник не захочет – да и не сможет! – брать на себя ответственность за пределами собственной ступеньки? Они слишком привыкли к одним и тем же схемам, не меняющимся уже триста лет, и не способны отступить от них даже под угрозой гибели всей системы...

Или все-таки не стоит списывать их со счетов раньше времени?

В первом же селении за пределами Хельбургена победоносную армию встретила жуткая картина. Прямо на улицах стояли лужи крови, кое-где покрытые коростой из слипшегося пуха и перьев. В воздухе чувствовался тяжелый дух и во множестве гудели осенние мухи. В тишине мертвого села, зиявшего высаженными дверями и выбитыми окнами, этот единственный звук казался особенно зловещим, а чавканье кровавой грязи под копытами вызывало тошноту; нескольких впечатлительных молодых солдатиков и в самом деле вывернуло наизнанку. Но жертвами учиненной здесь бойни оказались не люди – во всяком случае, в этот раз. Людей, по всей видимости, все же угнали прочь живыми. Но забили весь скот, и домашнюю птицу тоже. Туши, изрубленные мечами и кавалерийскими палашами, валялись и в хлевах, и прямо на улицах. Запасы муки и зерно только что убранного урожая вытряхнули из распоротых мешков и смешали с навозом, корнеплоды, сыры и колбасы вывалили в выгребные ямы, фрукты и овощи растоптали в месиво конскими копытами. Пожалуй, хотя бы часть этого продовольствия бегущие могли бы увезти с собой, но они даже не попытались это сделать. Они получили приказ "ничего не оставлять врагу" и торопились исполнить его самым простым способом. Они слишком привыкли к тому, что Империя не знает голода, и не хотели тратить лишнее время, загружая провизию на подводы (да и подогнали ли вовремя подводы в достаточном количестве?) Но голода не было, пока сохранялось Равновесие и никто не уничтожал продукты. А что начнется теперь, когда вчерашние крестьяне, производившие еду строго по определенным Светлыми нормам – без нехватки, но и без излишков, ненужных там, где не бывает "черных дней" и неурожайных лет – превратятся в толпы беженцев, движущиеся на восток и стремительно растущие по пути?

Самой Армии Любви голод не грозил, несмотря на быстро тающие запасы провизии в обозе – она имела самый надежный тыл в истории. Но необходимость дожидаться подвоза провизии из тыла, несомненно, должна была вскоре замедлить продвижение. Изольду это не то чтобы смущало, но она понадеялась, что приказ об эвакуации и уничтожении всех припасов касается только населенных пунктов, расположенных вдоль дороги, ведущей на столицу. Однако быстро выяснилось, что Империя драпает от надвигающейся угрозы максимально широким фронтом. Летучим отрядам разведчиков за сутки не удалось нащупать его границы ни слева, ни справа. Повсюду, куда они могли доскакать за это время, их встречали лишь мертвые села и города, сожженные амбары, залитые известью и нечистотами погреба, гниющие трупы животных... а кое-где уже и людей, зарубленных или вздернутых на ближайшем суку или собственных воротах в назидание строптивцам, не желавшим покидать свои служившие многим поколениям дома.

На следующий день после того, как разведчики возвратились с этими известиями, Армия Любви впервые наткнулась на разрушенный мост. Мост был каменный, добротный, сделанный на века, как и все в Империи, и разрушить его за пару дней без помощи магии было непростой задачей. Тем не менее, с ней, судя по всему, справились обычные каменотесы; конечно, снести весь мост им было не по силам, но они обрушили центральный пролет. Впрочем, их

титанический труд пропал впустую: армия без особых проблем переправилась через брод двумя милями выше по течению.

В тот же день похолодало и зарядили дожди. Что не выглядело необычным для осени, но и Изольда, и Кай сомневались в их естественной природе. Точнее, как полагала Изольда, лучше разбиравшаяся в таких вещах, нудный осенний дождь, начавшийся почти сразу после того, как арьергард перебрался через реку, вполне мог быть и естественным природным отголоском магических ливней где-то на севере, там, где брали начало все крупные реки в этой части континента. Во всяком случае, это было бы резонной тактикой со стороны Светлых: с одной стороны, маг, занимающийся погодным колдовством далеко на севере, находился в большей безопасности, чем в прифронтовой зоне, с другой – мог причинить и больший урон. Сами по себе дожди не могли особенно замедлить продвижение Армии Любви, которую прекрасная мощеная имперская дорога избавляла от перспективы завязнуть в грязи; конечно, такая погода не повышала боевого духа, но с мотивацией у войска, в буквальном смысле влюбленного в свою команду, тоже все было в порядке. Для того же, чтобы устроить по-настоящему опасное бедствие типа урагана, смерча, града с куриное яйцо или грозы, прицельно разящей бойцов молниями, вражескому магу пришлось бы подобраться к Изольде на опасно близкое для него расстояние. Однако сильные ливни на безопасном севере могли аукнуться не только затяжными дождями южнее, но и, главное, наводнениями на реках, способными если не снести еще стоящие прочные каменные мосты, то уж во всяком случае сделать невозможной переправу вброд. Само собой, от подобных наводнений серьезно пострадали бы прибрежные селения и города – и не только уже выселенные, но и находившиеся выше и ниже по течению – но это Светлых теперь уже вряд ли волновало.

Действительно, на следующее утро вынырнувшие из туманной сырости разведчики доложили, что впереди очередной разрушенный мост (причем от этого осталась лишь пара быков, торчавших из воды на середине реки), и на сей раз брод отыскать не удалось. Инженерным подразделениям Изольды пришлось, наконец, приступить к делу, и продвижение армии впервые было остановлено на целый день. Дождь продолжал лить на протяжении всего этого дня, и вода в реке постепенно прибывала, словно соревнуясь с инженерами и отряженными им в помощь солдатами, тянувшими переправу из досок и бревен (на которые разбирали дома ближайшего села, все равно уже, разумеется, покинутого). Изольда могла бы удерживать небо свободным от туч непосредственно у них над головами, но не видела смысла тратить на это силы, поскольку это не спасло бы от воды, несомой с севера. Она лишь прекратила дождь на короткое время, чтобы, взяв троих гребцов, сплавить на лодке к быкам, вокруг которых на реке, в обычное время спокойной, уже наливались желваками мутные буруны. Возвратившись, она сообщила Каю, что этот мост уже явно обрушен не без помощи мощного заклинания. Выходит, кто-то из магов – возможно, что и не один – все же рискнул наведаться в прифронтовую зону. Хотя теперь противник, скорее всего, лучше представлял себе радиус поражения Изольды и знал, когда нужно уносить ноги.

В тот же день Армия Любви пополнилась первыми перебежчиками. Первые из них были, впрочем, не перебежчиками в точном смысле – хотя имперские власти, несомненно, назвали бы их именно так; это были всего лишь мирные жители, которым удалось-таки спрятаться от принудительной эвакуации. После того, как имперские солдаты ушли, они не могли вернуться в свои дома – отчасти из страха, что имперцы еще нагрянут с контрольным рейдом, отчасти потому, что в их городах и селах не осталось съестных припасов, а то и домов с уцелевшими окнами и дверями – и скрывались по лесам или бродили по опустошенным землям в поисках еды. Некоторые рылись в огородах выселенных деревень в поисках уцелевших съедобных корневищ или собирали грибы и ягоды, другие рыбачили или даже охотились с луком и стрелами на дичь; кому-то удавалось поймать разбежавшихся во время торопливого избиения домашних животных. Теперь, когда Армия Любви целый день стояла на одном месте, эти люди (уже,

конечно же, накрытые влиянием Изольды) стягивались к ней с разных сторон, словно влекомые магнитом. Кай удовлетворенно отметил про себя, что они не столь уж безнадежны, раз, во-первых, нашли в себе смелость не подчиниться приказу даже с риском для жизни, а во-вторых, не только сумели спрятаться от солдат, но и не растерялись потом, вырванные из привычного многим поколениям уклада. Окончательно погрязнуть в несвойственном Каю оптимизме мешали два факта: во-первых, таких людей были все-таки считанные единицы (из многих тысяч безропотно подчинившихся эвакуации), а во-вторых и в-главных, они сделали это не ради идеалов свободы и разума, а для того, чтобы стать рабами любви. Впрочем, кое-кто из них, очевидно, остался не ради Изольды, а просто из чувства протеста и злости по отношению к тем, кто выгонял их из родных домов и уничтожал все плоды их нелегкого крестьянского труда...

Но вечером, когда шаткие плавучие мостки из бревен и досок дотянулись, наконец, до другого берега, переправившиеся первыми разведчики столкнулись с настоящими перебежчиками – солдатами, дезертировавшими из имперской армии. Те прибыли не поодиночке и не разрозненной толпой, а организованным конным отрядом численностью в две дюжины (до полноценного взвода не хватало третьей) под командованием совсем юного корнета и старого капрала. Как корнет вскоре рассказал Изольде (краснея и слегка заикаясь от волнения), он был направлен со своим взводом обеспечивать эвакуацию одной из деревень к северу от дороги; это была его первая "боевая" миссия, от которой он, впрочем, никаких боевых действий не ожидал, полагая, что его задача – всего лишь помочь местным жителям. Однако жители категорически не желали бросать свои дома и имущество, а также мириться с уничтожением провианта и скота. В солдат полетели камни и комья земли, кто-то бросился на кавалеристов с вилами и ранил одну из лошадей. Тогда ротмистр, командовавший всей операцией, приказал рубить бунтовщиков без пощады и жечь дома – причем под бунтовщиками при этом понимались все селяне от мала до велика. Возмущенный жестокостью этого приказа, корнет отказался его выполнять. Тогда ротмистр велел солдатам арестовать изменника; возникла стычка, в которой часть взвода корнета, включая старого капрала (выходца из такой же деревни), встала на сторону своего командира, но силы были неравны, неполным двум дюжинам противостояло втрое больше солдат, и предотвратить экзекуцию крестьян не было никакой возможности. Корнет, пожалуй, и сложил бы голову в неравной схватке, но капрал, оценив расклад и наплевав на субординацию, велел ему и его людям скакать на запад. Схватка вышла короткой и не особенно кровавой, бунтовщики потеряли троих, но к ним примкнули еще трое из других взводов; часть крестьян успела разбежаться, пока солдаты выясняли отношения друг с другом, и ротмистр велел прекратить преследование перебежчиков и вернуться к главной задаче – уничтожению деревни. С тех пор – прошло неполных два дня – мятежный отряд ехал навстречу Изольде по опустошенной стране. Точнее говоря, сперва они выехали к реке выше по течению – мосты там тоже были разрушены – а затем повернули к югу. Пару раз они замечали вдали других людей, также оставшихся вопреки приказам, но те, завидя солдат, убегали и прятались, не слушая призывов "мы – свои!" – в чем их, конечно, трудно было упрекнуть.

Арьергард Армии Любви переправлялся уже в темноте, под непрекращающимся дождем. Ждать до утра было опасно – продолжающая прибывать вода могла снести хлипкие плавучие мостки. Переправа прошла, в общем, успешно. В воду свалились двое солдат и одна навьюченная лошадь. Одного солдата успели вытащить, второй утонул, увлеченный на дно тяжестью кирасы (очевидно ненужной в этом походе, но если армия не только не встречает противника, но и совершает марш не в полном вооружении, разве она будет чувствовать себя армией?)

На следующий день движущееся под дождем войско столкнулось с новым сюрпризом – настолько неожиданным, что Изольда рассмеялась, услышав доклад головного дозора. Хотя на самом деле смеяться было не над чем.

Дорога впереди исчезла. Прекрасная мощеная имперская дорога обрывалась в сотне

ярдов впереди, превращаясь в заполненную жидкой грязью канаву. Все ее камни – и обычные, и зачарованные, хранившие путников от опасности – были выкорчеваны и, очевидно, увезены на телегах. Сколько миль дороги было разобрано таким образом? Десятки? Может, сотни? Сколько телег и работников понадобилось, чтобы сделать это за считанные дни?

При всем при этом остановить Армию Любви, даже в условиях непрекращающегося дождя, такая мера, конечно, не могла. Замедлить ее продвижение – да, но не более чем.

Впрочем, замедлить действительно получилось. Искать другую дорогу смысла не было – судя по карте, вокруг лежали лишь грунтовые проселки, пребывавшие в такую погоду в таком же состоянии. Теперь войско тащилось в грязи, налипавшей тяжелыми комьями на сапоги и копыта лошадей; колеса обозных телег периодически вязли в ней чуть ли не по ступицы, и солдаты, навалившись, выталкивали их вручную. От людей, перемазанных грязью, со слипшимися в капающие сосульки волосами и бородами, валил пар. Изольда, все такая же холодно-прекрасная в своих золоченых доспехах (особенно, конечно, для тех, кто не видел, как на самом деле выглядит половина ее лица), спокойно заметила по этому поводу, что физические нагрузки пойдут солдатам на пользу, помогая им уберечься от простуды.

– Почему ты не прекратишь этот дождь? – не выдержал Кай, которому – хотя он, конечно, тоже ехал верхом, облаченный в плащ с капюшоном, а не ковылял в грязи – льющаяся с неба холодная вода успела преизрядно остовольдемарить.

– Пустая трата сил, – покачала головой Изольда. – Уровень грунтовых вод все равно поднялся. Эту грязь питает множество ручьев, текущих отовсюду. Слабое осеннее солнце непосредственно над нами эту дорогу не высушит. Даже если я добавлю тепла... на небольшой территории на короткое время. Это они просчитали. Возможно, даже специально закладывались на то, что я истощу свои силы в борьбе с погодой.

– Что будет, если ты полностью выложишься? Твоя магия перестанет действовать?

– Основная – нет, я ведь уже объясняла тебе. Только другие сферы... то, что мне пришлось изучать дополнительно.

– А как скоро полностью выложатся они?

– Их больше, не забывай. Они могут колдовать по очереди. И главное, среди них есть те, для кого именно погодная магия является врожденной. В этом они всегда будут сильнее меня.

– Но ведь это им не поможет? – спросил Кай, и в его голосе прозвучало беспокойство.

– Нет, разумеется, – фыркнула Изольда.

Практика пока что как будто не очень согласовывалась с ее словами. До конца дня им пришлось дважды форсировать реки – точнее говоря, мелкие речушки, где обычно воды было не выше чем по колено. Теперь они разлились, но пока еще оставались преодолимы вброд. Солдатам, однако, приходилось переходить их по грудь в ледяной воде, борясь с уже вполне ощутимым течением. Изольда и ее старшие офицеры (к коим были приравнены и Кай с Арсениусом) переправились на лодке. Кай понимал, почему Изольда не тратит времени на строительство полноценной переправы – теперь она уже не склонна была давать противнику фору, иронически наблюдая, что он еще придумает, теперь она действительно спешила. Впереди их ждал Обберн – сама большая в этой части континента река, ширина которой и в ясную летнюю погоду превышала милю. Впрочем, эта ширина практически не менялась и в другие времена года – серьезных наводнений на Обберне не случалось уже триста лет, благодаря понятно кому. За это время на прежних заливных лугах выросло множество деревень и даже несколько крупных городов. Но теперь все изменилось...

Физические нагрузки помогли не всем – на следующее утро в армии обнаружилось почти полсотни простуженных. Точнее, чихавших, кашлявших и сморкавшихся в грязь было больше, но у четырех дюжин человек поднялся сильный жар. Изольда велела доставить их к ней и исцелила всех.

– Завтра у тебя сляжет половина армии, лишь бы удостоиться чести наложения твоих рук,

– иронизировал Кай.

– Мои люди предупреждены, что за симуляцию полагается такое же наказание, как и за дезертирство, – невозмутимо ответила Изольда. В уставе имперской армии, откуда эта норма была позаимствована, она выглядела вполне логично, но в Армии Любви, разумеется, дезертирство было последним, что могло прийти в голову ее солдатам.

Войско продолжало двигаться вперед, меся ногами, копытами и колесами жидкую грязь, под бесконечным нудным дождем. Даже лицо Изольды – точнее, ее левый профиль – выглядело неестественно бледным, и она то и дело устало прикрывала глаза – но в седле держалась по-прежнему прямо, чему, конечно, способствовали ее жесткие доспехи. Кай понял, что исцеление сразу четырех дюжин человек было для нее утомительным. Не ее специализация, да.

По крайней мере они были избавлены от необходимости жить в такую погоду в палатках. Вдоль теперь уже бывшей имперской дороги хватало поселений, достаточно крупных, чтобы вместить двухтысячную армию (и ныне, разумеется, совершенно пустых). Хотя имперцы и старались при отступлении привести их в негодность, обычно дело ограничивалось разбитыми окнами и дверями; лишь кое-где успевали повредить и крышу. Несколько деревень, правда, были полностью сожжены – вероятно, там жители оказали сопротивление "эвакуаторам" – но в основном дома стояли практически целые. Причем вряд ли дело было в дожде, мешавшем устроить пожары – ведь и в городах, оставленных еще до начала непогоды, наблюдалась та же картина. Вероятно, имперские власти все еще надеялись на победу (очень глупо со стороны тех, кто пока может лишь беспомощно пятиться, думал Кай) и возвращение беженцев домой.

Все же пятиться, надо признать, у них пока что получалось. Хотя новые беглецы и дезертиры, сумевшие скрыться от имперских солдат, присоединялись к Армии Любви каждый день, их счет по-прежнему шел на единицы, максимум – на десятки. (Изольда присматривалась ко всем новичкам, а особенно к прибывавшим поодиночке: что, если поиски Светлых вновь увенчались успехом, и они нашли еще одного убийцу, не подвластного ее чарам? Но ее простейший тест – внезапно продемонстрированный правый профиль – раз за разом не давал результата; новоприбывшие смотрели на нее одинаково влюбленными глазами что до, что после.) И каждый новый день пути по некогда процветавшей, а теперь – безлюдной, словно вымершей после какого-то чудовищного бедствия местности не лучшим образом действовал уже на многих в тащившемся сквозь грязь и ненастье войске. Особенно на тех, кто задумывался о том, что этим бедствием стали они сами. Нет, разумеется, все они были по-прежнему влюблены в Изольду и готовы ради нее в огонь и в воду (причем готовность по части воды подтверждали ежедневно). Но как-то все это было... не так, как представлялось им в мечтах. Романтический поход Армии Любви по Империи, с восторгом лежащейся к ногам их Госпожи, оборачивался более чем прозаическим нудным и тяжелым маршем, в котором нет надежды даже встретить врага, чтобы сорвать на нем злость. Если что еще удерживало солдат – особенно добровольцев, присоединившихся уже во время похода – от потасовок между собой, то главным образом это была усталость, а вовсе не чувство долга и не страх перед наказанием. Ругань, тем не менее, звучала то и дело. Кто крыл Империю и Светлых магов, кто, не вдаваясь в причинно-следственные связи, "проклятую погоду", а кто-то и своих товарищей; те отлаивались в ответ. Ни одного непочтительного слова в адрес Госпожи, конечно, произнесено не было. Но Кай догадывался, как будут дальше развиваться заскорузлые мысли в головах этих вчерашних крестьян и подмастерий, незнакомых с настоящей воинской дисциплиной: гнев, который они никогда не посмеют направить на обожаемую командующую, переместится на ее офицеров, которые что-то там не учли, не предвидели, не так посоветовали и в итоге подвели свою Госпожу и ее преданных солдат. Он предупредил об этом Изольду, вновь предложив ей разогнать тучи – пусть это не высушит дорогу, но солнце вместо нескончаемого дождя способно оказать почти магическое воздействие на настроение людей. Но Изольда повторила, что не желает тратить силы впустую. Отклонила она и предложение отделить наименее дисциплинированную

часть войска, оставив ее в качестве гарнизонов в уже покоренных без сопротивления городах, дабы исключить негативное влияние этой публики на остальных. "Я черпаю свою силу в каждом из них, Кай, – напомнила Изольда в ответ. – И эта сила мне понадобится."

Армия вступила в очередной пустой город, предварительно помокнув пару часов под дождем, пока его сперва обследовали разведчики, а затем квартирмейстеры и инженеры определяли наименее пострадавшие дома и приводили их в приемлемое для ночлега состояние; чаще всего личный состав распределяли в большие помещения типа складов и казарм, а не в пустые особняки городских богачей, ибо так приходилось закрывать досками и брезентом меньше оконных и дверных проемов и проще было решать вопросы с отоплением, кормежкой и безопасностью. Это было логично, но это опять-таки не поднимало настроения "победителей", вынужденных спать рядами на полу складских помещений, согревая их общим теплом своих тел, вместо того, чтобы нежиться в господских постелях и мародерствовать в брошенных богатых домах. Пусть даже это богатство – не вывезенное и не уничтоженное на месте – и существовало главным образом в их воображении...

Кай, конечно же, не ютился на тюфяке в общем зале. Изольда и ее старшие офицеры расположились в изящном доме с башенками, выходившем на центральную площадь. Его высокие стрельчатые окна были очень неудобны для разбивания – нужно было расколотить каждый из множества стеклянных квадратов по отдельности – и потому были выбиты лишь на первом этаже, да и там не полностью. Дорогую мебель отступавшие по большей части порубили мечами и алебардами, но тем самым лишь оказали услугу новым постояльцам – обломками мебели было удобно топить камин. Едва двое угрюмых солдат втащили в облюбованную Бенедиктом комнату походную кровать и вышли прочь, Кай блаженно растянулся на ней, закинув ноги в сапогах на спинку и наслаждаясь теплом и отсутствием сырости. В сгущающейся темноте за окнами все так же моросил треклятый дождь, но сейчас даже стук капель по стеклу – где-то там, снаружи – казался Каю почти уютным.

Бенедикт почти сразу начал дремать, но был разбужен стуком в дверь (внутри этого дома большинство дверей уцелело).

– Да! – крикнул он, полагая, что это слуга, явившийся звать его на ужин с Изольдой. Но это оказалась сама Изольда. Походная жизнь способствовала упрощению церемоний.

– Иду... – проворчал Кай, садясь на кровати. – Честно говоря, сейчас мне больше охота спать, чем есть.

– Не капризничай. Лучше радуйся, что получишь полноценную порцию, как всегда. Солдаты сейчас получили сокращенный рацион.

– Где же наши припасы из тыла?

– Едут, – пожал плечами Изольда. – Через все эти продолжающиеся раздуваться реки по прекрасным нынешним дорогам. Весь завтрашний день мы проведем здесь. Будем отдыхать... и ждать обоз с провиантом. Надеюсь, он прибудет завтра к вечеру или, в худшем случае, послезавтра утром.

– А если нет?

– Придется задержаться еще, как бы это ни было неприятно. После того, как мы форсируем Обберн, тыл для нас будет практически отрезан. Кто не переправится вместе со мной, вряд ли сможет переправиться вообще... Ладно, лично у меня все эти разговоры только усиливают аппетит. Идем.

– Ты не ожидала, что они устроят нам такой потоп?

– Ну, в общем, это приносит свои плоды, – не очень понятно ответила Изольда и ухмыльнулась: – Кстати, у меня для тебя сюрприз. Идем же.

Комната, которая должна была прослужить Изольде лишь один день, была уже, тем не менее, обставлена со всем возможным уютом (в отличие от временного жилища Кая, куда притащили только кровать, стул и небольшой столик) – хотя разнородность в стиле все же

чувствовалась. Должно быть, уцелевшую мебель и ковры собирали из разных домов, а потом еще транспортировали по улице, укрывая от дождя, и втаскивали вверх по довольно-таки крутой лестнице... С другой стороны, если армии не с кем сражаться, должна она заниматься хоть чем-то?

– Так что за сюрприз? – осведомился Кай, усаживаясь за стол. Стол, пожалуй, единственный смотрелся в этой комнате не слишком уместно – он был явно великоват для не слишком обширного помещения, но Кай догадывался, что такой подобран по специальному приказу. В расчете на ужин двоих, которым необходимо соблюдать безопасную дистанцию в самом буквальном смысле.

– Новое стихотворение Кая Бенедикта.

– Ммм?

Изольда положила на середину стола листок. Когда она убрала руку, Кай протянул свою.

Бумага, влажная, но не сырая – наверное, висела на улице, но под каким-нибудь козырьком, прикрывавшим от дождя – была явно невысокого качества, слегка помятая, со следами от сгибов и дыркой от гвоздя или чего-то подобного в верхней части. Размашистыми печатными буквами на ней было написано:

Новое стихотворение Кая Бенедикта!

Эх, народ ты мой, народ,
Тебя взяли в оборот -
Гонят прочь тебя, как скот,
Так-то вот.
Чтобы весь верховный сброд
Не утратил свой доход,
Брось все то, что нажил род,
И вперед!

Ах, народ ты мой, народ!
Поступи наоборот -
Покажи им от ворот
Поворот!
Хочет правящий урод,
Чтоб ему смотрел ты в рот,
Но не будь слепым, как крот,
Мой народ!

– Рифмы неплохие, – оценил Кай, – но много однокоренных. И во второй строке сбивается ударение. А главное – стиль! "Ах, народ ты мой, народ!" Я бы никогда не опустился до такого аляповатого лубка.

– Это ты теперь доказывай имперским дознавателям, – усмехнулась Изольда.

– Это нашли здесь?

– Да, было приколото к тумбе с официальными извещениями прямо поверх приказа об эвакуации.

– Не люблю, когда мои стихи гуляют без имени автора, – вздохнул Кай, – но когда мне приписывают чужое, это не лучше. Тем более – такую вот пошлятину.

– Обратная сторона славы. Не сомневаюсь, что где-нибудь это уже распевают. И с каждым новым домом, смываемым сейчас наводнением, желающих петь это будет все больше.

– Утопленники не поют.

– Даже у утопленников есть родные и друзья.

– Так ты все же намеренно играешь на обострение? Позволяешь Светлым причинить максимальный ущерб мирным жителям, хотя могла бы получить власть над ними и так?

– Чтобы подчинить себе все земли оббернского бассейна, мне пришлось бы совершить путешествие длиной почти в две тысячи миль. Светлые делают это за меня. Разве плохо? И потом, ты-то чем недоволен? Разве ты не хотел бы, чтобы влюбленных вообще и в меня в частности было как можно меньше? Чтобы моими подданными двигали какие угодно мотивы, только не любовь?

– Ну... – смутился Кай, – с одной стороны, конечно, так, но...

– И заметь – я Светлым ничего не навязываю. Даже не намекаю. Это исключительно их выбор и их решения. А я, со своей стороны, не могу остановить потоп. Действительно не могу.

– Но угроза нехватки продовольствия над нами нависла вполне реальная.

– Все, что происходит, *должно* быть реальным. Не всякий ход даже в идеальной игре приносит одни лишь плюсы. Стратегически – допустим, но не тактически. Иногда приходится жертвовать качеством ради выигрыша темпа. Или наоборот. Главное, что этот ход видит противник. И он должен понимать, что действительно может взять подставленную ему под удар фигуру.

– То есть ты все-таки специально провоцировала их, показывая, что наша система снабжения уязвима.

– Допустим, мы бы тащили с собой обоз вчетверо больше. Это еще замедлило бы наш темп, создало бы проблему с размещением на стоянках и теперь уже и с питанием лошадей. Сейчас немалую часть их рациона составляет банальная трава, а тогда бы, вполне возможно, Светлые напустили бы на траву какую-нибудь саранчу. Или придумали бы еще какую-то гадость – не забывай, я не могу предвидеть, какую конкретно. Я уже называла тебе варианты с землетрясением или эпидемией, которая выкосила бы полконтинента. Если бы мы были идеально подготовлены к наводнению – в ход пошло бы нечто еще худшее, только и всего. Поэтому лучше оставлять уязвимые места, чем создавать у противника впечатление собственной непобедимости... способное толкнуть его на чересчур отчаянные меры. Конечно, рано или поздно он должен убедиться в бесполезности сопротивления и капитулировать. Но к этой мысли его надо подводить постепенно, а не внезапно.

– Вываживать, как рыбу на крючке, – усмехнулся Кай.

– Именно! Мы ведь не хотим, чтобы рыба оборвала леску.

– Если под леской понимать весь мир – определенно нет. Думаешь, они действительно способны на такое? Мне всегда казалось, что кишка у них на это тонка.

– Чтобы уничтожить Вольдемара, они, точнее, их предшественники, разнесли чуть ли не полмира, не забывай. Утопили целый континент.

– То-то и оно, что предшественники. Хотя, конечно, в таких случаях лучше переоценить, чем недооценить опасность... Но если бы ты могла просто переместиться прямо на заседание Светлого Совета, ты бы не стала играть в эти игры?

– Но я не могу, – пожала плечами Изольда. – Такого заклинания не существует. Что толку это обсуждать?

– Не можешь навязать свои правила – научись выигрывать по чужим, – пробормотал Кай.

– Именно.

– Но мы выиграем?

– Вне всякого сомнения.

– Вообще-то, – заметил Кай, – самое, наверное, короткое определение разума – это "способность сомневаться".

– В общем случае – может быть, – в голосе Изольды появилась недовольная нотка. – Но в данном случае, сам посуди, что они могут сделать? Только оттягивать неизбежный конец.

Убегать от меня, воздвигая за собой различные препятствия. Возможно, эти препятствия будут стоить жизни большому количеству людей... чего мне бы не хотелось. Но рано или поздно, как только я их настигну, они обречены.

– Но они могут бегать от тебя довольно долго, тебе не кажется? Мы возьмем столицу, мы возьмем любой конкретный город или крепость, но что, если они будут просто бегать от тебя кругами по всему континенту? Беглый император, разумеется, большой опасности не представляет – но враждебных тебе магов, остающихся вне досягаемости твоих чар, я бы не списывал со счетов. Твоя власть и сама жизнь не будет в безопасности, пока жив хоть один из них.

– Ты хочешь сказать – пока хоть один из них не влюблен в меня, – усмехнулась Изольда.

– Я всегда точен в формулировках. И хотел сказать то, что сказал.

– Хмм... тут как раз я все еще сомневаюсь.

– А я говорю о единственном гарантированном способе разрешить сомнения. При условии, конечно, что нам таки удастся их настигнуть.

– Когда мои подданные будут повсюду, даже маги не смогут убежать слишком долго. Они сильны, да. Очень сильны, особенно когда действуют сообща. Но все-таки они люди. А это значит, что они уязвимы. В наихудшем случае армия из сотен тысяч человек, готовых ради меня на смерть, остановит их, просто задавив массой... хотя я, разумеется, рассчитываю на более изящное решение. А ты, – Изольда пристально посмотрела на него, – ведь не потому советуешь мне убить их, что боишься их мести?

– Нет, – покачал головой Кай, – я действительно пришел к выводу, что их не удастся поставить на службу прогрессу ни при каком раскладе. Пока они живы, парадигма воспитанного ими общества не изменится: "Зачем что-то придумывать и осваивать самим, когда у нас есть могучие маги?" Прежде они были могучими господами, теперь станут могучими рабами, но суть от этого не поменяется. Раз магом нельзя стать, раз им можно только родиться – значит, пытаться добиться чего-то самостоятельно бессмысленно. Принимай свою судьбу, определившую твое место, и не пытайся ее изменить.

– Может быть, ты и прав, – медленно произнесла Изольда, глядя в свою тарелку, и вновь повторила: – Может быть. – Затем она вновь подняла взгляд на Кая и спросила с необычной для нее, чуть ли не просительной интонацией: – А... насколько ты уверен, что мы действительно справимся без них? Все-таки, столько столетий...

– Если нет, то грош нам всем цена, – твердо ответил Кай.

Армия Любви оставалась на месте весь следующий день, и следующий за ним тоже. Дождь лил не переставая. Подвод с провиантом не было.

Изольда расхаживала по своим временным апартаментам, как зверь по клетке (банальная метафора, разумеется, но что поделаешь?) Уютно обставленной комнаты ей было мало, и она периодически принималась мерить шагами коридоры. Кай впервые видел ее такой раздраженной.

Она не бездействовала, конечно же. Точнее – не бездействовали люди, выполнявшие ее приказы. Команды стрелков рыскали по округе в поисках дичи, но поблизости не было серьезных лесов, способных служить домом оленям и кабанам, а зайцы и куропатки годились, понятное дело, разве что на то, чтобы накормить самих добытчиков. Вернулись разведчики, побывавшие на берегу недалекого уже Обберна, и, судя по всему, принесенные ими сведения были неутешительны. Изольда не стала делиться подробностями с Каем, а он не спрашивал. Все было очевидно и так: мост (один из самых длинных и красивых мостов Империи, по которому он сам проехал меньше месяца назад), конечно же, полностью разрушен, а река, конечно же, разлилась далеко за свои обычные пределы. И продолжает разливаться с каждым днем – а точнее, с каждым часом – их задержки.

Наконец, уже под вечер третьего дня, с запада прибыли всадники, ведя в поводу крепких, тяжело навьюченных коней. Это была та часть обоза с провиантом, что сумела прорваться через разлившиеся реки и непролазную грязь, бросив безнадежно застрявшие телеги и перегрузив на выпряженных лошадей все, что те могли увезти на спине. Лучше, чем ничего, но явно меньше, чем рассчитывала Изольда. Тем не менее – а что ей, впрочем, еще оставалось? – она отдала приказ выступать немедленно.

Шли всю ночь. К Обберну вышли на рассвете – насколько можно было назвать рассветом хмурый полумрак очередного дождливого утра.

Река, которую и в мирное время официальные поэты Империи традиционно именовали "великой" и "могучей", теперь – в особенности при таком освещении – выглядела попросту страшно. Разлившись на добрые полторы мили, она, обычно спокойная и неторопливая, теперь тяжело катила мутные, буро-серые холодные волны, иссеченные дождем, тут и там вспухавшие гнойно-желтыми бурунами; особенно яростно буруны ревели вокруг обломков опор моста, которые теперь, когда сметающий все на своем пути поток затопил берега, казалось, торчали лишь ближе к середине реки. Ближе к берегу – то есть к тому, что стало берегом теперь – из воды кое-где виднелись еще кроны деревьев и одинокий шпиль каменного здания, но в основном чудовищная мощь вырвавшейся на широкий простор водяной лавины уже снесла, разломала и умчала прочь все, что веками росло – рукотворно и нерукотворно – на казавшихся безопасными берегах. Но наступление воды на сушу продолжалось, и по течению, то скрываясь в волнах, то вновь показываясь, плыл всевозможный мусор и обломки – ветки, коряги, целые стволы, доски заборов, мебель, колеса и целые телеги, порой даже деревянные крыши и стены. На глазах у потрясенной армии приплыл целый одноэтажный дом (по его крыше отчаянно метался котенок, но его жалкие вопли ужаса не были слышны за ревом реки). Дом с грохотом врезался в ближайший из оставшихся от моста быков, разнес каменную кладку, но и сам развалился на бревна, часть из которых затянул на время в пучину миглом забурливший на месте разрушенного быка водоворот. Плыли по волнам и трупы – в основном, правда, животных. Но не только.

Нечего говорить, что попытка форсировать Обберн в его нынешнем состоянии – не то что вплавь, держась за лошадей, но и на плотках и лодках – выглядела чистым самоубийством. Но хуже того – изготовить эти плоты было не из чего. Ибо зрелище, открывшееся в утреннем сумраке на пока еще не затронутой наводнением суше, поражало едва ли не сильнее, чем ярость водной стихии.

Насколько хватало глаз, от северного до южного горизонта, земля представляла собой лысую пустыню. В том, что нигде не было видно домов, не было ничего удивительного – прибрежные поселения целиком ушли под воду. Но леса и рощи, тянувшиеся вдоль берега, не были полностью поглощены наводнением. Однако и там, куда еще не добралась вода, не уцелело ни одно дерево. Стволы лежали вповалку и выглядели так, словно гниют тут уже давным-давно. Их не срубили, их не сломала буря (никакой бури не было) – они просто рухнули. Инженеры, направившиеся было к ним, чтобы оценить возможность использовать их для переправы, тут же отпрянули с отвращением. Останки деревьев, даже еще сохранявшие внешне целый вид, от первого прикосновения расползались в гнилую труху, в которой копошились тысячи – нет, миллионы! – влажных белых личинок и черных жуков.

– Ты знала? – негромко спросил Кай у Изольды.

– Нет, – нехотя признала та. – Когда два дня назад разведчики побывали здесь, эти деревья еще стояли. Хотя, несомненно, уже были поражены изнутри, и если бы разведчики присмотрелись к ним внимательней...

– Мы привыкли, что маги столетиями хранят Империю от вредителей, – констатировал Кай. – Стало быть – в их силах и поступать наоборот. Это меняет наши планы?

– Нет, – качнула головой Изольда. – Я не собиралась строить плоты. Сам видишь, каковы

теперь условия для переправы, – она кивнула на бурную реку.

– Тогда что же мы будем делать? Ведь не подниматься же вверх по течению.

– Нет, конечно же. Отсюда до истока Обберна восемьсот миль.

– Я в курсе. Так что?

– То, ради чего я берегла силы.

– Ты способна провести армию по воде? – недоверчиво спросил Кай.

– Тебя не учили в школе, что вода бывает в трех состояниях?

– Лед! – наконец-то догадался Кай. – Значит, не солнце и не тепло, а мороз...

– Да. Устроив все нынешнее похолодание, они, на самом деле, лишь облегчили мне задачу.

– Но для того, чтобы заморозить такое количество воды, понадобится все же очень сильный мороз.

– Да.

– А у нас, как я понимаю, нет зимней одежды. Ты ведь рассчитывала завершить кампанию еще до зимы.

– Я тоже не могу предвидеть все заранее, если тебе нужно это признание. Некоторое количество шуб и одеял удалось собрать в брошенных домах, но на всех определенно не хватит. Ты ведь знаешь, наши друзья стараются привести в негодность все, что не успевают вывезти... Ну ничего, тем сильнее будет стимул переправиться как можно быстрее. На том берегу снова будет тепло. Относительно тепло, разумеется.

– Терпеть не могу мороз, – проворчал Кай.

– Но терпеть придется. Впрочем, для тебя шуба найдется.

– Почти стихами говоришь, – фыркнул Кай.

– С кем поведешься. Ладно, надо обратиться к войску. Потом ты мне понадобишься.

– Я? Я же ничего не смыслю в погодной магии. И вообще в какой-нибудь.

– Это от тебя и не потребуется. Ты должен будешь просто стоять рядом, пока я колдую.

– Зачем?

Но Изольда уже подозвала к себе офицеров, вынудив Кая прервать дальнейшие расспросы.

Офицеры выстроили войско в четыре шеренги вдоль берега, примерно в полусотне ярдов от воды. Всадники (на флангах первых двух линий) и запряженные повозки (в последней линии) были развернуты в сторону реки. Все было рассчитано на то, чтобы, как только река встанет, армия смогла переправиться через нее широким фронтом – максимально быстро и не мешая друг другу. Но солдаты пока еще не знали, к чему все эти приготовления. Изольда выехала вперед – в гордом одиночестве, но на сей раз без своих золоченых доспехов, в одном лишь костюме для верховой езды – и звенящим голосом, доносившимся сквозь шум реки и шелест дождя до последнего солдата на фланге, объяснила им план. Из строя донеслись нестройные восторженные крики. Они еще не осознавали, какой холод им предстоит перенести, они лишь радовались тому, что их непревзойденная Госпожа в очередной раз переиграла своих глупых врагов.

Солдатам было приказано снять металлические доспехи, которым скоро предстояло стать обжигающе холодными, и сложить их на повозки, опустевшие после израсходования съестных припасов. Одну пустую телегу выкатили вперед и загнали на маленький холмик у воды, которому, вероятно, через несколько часов предстояло стать островом, и несколько дюжих солдат принялись рубить ее топорами; Кай понял, что она пойдет на топливо для костра, который, очевидно, будет согревать Изольду и его... а может быть, понадобится и для самого обряда? Неразговорчивый денщик, которого Кай получил в походе вместо оставшегося во Фламмештайне старого слуги, подал ему шубу, вывернутую мехом внутрь; Кай сбросил плащ и поспешно надел ее, пока мех не успел намочнуть. Шуба была явно не новой и пахла кислотой

овчиной, но привередничать не приходилось – даже с учетом одеял теплой одежды едва хватало на пятую часть войска. Солдатам – и счастливым, получившим дополнительное одеяние, и всем прочим – было приказано сомкнуться максимально плотно, чтобы согреть друг друга телами.

Когда все предварительные приготовления были закончены, Изольда, оставив коня на попечение очередного своего оруженосца (коих она меняла постоянно, демонстрируя, что никому не отдает предпочтения), поднялась на холмик. Отставая от нее на полшага, слева традиционно шел Кай, а справа – телохранительница из "сестер", также облаченная в тяжелую шубу до пят. (Кай не понимал, зачем здесь нужна эта особа, недобро зыркавшая на него исподлобья – никакая опасность, от которой может защитить телохранитель, ее госпоже определенно не грозила, если не считать, конечно, неизменного яда в его теле – но его Изольда уже явно не опасалась, да и не стала бы защищаться от такой угрозы при помощи женщины.) Сама Изольда по-прежнему оставалась лишь в костюме для верховой езды (на недоуменный взгляд Кая последовала столь же молчаливая улыбка-усмешка в ответ: "Так надо.")

Эти трое так и встали треугольником (Изольда ближе всего к реке) вокруг сложенного, но так и не зажженного костра (Кай сомневался, что эти сырые доски под дождем вообще можно заставить гореть – разве что с помощью магии, разумеется). Изольда некоторое время стояла молча, видимо, приводя себя в состояние особой сосредоточенности, затем подняла руки под углом в стороны и вперед и принялась читать заклинание.

Поначалу ничего не происходило. Где-то через минуту Каю показалось, что проклятые капли, падавшие на его лицо, стали еще холоднее, но это могло быть и игрой воображения. Однако затем... дождь, не прерывавшийся ни на минуту уже несколько дней подряд, вдруг прекратился. Вместо него из низких набрякших туч теперь сыпался снег.

Но разлившийся Обберн, разумеется, по-прежнему катил свои воды, глотая на ходу бесчисленные белые снежинки. Сделалось еще холоднее, и мягкий снег превратился в ледяную крупу, сперва мелкую, а затем и крупную. Кай, поморщившись, натянул пониже шапку, стараясь защитить не закрытый повязкой лоб, и без того уже немевший от холодного ветра с реки. Изольда, продолжая повторять непонятные Бенедикту слова, стояла с непокрытой головой, и градины путались в ее густых белых волосах. Когда затрещал, разгораясь, костер (кажется, его зажгла не магия, а телохранительница), они засверкали, словно бриллианты.

Такие же "бриллианты" сверкали теперь и на присыпанной снегом пожухлой траве; сырая грязь затвердела и покрылась ледяной коркой, а затем – пламя костра вдруг поблекло в казавшемся ослепительным после стольких дней ненастья солнечном сиянии! Низкие тучи по-прежнему висели вокруг до самого горизонта, в какую сторону ни посмотри – но прямо над рекой они просыпались снегом и градом, обнажив неровный овал ярко-синего неба. Неба ясного морозного дня. Зато снег валил теперь сплошной стеной по периметру этого ясного овала – там, где относительно теплый воздух дождливой осени встречался с иссушающе-ледяным воздухом лютой зимы.

Но если какие-то корочки льда и образовывались на воде Обберна, течение сразу же ломало их. Миллионы тонн воды, катившиеся мимо потоком полутормильной ширины, казались совершенно непобедимыми ни для сил природы, ни для воли человека.

Кай с тоской смотрел на реку, пряча руки в перчатках поглубже в рукава шубы и дуж, оттопырив нижнюю губу, чтобы согреть нос. Лицо нестерпимо щипало даже под маской; холод добрался уже и до пальцев ног сквозь сапоги и чулки. Бенедикт шагнул вплотную к костру, но тот согревал лишь с одного бока. Затылком Кай чувствовал (хотя, конечно, это была всего лишь иллюзия) взгляды двух тысяч человек, устремленные с надеждой и нетерпением (растущим тем быстрее, чем ниже падала температура) в том числе и на него. А он по-прежнему решительно не понимал, зачем понадобился Изольде. Стоять сейчас среди прочих офицеров было бы, возможно, и не теплее (хотя как знать – по крайней мере, ледяной ветер с реки на этом бугре

чувствовался особенно отчетливо), но как-то спокойнее, чем у всех на виду. Если у Изольды не выйдет (неужели она все-таки переоценила свои возможности?), он догадывался, кого они в этом обвинят...

Словно в ответ на его мысли, что-то вроде вздоха и даже стона пронеслось по толпе за спиной. Но это не было проявлением гнева. Кай, погруженный в собственные мысли (крутившиеся больше вокруг физического холода, нежели вокруг прохладного отношения к нему подданных Изольды, которое было вполне взаимным), вынырнул подбородком из поднятого воротника и сдвинул назад шапку, натянутую уже почти до кончика носа.

Он моргнул, не поверив в то, что видит. Но даже вызванные холодом слезы едва ли могли вызвать подобную иллюзию – и, конечно, зрелище не развеялось. Изольда уже сбросила на землю куртку и теперь торопливо, насколько позволяли плохо слушающиеся от холода пальцы, расстегивала рубашку.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Кай.

– А на что это похоже? – огрызнулась Изольда.

– На сумасшествие, – пробормотал Кай.

Рубашка упала следом за курткой. Изольда осталась обнаженной по пояс. Кай рефлекторно отвел взгляд.

– Можешь не смотреть, если тебе противно, – кажется, она пыталась придать своему голосу обычную иронию, но этому мешала дробь, которую выбивали ее зубы. – Только не делай это слишком демонстративно.

"Снова почти стихи", – подумал Кай. Он глядел в полном ступоре, как Изольда расстегивает брюки, пока телохранительница по очереди стаскивает с нее сапоги. Еще полминуты – и Изольда осталась совершенно нагой на трескучем морозе. Теплые отблески костра играли на безупречной коже ее спины, но не могли скрыть ни неестественной бледности этой кожи, ни покрывших ее мурашек.

"Может, это часть обряда?" – подумал Кай. Но ему никогда не доводилось слышать – даже на уровне баек – о каком-либо колдовстве, хоть Светлом, хоть Темном, которое необходимо творить нагишом. И уж тем более это не относилось к погодной магии, считавшейся довольно рутинной (насколько к магии вообще применимо это слово).

Изольда снова вскинула руки к небесам, повторяя магические формулы с новой силой. Становилось еще холоднее. Кай вновь отвел от нее взгляд (не отворачивая, как она и просила, головы) – не потому, что мог ее смутить (это со всей очевидностью было не так) и, разумеется, не потому, что подобное зрелище могло смутить его самого, а потому, что ему, не знающему, куда деваться от холода в шубе, шапке и сапогах, было почти физически мучительно смотреть на эту беззащитную нагую фигурку. Сколько еще она так выдержит?!

В чем он, однако, не сомневался, так это в том, что она все просчитала заранее и не нуждается ни в непрошенных советах, ни в непрошеной помощи. То же самое, очевидно, понимала и телохранительница – ее взгляд, обращенный на Госпожу, выражал неподдельное страдание и готовность тысячу раз принять муку любимой на себя, но она не двигалась с места.

"Впрочем, – тут же подумал Кай, – это она сейчас готова, а доведись ей и впрямь пройти через такое тысячу раз – держу пари на что угодно, она бы запросила пощады намного раньше."

Звук, идущий от реки, изменился. Теперь в нем ясно слышался шорох мелких, рыхлых, трущихся друг о друга льдин. Шуга, ледяная каша, начала быстро скапливаться у берега, хотя вода на середине реки все еще была свободна. Но и там мелькали уже белые комки, которые не были пеной бурунов. Непрочные льдины легко дробились, сталкиваясь с остатками быков, но их становилось все больше. У берега они уже налезали, громоздясь, друг на друга, и вода между ними уже виднелась лишь черными трещинами... а потом и эти трещины мутнели на глазах. Шум и треск нарастал, белые острова соединялись в материи, волны накатывались на них и оплывали ледяными горбами – а затем вдруг все стихло.

Река встала от берега до берега. Лишь на далекой отсюда середине еще виднелась длинная черная полоска полыньи, но и она, как было очевидно, вот-вот затянется.

Изольда продолжала колдовать, повторяя магические слова посиневшими губами; ее смерзшиеся волосы сверкали на солнце. Сейчас она больше походила на оживший труп из деревенских легенд, чем на живого человека; лишь пар изо рта показывал, что она еще жива. Ну да, понимал Кай, лед еще должен набрать должную толщину и прочность, чтобы выдержать и коней, и тяжело груженные повозки...

Наконец Изольда замолчала. Простояла неподвижно несколько секунд, словно к чему-то прислушиваясь, а затем махнула рукой, указывая дорогу своей армии: – Вперед!

Команда прозвучала сипло, так что даже стоявший рядом Кай едва ее расслышал, но Изольда откашлялась и повторила во весь голос, твердо вытянув руку к далекому восточному берегу: – Вперед!

Армия Любви сорвалась с места. Всадники нещадно хлестали окоченевших коней, пехотинцы, давно притопывавшие на месте в тщетных попытках согреться, побежали по смерзшейся траве, скрипел снег и хрустела замерзшая грязь под колесами подвод... Даже если бы они не получили перед началом обряда строгий приказ преодолеть реку на максимально возможной скорости, мысль о тепле – тепле движения и тепле, ждущем их на другом берегу – гнала бы их так быстро, как только позволяли одеревеневшие мышцы. Тем не менее, огибая двумя потоками холмик с бледным, почти бессильным костром и тремя людьми, они, конечно, не могли удержаться от взглядов в сторону обнаженной фигуры. Но шоу уже закончилось. Телохранительница, на ходу срывая с себя шубу, бросилась к Изольде и закутала свою госпожу, а затем принялась стаскивать с себя сапоги. Вот, значит, зачем она была нужна – не только помочь Изольде раздеться и одеться, но и согреть собственным телом одежду, предназначенную для Госпожи после окончания церемонии (собственные вещи Изольды, сброшенные на каменно-твердую землю, уже покрылись инеем, несмотря на близость костра; телохранительнице предстояло теперь надеть на себя их, и она была счастлива такой честью). Подбежал оруженосец, ведя за собой сразу двух коней – Изольды и Кая. Оруженосец и телохранительница, сама еще полураздетая, помогли едва способной шевелиться Изольде сесть в седло; Каю пришлось обходиться собственными силами, что оказалось не так-то просто не только из-за задубевших мускулов, но и из-за громоздкой шубы. Но, наконец, он плотно обнял коленями теплые лошадиные бока и поскакал следом за Изольдой, уже мчавшейся по льду реки.

Теплеть начало еще до того, как первые всадники достигли середины Обберна, однако первый громкий треск лопающегося льда раздался лишь тогда, когда и кавалерия, и пехота были уже в безопасности на твердой земле. Правда, тяжело груженные повозки, самые медленные и самые тяжелые одновременно, все еще ползли через реку, и копыта лошадей скользили по ледяному панцирю, уже покрывающемуся пленкой талой воды. Если бы не эта скользкая пленка, они бы добрались с хорошим запасом времени, но теперь некоторые кони беспомощно буксовали, и солдатам, уже уверившимся в собственной безопасности, было приказано бежать им навстречу, разбирать с повозок доспехи и прочий груз и бегом тащить все это обратно. Эта мера возымела действие. К тому времени, как ледяной панцирь, подмываемый течением снизу и возобновившимся дождем сверху, опасно истончился и начал раскалываться, на нем не осталось уже ни людей, ни повозок – лишь одна несчастная лошадь, сломавшая ногу.

В целом переправа прошла успешно. Две сломанных при падениях руки, несколько подвернутых лодыжек, само собой, обморожения (довольно многочисленные, но легкие) и перспектива резкого роста простудных заболеваний на следующий день – но никто не провалился в полынью, не был затоптан собственными товарищами, не замерз насмерть и не лишился конечностей. Сразу же на восточном берегу были разложены костры; поскольку топлива не было и здесь, Изольда велела жечь пустые и полупустые повозки; часть груза, которую уже невозможно было навьючить на лошадей, солдатам отныне предстояло тащить на

себе. На этом привале их кормили до отвала не только для того, чтобы помочь быстрее согреться и восстановить силы, но и чтобы уменьшить этот груз. Когда костры догорели, однако, им пришлось вновь продолжать путь – снова под дождем, уже не казавшимся теплым, как в первые минуты после мороза, по все той же грязи. Лишь четыре часа спустя они добрались до полуразрушенного поселка – ему досталось больше, чем селениям к западу от Обберна. Отступающие попытались сжечь дома, но, очевидно, устроенный их же правителями дождь помешал этому; крыши, однако, были обрушены или серьезно повреждены чуть ли не в половине построек. И все-таки это место годилось для привала лучше, чем палатки под открытым небом.

– Зачем? – Кай, наконец, получил возможность задать этот вопрос без свидетелей. Изольда блаженствовала, сидя по самое горло в большой бочке с горячей водой, водруженной посреди комнаты единственного здесь каменного и потому почти не пострадавшего дома. Кая она, понятное дело, нимало не стеснялась.

– Это действительно было непросто, – вздохнула она. – Заморозить такую массу воды... я действительно выложились целиком, без остатка. И мне нужна была вся сила, какую я могла получить. *Вся, понимаешь?*

– То есть... ты хочешь сказать, что выставила себя напоказ всей армии, чтобы питаться энергией их вождения?

– Вождение – раз. Невыносимость зрелища страданий любимой – два. То и другое обострило их чувства ко мне до максимума.

– И они, конечно, не замечают здесь никакого противоречия, – усмехнулся Кай. – Сострадать женщине, стоящей голой на морозе, и одновременно жадно пялиться на ее тело. Как это по-человечески, да. Ну а я все-таки зачем тебе понадобился?

– Единственный мужчина из всех, видящий мою наготу вблизи, а не издали, – улыбнулась Изольда. – Ревность – три. И, сам понимаешь, я могла доверить эту роль только тому, в отношении кого ревность совершенно безосновательна.

– Ага, теперь объясни это им, – пробурчал Кай. – Теперь твои рабы невзлюбят меня еще сильнее.

– Ты в безопасности.

– Кто гарантирует меня от стрелы в спину?

– Те, кому это поручено.

Кай вздохнул.

– Ты сама признаешь, что не можешь предвидеть всего.

– Это война, Кай, – Изольда пожалала мокрыми плечами. – Война за власть над всем миром. Конечно, в подобном предприятии нельзя полностью исключить неожиданности. Но пока все мои расчеты в конечном счете оправдываются, не так ли?

– Кстати, о неожиданностях. Почему ты хотя бы не предупредила меня о своем плане? Ты говоришь, что ненавидишь сюрпризы, но, похоже, обожаешь устраивать их другим! Врагам – понятно, но – союзникам?

– Ты бы сказал, что это безумие, – усмехнулась Изольда.

– Как будто тебя бы это остановило! Я, кстати, это сказал.

– Ну ладно, сознаюсь, – она подняла из бочки ладони жестом шутовской капитуляции. – Мне просто нравится держать людей в тонусе. Заставлять их думать и реагировать на вызовы, а не подсказывать заранее готовые ответы.

– Выходит, – мрачно констатировал Кай, – на сей раз я не прошел тест, раз не разгадал твой план?

– Спешим это на холод и усталость, – примирительно ответила Изольда. – Надеюсь, ты не был слишком шокирован?

– Если ты про зрелище, то нет, разумеется. Голая женщина для меня ничем

принципиально не отличается, скажем, от голой лошади. То есть не вызывает ни вожделения, ни стыда, хотя я и могу оценить ее чисто эстетически.

Он ожидал вопроса "ну и как ты оценил меня?", но Изольда ничего не сказала, и он продолжал:

– Но сам поступок... Не знаю, насколько здесь уместно слово "шок", но... В принципе я, конечно, понимал, что ты действуешь по заранее продуманному плану. Но в какой-то момент у тебя был такой вид, словно ты вот-вот упадешь замертво. Я честно не представлял, что голый человек может выдержать такой мороз.

– Ты почти прав, – нехотя призналась Изольда. – Я рассчитывала, что костер защитит меня, но переоценила его возможности, особенно когда стоишь на ледяном ветру с реки. А если бы я сделала еще хоть полшага назад, огонь сделал бы мою задницу похожей на мое лицо, – это прозвучало не как ирония, скорее – как горькая констатация.

– То есть ты действительно могла погибнуть – или, по крайней мере, серьезно пострадать? И у тебя не возникло мысли остановиться?

– Нет, – неожиданно резко ответила она. – Я должна была остановить эту реку, и я могла сделать это только так. Я понимаю разницу между трудным и невозможным. И там, где речь идет всего лишь о трудном, я никогда не позволю собственной слабости помешать моим планам. Знаешь, что я чувствовала, когда казалось, что я вот-вот потеряю сознание? Злость. Страшную злость, даже не на Светлых – на себя. Почти такую же, как тогда, в семнадцать лет... – она коснулась правой стороны своего лица. – И это чувство, между прочим, я тоже просчитала заранее. Последний ресурс, заставляющий сердце биться сильнее и гнать кровь в замерзающие конечности. И то же самое с моей армией. Эмоции другие, но эффект тот же. Я не только брала у них силу, но и спасала их. Возбуждение в буквальном смысле грело их кровь. Поэтому у нас нет тяжелых обморожений и, надеюсь, будет не слишком много больных к завтрашнему утру.

– На сей раз я понял намек, – усмехнулся Кай. – Демонстрируешь преимущество своего подхода. Вместо того, чтобы избавить мир от страстей, мешающих разуму, как хотелось бы мне, лучше поставить эти страсти на службу разуму.

– Ты можешь указать на изъян в моей логике?

– Почему, по-твоему, люди в конце концов отменили рабство? По крайней мере, классическое. Не потому ведь, что рабов в принципе нельзя заставить служить хозяевам. И не от избытка доброты – вот уж чем человечество никогда не отличалось, что бы там ни утверждал официоз Светлых. А потому, что это неэффективно. Раб, в конечном счете, или слаб, и тогда от него мало проку, или силен, и тогда он взбунтуется. Причем под силой я понимаю не только физическую, разумеется. Или вот – лев может убить лошадь, лев сильнее лошади. Почему тогда люди пашут и ездят на лошадях, а не на львах? Потому что укрощать льва и приучать его к упряжке себе дороже обойдется. Сил на то, чтобы заставить его служить благой цели, уйдет гораздо больше, чем любой выигрыш, который могла бы дать его собственная сила. Более того, сила-то его, вообще говоря, бесполезна. Во льве, вопреки всем придуманным про него романтическим мифам, нет ровным счетом ничего возвышенного и благородного. Напротив – это исключительно мерзкая тварь, никому не нужный паразит, способный лишь жрать и гадить. Весь день он валяется и ничего не делает, а живет за счет пищи, которую отбирает у собственной самки. А детенышей, оставшихся от предыдущего льва, убивает и съедает. Вся его сила – на один прыжок и один удар лапой. Да, это будет очень мощный и разрушительный удар. Но работать упорно и постоянно, как это требуется от лошади, делать что-то полезное и созидательное он в принципе не способен.

– Лев есть любовь, я так понимаю? – откликнулась Изольда. – Забавно – они даже начинаются на одну букву.

– Мне больше нравится, что "любовь" и "ложь" начинаются и заканчиваются на одни и те же буквы. Ибо всякая любовь есть ложь, осознаваемая или нет. Только ложь может поставить

одного человека над всеми прочими, и потребность в любви – это потребность во лжи. Любви жаждет тот, кто боится правды. Неадекватно завышенная оценка нужна только тому, кто боится быть оцененным адекватно. Да-да, я понимаю, что это не твой случай, ты об этом не просила... А лев есть лев. Все, что я сказал, действительно верно по отношению к этому животному. Но параллели тут, разумеется, очевидны.

– Хорошо, хорошо. Заменяем диких львов страсти на дисциплинированных лошадей разума. Но что делать, если львы вокруг так и кишат, а лошадей нет почти ни у кого, в лучшем случае худосочные жеребята, которых еще растить и растить?

– Отстреливать львов и растить жеребят, – твердо произнес Кай. – А не пытаться впрячь их в одну упряжку в надежде, что они будут вместе делать общее дело. Лев просто сожрет жеребенка и уволочет повозку в пустыню.

– Красиво в теории. Но, пока ты мечтаешь о царстве разума, я строю его на практике. Да, я строю не из золота, как хотелось бы тебе, а из сушеного навоза. Но я – строю из того, что есть, а ты, мечтая о золоте, которого нет, так и останешься на голом пустыре без крыши над головой.

– А может быть, я предпочитаю жить на пустыре, нежели во дворце из навоза.

– Ты поэт, – вздохнула Изольда. – Можешь позволить себе идеализм. Но кому-то надо и брать на себя ответственность.

– Можно подумать, кто-то тебя заставляет править миром.

– Мы это уже обсуждали. Теперь обратной дороги нет.

– Теперь, наверное, нет, – согласился Кай. – Но ты приняла это решение, когда она еще была.

– У каждого из нас свой дар. Каждый стремится реализовать его по максимуму. Я ведь не упрекаю тебя, что ты стараешься реализовать свой?

Кай вздохнул и ничего не ответил, понимая бессмысленность спора.

Следующее утро приветствовало их ясным небом. Дождь прекратился. Их противники поняли, что таким образом Армию Любви не остановить.

Но радоваться было рано.

Первая же деревня за пределами территории, выселенной, очевидно, еще до форсирования армией Обберна, была сожжена дотла. Такого они еще не видели. Ни одного целого дома или сарая – лишь торчащие на пепелище печи. Груды закопченного мусора – какие-то черепки, остатки утвари... Обгорелые кости. Не только животных.

И это было не все. Несколько изрубленных трупов сбросили в колодец.

– У меня такое чувство, что на сей раз они даже не особо пытались их эвакуировать, – пробормотал Кай, морща нос от вони.

– Возможно, – мрачно согласилась Изольда. – Похоже, война вступила в новую фазу. Они были уверены, что мы не преодолеем Обберн. Кажется, даже надеялись создать таким образом новую границу. Хотя, конечно, дожди и наводнение нельзя длить вечно, а через спокойную реку всегда можно переправиться. Через месяц-другой Обберн замерз бы естественным образом... Но это, по крайней мере, дало бы им отсрочку. А теперь они просто потеряли голову от страха.

– Это твои догадки или донесение твоего агента?

– Второе. Вполне совпадающее с первым.

– То есть твой человек все еще цел.

– Само по себе это ничего еще не доказывает. Сам понимаешь, какой эффект будет иметь смерть или исчезновение кого-то из Светлого Совета, если об этом станет известно.

– Пусть даже ему фильтруют информацию, но ведь он встречается с остальными? Неужели он не может уничтожить их каким-нибудь внезапным ударом?

– Внезапным – одного-двух. Ценой собственной жизни. И, скорее всего, совсем никого, если они настороже. Такая попытка не стоит того, чтобы отдать за нее самого ценного моего

агента.

– Если они настороже, значит, ценность уже нулевая или, скорее, отрицательная. Тебе будут сливать через него дезинформацию, как делаешь ты сама.

– Не обязательно, – возразила Изольда. – Это может быть так по части секретных планов, но ситуацию в столице этот человек видит своими глазами. И ситуация эта, кстати, такая, что они там могут быть все настороже друг по отношению к другу даже без конкретных оснований. Там действительно начинается паника... Кстати, тебя не смущает, с какой легкостью ты предлагаешь мне пожертвовать чужой жизнью?

– С каких пор ты стала ценить жизнь своих рабов? – усмехнулся Кай. – Скольких своих фальшивых "шпионов" ты уже отправила на верную гибель?

– Это другое дело. В данном случае даже максимальный выигрыш не оправдывает затраты. Смерть двух магов из девятнадцати не выиграет для нас войну.

– Строго говоря, трех, – заметил Кай. – Но ты права, конечно. Я просто уточнил возможности твоего агента.

Вскоре они убедились, что сожженная деревня не была единичным эксцессом охваченных паникой местных властей. Теперь Империя отступала, оставляя за собой полностью выжженную землю. Все, что могло гореть, сжигалось. Не только дома и амбары. Выжигалась трава, еще способная послужить пищей коням. Пылали леса. Это было проще, чем уничтожить древесину с помощью магически размноженных вредителей, и главное – куда вредоноснее. Не было больше необходимости ликвидировать каждую деревню вручную – лесные пожары делали это сами, не оставляя к тому же мятежникам, желавшим дожидаться Изольду, шансов сбежать или спрятаться. Бежать было некуда, повсюду полыхал огонь, и даже там, куда он не мог добраться, от дыма и гари нечем было дышать; в воздухе постоянно висел сизый туман, от которого першило в горле и слезились глаза, люди и лошади задыхались, наименее стойкие теряли сознание. Теперь уже Изольде приходилось вызывать дожди, чтобы тушить пожары, но даже сильные ливни не всегда справлялись с задачей – горели не только деревья и трава, но и торфяники. На всем лежала жирная копоть, и даже мутные ручьи несли ее же. При этом дожди понятным образом влияли на состояние дорог, которые теперь были только грунтовыми.

Все колодцы до единого были отравлены. Даже каменные здания теперь попадались по большей части разрушенные или, по крайней мере, серьезно поврежденные – без крыш, с проломами в стенах, обрушенными лестницами, полами, перекрытиями. Изольда уверяла, что это делалось не без помощи магии, хотя древние армейские методы, столетия назад применявшиеся против вражеских крепостей – подкопы, требушеты и стенобитные орудия – тоже шли в ход. Теперь – для разрушения своих собственных городов... Жителей все-таки старались уводить живыми, но с проявившимися малейшее неповиновение или хотя бы нерасторопность не церемонились, причем это касалось не только угоняемых, но и самих солдат (так рассказывали те совсем немногие, которым удалось избежать и эвакуации, и смерти и дожидаться армию Изольды). Там, куда не добирался огонь, трупы бросали гнить на улице вместе со скотом и птицей, которых забивали на месте. Некогда благодатный край с каждым днем и с каждым новым шагом Армии Любви все дальше превращался в смрадную отравленную пустыню. Такого – во всяком случае, в таких масштабах – не устраивал в свое время даже Вольдемар, стремившийся все-таки властвовать над миром, а не над пепелищем...

И это было не все. На дороге и в руинах городов и сел поджидали ловушки. Тщательно замаскированные волчьи ямы с кольями на дне, снаряженные самострелы, медвежьи капканы, самопадающие лезвия и тяжелые камни, подточенные колонны и балки, готовые обрушиться на головы пришельцев целые здания... То, чего Изольда опасалась еще в Марленштадте – и что было реализовано только теперь, но уж зато во всем многообразии вариантов. Разведчики тщательно обследовали путь, и все же совсем без жертв не обходилось. Те, кто снаряжал ловушки, тоже были профессионалами, и серьезными. Кай даже не думал, что после трех веков

мира и безраздельного торжества морали Светлых, исключавшей столь подлую тактику, такие еще остались.

Теперь Армия Любви продвигалась не более чем на несколько миль в день, причем не прямым маршрутом, а огибая очаги крупных пожаров. Изольда была совершенно вымотана – мало того, что ей приходилось использовать погодную магию регулярно – то для дождей, то для того, чтобы изменить направление ветра, несущего едкий дым, то для форсирования водных преград, хотя теперь путь им преграждали лишь небольшие речки, заморозить которые было не в пример легче, чем Обберн – так еще и надо было ставить на ноги больных. Как ни парадоксально, в краю, охваченном пожарами, люди страдали от холода, ибо от большого огня они, разумеется, старались держаться подальше, а раздобыть топливо для костров в выжженных дотла землях было практически невозможно. Отравленные колодцы не создавали большой проблемы, поскольку там, где не было речек и ручьев, солдаты собирали дождевую воду (не так уж сложно, когда дождь устраивает твой собственный главнокомандующий), но вот ситуация с едой только ухудшалась. Оставшийся позади Обберн, все еще не вернувшийся в свои берега и лишенный мостов (а также и деревьев для постройки плотов и лодок), фактически отрезал Армию Любви от снабжения с тыла; некоторым отчаянным смельчакам удавалось вместе с лошадьми переправиться в ледяной воде на надутых мехах и перевезти таким образом кое-какие припасы, но это было ничтожно мало. Из тыла уже везли бревна и доски для строительства переправы, но Изольда теперь уже не хотела ждать ни дня и продолжала наступление, не щадя ни себя, ни своих людей. К востоку от Обберна еды не было уже совершенно – теперь даже и лесной дичи, и лишь в реках солдаты с самодельными бреднями, по пояс и по грудь в холодной воде, вылавливали рыбу, которой, конечно, категорически не хватало на прокорм двух тысяч человек. Изольде пришлось отдать приказ забивать лошадей на мясо, тем более что их тоже было нечем кормить; повозки, которые теперь некому было тащить, в свою очередь, пускали на топливо. Кай повторял, что это безумие, что надо вернуться к Обберну, форсировать его в обратную сторону (теперь, когда вода спадала и скоро должна была вернуться к нормальному уровню, сделать это было бы куда легче), дожидаться налаживания надежной переправы и лишь тогда снова идти вперед; к этому времени, к тому же, развеялся бы и дым большинства пожаров. А то и вовсе дожидаться зимы, скованных морозом рек и твердых дорог. Но Изольда отвечала, что Светлые уже продемонстрировали свою готовность идти на все и давать им такую фору по времени было бы слишком рискованно. "Незачем ждать полтора месяца, если даже при нынешних темпах мы можем быть в столице уже дней через десять." "Но ведь со взятием столицы ничего еще не кончится, – настаивал Кай. – Они не сдадутся. Так и будут пятиться от тебя через весь континент, пока не превратят в пустыню его весь." "Светлый Совет – да, – отвечала Изольда. – А вот все остальные, кто им пока еще подчиняется... Должно же у них лопнуть терпение! Они же видят, что Светлые не могут сделать мне ничего и только уничтожают собственную страну! В столице уже беженцев вдвое больше, чем коренного населения, люди спят на улицах в осенний холод, свободная продажа еды запрещена, ее выдают по талонам... И прибывают все новые, и вся эта масса пересказывает друг другу слухи один мрачнее другого. Авторитет Совета уже отчаянно шатается, а с падением столицы разлетится вдребезги! А одной лишь силы девятнадцати магов – точнее, восемнадцати – не хватит, чтобы удержать власть над такой огромной Империей!" Каю оставалось лишь качать головой и задаваться риторическим вопросом, зачем она пригласила его в советники, если не слушает его советов.

В считанные дни Армия Любви осталась полностью безлошадной. Не потому, что конину нельзя было растянуть на большой срок, а потому, что самих коней нельзя было кормить ни рыбой, ни друг другом. Не всех даже успели забить, многие пали сами. Последние чудом сбереженные зерна овса и клочки сена из повозок отдали лошадям дальней разведки, все эти дни тщетно пытавшейся отыскать менее пострадавшие земли южнее и севернее. Теперь Изольда отослала этих разведчиков с наказом скакать так далеко, как смогут их животные, без учета

необходимости возвращения; если таким образом им все же удастся найти корм для коней, то набрать столько, сколько получится, и возвращаться на соединение с армией с учетом ее продвижения за это время, если же нет – возвращаться пешком. Существовал, правда, риск, что в последнем случае они не нагонят армию или разминутся с ней, но без своих лошадей они уже не представляли большой ценности.

Кобыла Изольды и жеребец Кая тоже отправились в общий котел. Кай не был привязан к своему коню, воспринимая его исключительно как средство передвижения, но все же удивился, глядя, с каким спокойствием Изольда жертвует собственной лошастью, на которой она ездила куда дольше, чем он – на своей. Это была разумная и единственно возможная при отсутствии фуража мера, и все же он подсознательно ожидал от Изольды больше сантиментов. Впрочем, Изольде и ее старшим офицерам не пришлось месить грязь ногами вместе со всем остальным войском – они заняли места на еще остававшихся телегах, которые, сменяясь, катили солдаты.

На следующий день после этого Армия Любви, наконец, встретила с врагом.

Они подошли к очередному мертвому городу, каких навидались за последние две недели предостаточно – во всяком случае, ни у Кая, ни у Изольды эти покрытые толстым слоем копоти развалины больше не вызвали никаких романтических чувств. Армия не стала входить в город – уже несколько дней Изольда не засылала в такие руины даже разведчиков, зная, что ничего полезного они там не найдут, и не желая попусту рисковать своими особо тренированными людьми. Поэтому войско просто двинулось в обход груды камней, еще недавно бывшей городом, по грязной колее, еще недавно бывшей прекрасной мощеной дорогой.

И когда оно, растянувшись по грязи длинной вереницей, проползло примерно половину пути вдоль полуразрушенных стен, оттуда полетели стрелы.

Это не были самострелы безлюдной ловушки, приведенные в действие задетой не приметной веревочкой. Головной дозор (теперь пеший) тщательно обследовал дорогу перед прохождением основной колонны.

Все в армии знали, что никакого сопротивления им и никаких засад быть не может. Любой противник превратится в верного раба Изольды задолго до того, как окажется на дистанции выстрела даже из самого дальнобойного оружия. К тому же солдаты были вымотаны тяжелыми условиями похода, еще недавно начинавшегося как увеселительная прогулка; теперь к ежедневным переходам по грязи, вечному запаху гари и ночевкам в холодных палатках под открытым небом добавилась и необходимость катить ручную вязнущие в грязи повозки. И тем не менее – тренированная половина армии отреагировала грамотно. Казалось, их вымуштрованные тела начали действовать еще до того, как усталые головы осознали происходящее. Лучники тут же укрылись за повозками и открыли ответную стрельбу, высматривая, откуда летят вражеские стрелы; остальные сперва рассыпались широким веером, уходя из-под обстрела, а затем перебежками устремились к стенам слева и справа от места засады, готовясь охватить врага с флангов; полуразрушенные стены теперь не представляли серьезного препятствия для тренированных штурмующих и скорее, напротив, прикрывали их атаку от противника, засевшего внутри. В то же самое время, однако, вторая половина армии – те, что присоединились уже в походе и не прошли никакой подготовки – застыла на месте чуть ли не с разинутыми ртами, мешая маневрам своих товарищей и не слушая яростных криков офицеров. Впрочем, по прошествии первого замешательства кинулись врассыпную и они. При этом, хотя в первые мгновения боя они являли собой прекрасные мишени, на земле осталось лежать лишь несколько человек; большинство стрел были направлены не в солдат, а в повозку, на которой ехали Изольда, Кай и четверо офицеров.

– Под повозку! – крикнула Изольда, едва в воздухе просвистела первая стрела; Кай вместе с остальными кувырнулись в грязь, сталкиваясь с солдатами, тянувшими телегу спереди и толкавшими сзади и теперь тоже искавшими укрытия под ней. Кто-то больно наступил Каю на руку кованым сапогом, кто-то споткнулся о его ногу и грохнулся, тяжело брякнув доспехами.

Старый Арсениус, кстати, проявив несвойственную возрасту и статусу ученого мужа прыть, оказался под телегой одним из первых. Впрочем, паническая суета вокруг подводы, под которую офицеры забивались вперемешку с солдатами (а другие солдаты тем временем, становясь на колено вдоль ее левого, дальнего от городской стены борта, уже натягивали луки), тут же сменилась криками: "Госпожа! Где Госпожа?!" Действительно, на земле среди прочих ее не было.

– Я в безопасности! – крикнула Изольда. Она не пожелала прыгать в грязь вместе со всеми и вместо этого растянулась вдоль высокого правого борта, прикрывавшего ее от стрел.

– Щиты! – крикнул кто-то. – Несите щиты, прикройте Госпожу!

– Отставить! – совсем по-военному рявкнула Изольда. – Мне ничего не грозит! Разберитесь с теми, кто напал на нас, быстро и без церемоний! Но только грамотно, попусту под стрелы не лезть, мне не нужны мертвые герои!

Младшие офицеры уже выкрикивали команды, свистели стрелы, кто-то стонал и сдавленно ругался сквозь зубы совсем неподалеку, но Кай не видел боя. Со своей позиции – вжимаясь в холодную грязь между колесами подводы – он мог видеть лишь бурое месиво дороги и тяжелые арбалетные стрелы, которые вонзались в землю, выбивая мутные ледяные брызги, в какой-нибудь паре футов от его головы. Ближе, впрочем, ни одна из них не падала.

Убедившись в последнем обстоятельстве, Кай понял, что не чувствует страха – одно только раздражение. Вызванное не только необходимостью лежать в грязи и ждать, пока кончится бой (в том, что он кончится победой Армии Любви, Кай не сомневался), но осознанием, что нечто пошло не так, притом совершенно непонятным и непредвиденным образом. Кто же на них напал? Неужели Светлые, потерпев фиаско с убийцей-одиночкой, теперь сумели собрать целый полк... ладно, хотя бы взвод людей, не способных любить? В других обстоятельствах Кая бы обрадовала встреча с ними – но только не сейчас. Если бы он мог с ними переговорить... но теперь уже поздно. Теперь их всех перебьют. Почему Изольда даже не попыталась вступить в переговоры? Ведь это именно то, чего она хотела – чтобы Светлые нашли для нее таких людей? И она должна была ожидать, что встреча с ними – как и с самим Каем в свое время – начнется с их попытки ее убить...

Изольда лежала в повозке прямо над ним, и он мог бы окликнуть и спросить ее. Но разговор на эту тему не стоило вести в присутствии других офицеров и солдат. Изольда ведь, насколько Каю было известно, по-прежнему скрывала от них тот факт, что в мире есть хоть кто-то, неподвластный ее чарам. Главное – быть уверенным, что она отдает себе отчет в том, что делает, что ее приказ "разобраться без церемоний" не вызван испугом и злостью... Нет, только не Изольда. Даже если бы она потеряла самообладание на мгновение-другое, она бы уже давным-давно взяла себя в руки. Значит – все просчитано и опять идет по ее плану. Хотя и трудно представить себе, что она сознательно подставила себя – и полезных ей людей в той же повозке – под такой риск. Сколько арбалетных болтов по ним выпустили? Просто чудо, что ни один не попал в цель... Или и не должен была попасть? Те, кто стреляет по ним – такие же рабы Изольды, как и те, кто сейчас рубит их в развалинах города? В том, что влюбленные рабы пойдут на смерть по приказу своей Госпожи, Кай не сомневался, но зачем нужен этот кровавый спектакль? Вряд ли просто для того, чтобы взбодрить уставшую месить грязь и дышать гарью армию...

Еще один тест, подумал Кай с усмешкой. Что ж – лежа в грязи под телегой, самое время поразгадывать изольдовы головоломки.

К тому времени, как прозвучала команда "Отбой!", он знал ответ.

– Дети, Госпожа, – растерянно докладывал пожилой вислоусый капитан. – Мальчишки где-то от девяти до одиннадцати лет. В шлемах, в кольчугах, все, как полагается. Когда я зарубил первого, мне показалось, что против нас воюют карлики. Или, может, ну, гномы какие-нибудь.

Вдруг легенды о Малом Народце все-таки не врут, и маги сумели их призвать. Но это просто дети...

Да, мысленно кивнул Кай. Это был именно тот вывод, к которому он пришел. Никаких гномов, конечно, не существует, как и каких-либо иных разумных нечеловеческих существ, неподвластных магии Изольды. И Светлый Совет использовал тот единственный ресурс, который у него еще оставался. Дети, слишком маленькие, чтобы влюбиться. Конечно, у них не хватило бы сил ни натянуть лук, ни орудовать мечом. А вот крутить ворот легкого арбалета десятилетний ребенок уже способен.

– Наши враги не останавливаются ни перед чем, – печально констатировала Изольда. – Что выглядит особенно показательно на фоне официальных догматов Светлой морали. Сколько их было?

– Мои люди насчитали сорок, Госпожа. Обследование развалин еще продолжается, но вряд ли...

Ну да, подумал Кай, численность пехотного взвода. Или школьного класса... Больше и не имело смысла. Ведь эти мальчишки должны были сидеть в засаде несколько дней, дожидаясь, пока подтянется Армия Любви, и с ними нельзя было оставить ни одного взрослого офицера. Чудо, что удалось сохранить дисциплину хотя бы при такой численности. Будь их больше, они бы разбежались, передрались друг с другом, все, что угодно. А задача их была вовсе не в том, чтобы дать бой двухтысячной армии. Им нужно было поразить одну-единственную цель. И вероятность, что из сорока юных арбалетчиков – наверняка лучших среди всех, кто проходил ускоренную тренировку в последние недели – это удастся хотя бы одному, была чрезвычайно велика. Если только...

– Кто-нибудь выжил? – спросила Изольда.

– Мы следовали вашему приказу, Госпожа. Никто из них не пытался сдаться, они стреляли в нас, уже когда мы ворвались в город и взяли их в клещи...

Да, подумал Кай, из детей получаются самые непреклонные фанатики – достаточно лишь должным образом накачать их пропагандой.

– Я не просила вас оправдываться, капитан. Я задала вам вопрос.

– Шестеро тяжелораненых. Скорее всего, не выживут. Если только... – он просительно посмотрел на Изольду. Однако она сказала не то, что он надеялся услышать:

– Распорядитесь прекратить их мучения.

– Да, Госпожа, – печально ответил капитан.

Кай знал, что ее целительские способности далеки от всемогущества. Это тоже не ее врожденная магия. Вылечить легкую рану или простуду – да, но спасти умирающего Изольда, скорее всего, не могла. К тому же эти дети, даже исцеленные, все равно остались бы ее врагами, которых некуда девать в этой мертвой местности и с которыми некому возиться – а если на кого и тратить силы, то в первую очередь на своих. О чем Изольда тут же напомнила:

– Наши потери?

– Четверо убитых, семь раненых, из них три тяжелых.

– Хорошо. Я посмотрю, насколько им можно помочь. Нашли какие-нибудь запасы еды?

– Не очень много, им бы хватило еще дня на два-три, а нам – ну, сами понимаете.

– А транспортные средства? Лошади, мулы, ослы?

– Нет, ничего такого. И ничего с колесами.

"Им было бы не так-то просто удрать отсюда", – подумал Кай.

Распросить Изольду без свидетелей он смог лишь вечером, будучи приглашенным в ее палатку. "Война войной, а ужин по расписанию." Помимо неизменной жесткой конины последних дней, на ужин в этот раз были поданы и трофейные сладости. Сладости составляли чуть ли не половину всего провианта арбалетчиков – дети есть дети.

– Ты ведь знала обо всем заранее, – произнес Кай без предисловий.

– Да. На сей раз мой агент сумел предупредить меня. Я допускала, что это может быть вброшенная дезинформация, но, как видишь...

– Почему мы просто не обошли этот город стороной?

– Это большой крюк. На севере болота, а к югу до сих пор горят торфяники. Место для засады было выбрано идеально, мы обязательно должны были тут пройти. И если бы мы этого все же не сделали, это подставило бы моего агента.

– Да, свой маг в Светлом Совете, конечно, ценнее, чем жизни сорока детей, не говоря уж о четырех наших солдатах.

– Вот уж не думала, что ты опустишься до типичной моральной демагогии Светлых, – презрительно фыркнула Изольда.

– А кто тебе сказал, что это упрек? – удивился Кай. – Я просто констатирую.

– Кстати, шестерых. Но это все равно хороший счет.

– Что?

– Двое раненых умерли. Остальные завтра смогут продолжать путь на своих ногах.

– Значит, одного тяжелого ты все-таки поставила на ноги.

– Да. Перелив в него силы двух других.

– Хмм... Ну да, конечно. Это тоже было оправдано. Но все-таки, почему, зная о засаде, ты повела нас в ловушку, никого не предупредив? Даже меня...

– Во-первых, я уже сказала – я не была уверена, что это правда, и не хотела никого заставлять дергаться раньше времени. В том числе и тебя.

– Ну знаешь ли, я бы все-таки предпочел знать заранее!

– Не сомневаюсь. Но ждать, когда по тебе начнут стрелять, не подавая виду – это довольно непросто. И даже если бы я сказала только тебе, по твоему поведению и другие могли бы заподозрить, что что-то неладно. А все должно было быть естественно...

– Почему? Только чтобы не выдать – птицам, я так понимаю? – твоего агента?

– Еще и потому, что у многих людей имеются рефлекторные предубеждения против убийства детей. Даже когда эти дети стреляют в них из арбалетов. Если бы мои солдаты заранее знали, кто им противостоит... они бы, конечно, все равно справились с задачей, но наши потери в итоге были бы выше, а не ниже.

– Но, я так понимаю, стрелы в нас летели все-таки не очень естественно? Иначе это было бы чистое самоубийство.

– Небольшое заклинание, разумеется, – улыбнулась Изольда. – По сути, локальная разновидность все той же погодной магии. Воздушный поток, отклоняющий стрелы. Работает неидеально, вблизи от тяжелого арбалетного болта не спасет, но того расстояния, на котором мы были от стен, в общем, хватает. Защитить так всю армию было бы слишком утомительно, я прикрыла только нашу повозку – но, поскольку абсолютное большинство стрел летело в нее, а точнее, в меня, этого было вполне достаточно. Тех, в кого все-таки попали, в общем-то, зацепило случайно – ну и, конечно, кое-кому эти детки все же успели всадить стрелу в упор во время штурма, хотя в клещи их взяли вполне грамотно, учения не прошли даром.

– То есть я мог и не лежать час под телегой в грязи?

– Надежнее было все-таки лежать. Как я уже сказала, это заклинание не дает полной гарантии. Вот если уметь проходить сквозь стены, тогда да – то же самое заклинание позволяет стрелам и мечам проходить сквозь тебя без всякого вреда. Но я не умею.

– Игнус умеет.

– Да, он недаром возглавляет Совет. Он действительно самый сильный маг в Империи и, соответственно, в мире.

– Сама ты, однако, в грязь прыгать не стала! – вернулся Кай к более приземленным материям.

– На то я и Госпожа, не так ли? – усмехнулась Изольда. – Госпожа не может позволить

себе лежать в грязи, даже в золотых доспехах. Все шестеро за бортом повозки бы не укрылись, а для одной меня там место было.

– И все же, может быть, как-то можно было обезвредить этих мальчишек, не убивая их?

– И что с ними потом делать? – пожалала плечами Изольда. – Им внушили, что я – воплощение зла, которое нужно уничтожить любой ценой. Думаешь, мое великодушие перевернуло бы их взгляды? Нет чувства более искусственного, чем благодарность, и великодушие врага вызывает не благодарность, а ненависть. Помилованный чувствует себя униженным. Его не сочли достойным смерти, как воина, с ним обошлись, как с нашкодившим котенком... Ну или, как вариант – не ненависть, а презрение, презрение к слабости мякотелого врага, которого не грех ударить в спину, раз уж он так глуп, чтобы ее подставить... А нам, как ты сам можешь видеть, сейчас не до возни с пленными. У Армии Любви вообще не может быть пленных, у нее могут быть только добровольно присоединяющиеся ликующие сторонники...

– Значит, теперь имперская пропаганда ославит тебя еще и как детоубийцу.

– Да, – спокойно ответила Изольда, откусывая от пирожного, – это тоже входило в их план. В лучшем случае удастся убить меня, в худшем – объявить, что я убиваю детей. И знаешь что? Я уверена, что даже если бы мы отпустили этих мальчишек и велели им уходить с нашей территории, им бы не позволили вернуться живыми. Коль скоро не выгорел лучший вариант, так уж хотя бы утешительный худший должен сработать, не так ли? А уж кто именно расстрелял бы их где-то на границе мертвых земель – поди доказывай... Так что хорошего выхода для них все равно не существовало. А мне, в общем-то, все равно, что вещает обо мне имперская пропаганда – меня будут любить в любом случае. А с некоторых пор, полагаю, чем больше меня демонизируют, тем больше у меня сторонников.

Два дня спустя в качестве подтверждения ее слов Армию Любви встретил обоз с провиантом. Его сопровождали восемь возниц и полторы дюжины имперских кавалеристов – естественно, дезертиры. Командовавший ими капрал с грубым, кирпичного цвета лицом объявил, что они прорвали кордоны (по его словам, это было несложно, ибо имперская гвардия, уже который день подряд только и делающая, что отступающая, не видя противника, и воюющая с собственным народом, разваливается на ходу) и прибыли, чтобы служить Изольде – прибыли не с пустыми руками, зная, что путь Армии Любви через выжженные земли был тяжел. Изольда спокойно поблагодарила своих новых подданных и потребовала коня; капрал тут же уступил ей своего. Легко взлетев в седло, она поехала вдоль тяжело груженых телег, содержимого которых теперь уже должно было с лихвой хватить до самой столицы. Однако взгляд ее скользил не только по мешкам, коробам и бочонкам. На какой-то миг он задерживался на лицах каждого из новых поклонников (млевших и от такого мимолетного внимания) – и вдруг, что-то почувствовав, Изольда натянула удила, разворачиваясь к телегам обоза правым профилем.

Статный красавец-кавалерист, сидевший в седле напротив нее с другой стороны телеги, вздрогнул.

Изольда расплылась в улыбке.

– Я знаю, кто ты, – сказала она, – и я знаю, зачем ты...

Договорить она не успела. Лицо красавца исказилось, и он со всей силы саданул шпорами бока своего жеребца, посылая того в головокружительный прыжок прямо через груженую повозку. Еще до того, как передние копыта коня расплескали жидкую грязь, кавалерист выбросил правую руку вперед, пытаясь схватить отшатнувшуюся Изольду...

Две тяжелые арбалетные стрелы одновременно пробили его кирасу, третья вошла прямо в глаз. Брызнула кровь, но ни одна ее капля не попала на Изольду. Мертвец повалился в грязь к копытам ее коня.

– Дур-рак, – пробормотала Изольда с отвращением и сожалением одновременно.

На телеге хрипел возница со стрелой в горле, ставший жертвой промаха еще одного стрелка. Десятки арбалетов и луков уже были нацелены на остальных обозников. Те растерянно

и испуганно озирались, некоторые подняли руки.

– Не стрелять! – крикнула Изольда. – Он тут был... один такой.

Подошел обеспокоенный Кай, посмотрел на труп на земле.

– Как видишь, не все из нас достаточно умны, – печально сообщила ему Изольда. – Надо же, столько времени ждать еще хоть одного...

– Он не прошел тест, – напомнил Кай. – Он был бы плохим советником.

– Разумеется. Смазливое личико и мозги солдафона. Воображаю, как бесились девки, тщетно пытаясь добиться его внимания.

– Возможно, он и уделял им таковое, чтобы не выделяться среди сослуживцев, – заметил Кай. – То, что нам это не нужно, не значит, что мы этого не можем.

– Тогда он дважды дурак.

Окружающие так и не поняли, что произошло. В их глазах наглец просто поплатился за излишнюю пылкость (и совершенно, по их мнению, справедливо).

Еда, разумеется, оказалась отравленной. Но не вся, а лишь примерно пятая часть. Расчет строился на том, что скорее всего первые пробы окажутся безвредными, что внушит доверие к остальному содержимому – очередь до которого все равно дойдет раньше, чем армия достигнет столицы. Но здесь организаторы операции перестарались – им не следовало посылать убийцу и отраву в одном и том же обозе.

Все прочие члены обозной команды действительно не знали, что кавалерист, подбивший их изменить присяге, сам действовал как раз в соответствии с таковой, и что легкость, с которой они угнали обоз через кордоны, не была случайной. Всех их разыграли втемную, все они теперь искренне любили Изольду и мечтали загладить свою вину (Госпожа не объяснила им, кем был их товарищ, но сказала про яд).

Сортировать имперские "гостинцы" на годные и негодные не стали – пришлось бы просеивать буквально каждую крупинку и зернышко, к тому же существовал риск нарваться на какую-нибудь новую отраву, неизвестную Арсениусу (уж Кай-то хорошо знал, что такие яды существуют). Все вывалили в грязь – исключая фураж для лошадей. Да, теперь у них, по крайней мере, снова были лошади (хотя и не слишком много) вместе с кормом для них, и Изольда могла продолжать путь верхом (Кай от этой привилегии отказался, заявив, что в повозке чувствует себя куда комфортнее), и солдатам теперь уже гораздо реже приходилось толкать телеги вручную. Более того – хотя прежние конные разведчики, посланные искать корм для лошадей на предельное расстояние, так и не вернулись, очевидно, не справившись со своей миссией, теперь Армия Любви обрела новых.

Да и вообще двигаться вперед стало легче. Практически все, что могло гореть на много миль вокруг, уже догорело, воздух не обрел пряной осенней свежести, но, по крайней мере, очистился, и хотя окружающий пейзаж по-прежнему являл собой печальную и мертвую пустыню, солнце не по-осеннему весело светило с почти безоблачного неба. А на следующий день их нагнал большой конный отряд из тыла, привезший на спинах лошадей первую партию продовольствия, доставленную через наконец наведенную через Обберн переправу. Солдаты, и прежде в присутствии Изольды не терявшие бодрости духа, теперь повеселели куда сильнее, чувствуя себя героями-победителями, мужественно преодолевшими все трудности во славу своей Госпожи и даже выигравшими настоящий бой (с кем именно, не столь уж важно, тем паче что стрелы там летели вполне настоящие). Даже вчерашние крестьяне, все участие которых в этом единственном бою свелось к тому, чтобы сперва застыть столбом, потом броситься наутек, а потом, отбежав на безопасное расстояние, ждать, чем все кончится, теперь ощущали себя доблестными ветеранами и уже заранее смотрели свысока на всех "не нюхавших войны" штатских, коим они будут снисходительно рассказывать о своих подвигах (как и планировала с самого начала желавшая "выстраивания неформальной иерархии" Изольда) До столицы, если смотреть по карте, оставалось уже немного – но дороги все равно оставались сплошным

месивом грязи, и на практике путь должен был занять еще не один день.

Больше никто не пытался оказывать им сопротивление. Лесные края – теперь уже бывшие – остались позади, в густонаселенной столичной области практически все леса были вырублены уже давно; не было и обширных пастбищ и лугов, практически вся земля здесь была распахана и возделана. Соответственно, осенью, когда яровые уже убраны, а озимые не взошли, гореть за пределами населенных пунктов было нечему, и местность выглядела не так inferнально, как та, по которой они двигались еще недавно, хотя и не сказать, чтобы весело – обычные бурые осенние поля с торчащими кое-где кустиками и редкими деревцами, уже лишившимися листвы, раскисшая дорога, лужи, по утрам подергивающиеся ледком, хрустевшим под копытами и колесами. Но все особенно многочисленны в этом краю города, городки и деревеньки лежали в руинах точно так же, как и на всем протяжении пути к востоку от Обберна. Нигде не было ни единой живой души – в этой ровной, как стол, безлесой местности беглецам негде было даже спрятаться от карателей – а вот мертвецы попадались все чаще. Брошенные без погребения трупы, расклеванные воронами и объеденные голодными, оставшимися без хозяев собаками, гнили и среди развалин, и в полях, и прямо посреди дороги, растоптанные в кашу прошедшей по ним толпой. Здесь были и беженцы, не выдержавшие тягот пути (в основном старики и дети), и солдаты – лоялисты и дезертиры, сцеплявшиеся друг с другом, и ополченцы из местных жителей, пытавшиеся уже не просто бежать и прятаться от "эвакуаторов", а защищать свои дома и селения с оружием в руках. Чем ближе к столице, тем масштабнее были следы организованного вооруженного сопротивления; в некоторых батальях принимали участие тысячи человек – больше, чем вся нынешняя Армия Любви, в которую они хотели влиться (или, скорее, даже и не хотели, а просто рассчитывали продолжать мирную и спокойную жизнь "под Изольдой", не особо задумываясь, каково это – быть обреченным всю жизнь пылко любить одну женщину без надежды на взаимность; во всяком случае, такая перспектива определенно казалась им лучше, нежели лишиться домов и нажитого поколениями имущества и шагать в подгоняемой толпе на восток, чтобы где-то там сдохнуть от голода и холода в переполненном лагере). Тем не менее, их отчаянное сопротивление было обречено, ибо им противостояли не только мечи и стрелы регулярной армии. Изольда говорила, что до сих пор улавливает на местах боев остаточные эманации магических ударов. Все прочие чувствовали лишь иные "эманации", исходившие от сотен и тысяч гниющих под открытым небом трупов, и старались побыстрее проходить такие места, прижимая к носу какую-нибудь тряпку или дыша через рот.

Место очередного привала вызвало у Кая смутное неприятное чувство – хотя нельзя сказать, что и предыдущие их стоянки наполняли его оптимизмом; но теперь, присмотревшись к окружающему пейзажу, он понял, что прежде здесь располагалась та самая станция, где он не спас девочку Элли. Ныне это место трудно было узнать. От построек остались одни головешки. Мост был разрушен, как и запруда; пруд вытек, оставив лишь россыпи влипшего в жирный осклизлый ил мусора, годами скапливавшегося на дне. Карпы, соответственно, тоже исчезли. От живописного водоема и водопада остался лишь мутный ручей, текущий по дну грязной ложбины. Внизу валялась опрокинутая карета без одного колеса; вода вливалась в одну ее дверцу и вытекала через другую.

– Ты не хотела доскакать галопом до столицы за пять дней, – сказал Кай Изольде, стоя на краю бывшей речки и глядя на мусор и грязь внизу. – Ты хотела дать Светлым время показать, на что они способны. Ты довольна?

– Да, – спокойно ответила она. – Разрушенные дома мы отстроим заново. А разрушенную репутацию Светлых не восстановит уже ничто. Теперь уже даже ярым их сторонникам будет трудно ответить на вопрос, чем они, собственно, лучше Темных и чем вообще от таковых отличаются? Только тем, что накладывают больше запретов?

– Вроде того, – усмехнулся Кай. – Если не вдаваться в магические тонкости, в которых я

не разбираюсь, то идеологию Темных я бы охарактеризовал так: "Стремись к чему хочешь, делай что хочешь, но будь готов заплатить цену и отвечать за последствия. Нет ни добра, ни зла – хорошо то, что способствует достижению цели, плохо то, что препятствует. Общество – лишь средство достижения целей личности." А идеология Светлых – "Не смей не то что делать, но даже желать того, что противоречит нашей морали, постулирующей, что добро и зло абсолютны, а общество важнее и выше личности."

– Ну да, – кивнула Изольда, – и магические различия, о которых ты упомянул, в общем-то из этого и вытекают. Темных тоже не стоит идеализировать, ради удержания личной власти они бы тоже не погнушались уничтожить полстраны... но они, по крайней мере, не прикрывали бы это демагогией об общественном благе.

– А ты? – усмехнулся Кай. – Ты желаешь воцариться над миром ради личной власти или общественного блага?

– Ни то, ни другое. Первое – средство, второе – побочный эффект. А цель – жить в разумно устроенном мире, где ничья глупость не будет осложнять мою жизнь. Я не сказала – где глупости не будет вовсе, это, допустим, невозможно, но где она будет служить, а не господствовать. К сожалению, я не знаю иного способа оказаться в таком мире, кроме как построив его самостоятельно, и иного способа построить его, кроме как получив над ним абсолютную власть. Каковая все равно обеспечивается самой моей природой, хочу я этого или нет.

– Хочешь, – холодно констатировал Кай.

– Ты знаешь, как я пыталась от этого отказаться, – она нарушила их неписанный этикет и резко повернулась к нему правым профилем. – Но теперь... теперь да, хочу.

Через два дня они подошли к столице.

Они уже знали, что увидят, ибо весь последний день пути наблюдали черный дым над горизонтом. Величайший город Империи, который придворные поэты традиционно именовали "вечным" и "несокрушимым", горел уже несколько дней, но он был так велик, что огонь все еще находил себе пищу. На протяжении веков – даже еще до Объединения, а уж тем более после – сюда съезжались лучшие архитекторы, скульпторы, художники, чтобы украсить город сообразно своим талантам; столичные музеи хранили самые обширные коллекции произведений искусства, а также древностей и редкостей, со всего мира, включая дикие заморские земли и континент, утопленный в финальной битве с Вольдемаром, а Императорская библиотека и Императорский архив считались самым полным собранием книг, рукописей и документов, прослеживающих историю чуть ли не с момента появления письменности. Помимо государственных хранилищ, и многие частные дома и дворцы, где проживали богатейшие люди Империи, могли похвастать роскошью убранства и изобилием художественных и книжных коллекций. Столица славилась своими парками, где росли деревья и кусты, собранные опять-таки со всех концов света; столичный зверинец также не имел себе равных. Свой вклад в богатство и славу столицы вносили и многочисленные искусные ремесленники – ткачи и портные, стеклодувы и краснодеревщики, ювелиры и печатники...

Что-то из всего этого – особенно, очевидно, хранившееся в государственных учреждениях – наверняка успели и сумели эвакуировать, несмотря на весь хаос, создаваемый многотысячными толпами беженцев и паникой местного населения, прожившего (как и поколения их предков) всю жизнь в твердой уверенности, что столица – самое стабильное и безопасное место в мире. Остальное же... остальное теперь оседало на окружающую город равнину пепельным снегом, идущим из черных дымовых облаков. Впрочем, эти медленно шевелящиеся клубы черного дыма, подсвеченные снизу красно-оранжевым, тоже смотрелись по-своему красиво и величественно...

Изольда не стала любоваться зрелищем. Она вызвала дождь.

Понадобился более чем трехчасовой ливень, чтобы окончательно загасить пожары и остудить раскаленные камни. Когда постепенно развеялся сизый туман, образованный паром вперемешку с частичками сажи и пепла, и бурлящие ручьи смыли большую часть копоти с мостовых, в город, соблюдая все меры предосторожности, вошли разведчики. Затем – основная армия.

Практической необходимости в этом не было, а риск ловушек – причем еще более хитрых и многочисленных, чем прежде – был очевиден. И все же Изольда не удержалась. В отличие от Кая, прожившего в столице не один год, она никогда прежде не была здесь (как и абсолютное большинство ее воинства) и должна была вступить в Вечный город хотя бы даже и после его смерти. Впрочем, в отличие от ранее пройденных ими городов, разрушенных практически до основания, в столице сохранилось довольно много каменных зданий, особенно в центральном районе. Сила огня была такой, что даже каменные своды трескались и обваливались от жара (а тем, что пережили несколько дней в огне, "помог" обрушившийся на них холодный ливень), но стены гордых дворцов, выстроенных не то что на века – на тысячелетия, по большей части выстояли. Золотые купола и шпили расплавились, и бронзовые статуи тоже, но мраморные – в разводах копоти, порою лишившиеся части конечностей – все еще стояли.

Как ни удивительно, но в огненном аду сумели уцелеть и некоторые люди. Они спаслись, спрятавшись сперва от "эвакуаторов" (действовавших, впрочем, уже далеко без прежней тщательности – на прочесывание и выявление уклонистов в забитом испуганными и злыми толпами городе не было ни сил, ни времени), а затем от пожаров в катакомбах глубоко под городом. Группу из двух дюжин выживших (восемнадцать мужчин и шесть женщин самого разного возраста, происхождения и комплекции), только что выбравшихся на поверхность, обнаружили разведчики возле императорского дворца. По иронии судьбы они, несколько дней успешно укрывавшиеся от неистовства огня, чуть не погибли от положившей ему конец воды, хлынувшей в подземные коммуникации. Двое детей все же захлебнулись из-за маленького роста, но остальным все-таки удалось выбраться из заливаемых дождевыми потоками туннелей. Они стояли, мокрые и грязные, и, щурясь от дневного света, от которого успели отвыкнуть, смотрели, едва веря своим глазам, во что превратился город, который они еще совсем недавно видели во всем его блеске и величии. Одна из женщин плакала, это была мать утонувшего мальчика (родителей второго захлебнувшегося среди выживших не было, он потерял их в суматохе эвакуации); другая, беременная, пыталась ее утешить, но та лишь зыркала на нее злобно сквозь слезы – "твой-то ребенок будет жить!" Вскоре все они предстали перед Изольдой.

– Кай! – позвала она. – Иди сюда, я хочу тебя кое с кем познакомить.

"Неужели и ее магический агент здесь?" – подумал Кай, подъезжая и вежливо спешиваясь (в городе он все же сел в седло, ибо завалы мусора и обломков на улицах мешали проехать повозкам). "Светлый Совет, должно быть, был в ужасной панике, если позволил улизнуть одному из своих..."

Рядом с Изольдой, также спешившейся, стоял низенький, чуть выше ее плеча, полноватый старичок в мокром и рваном, но некогда определенно дорогом камзоле. У него была большая голова на очень короткой шее и длинный нос, уставленный вперед, словно обвиняющий палец. Слегка вдавленная макушка была совершенно лысой, но над ушами пышно топорщились седые вихры, не пострадавшие от воды. Несмотря на жалкое состояние своего костюма, вид старичок имел чрезвычайно чопорный и гордый и, будучи на голову ниже Кая, казалось, умудрялся смотреть на него сверху вниз. Больше всего он напоминал пингвина, которого Кай когда-то видел в столичном зверинце (уцелела ли теперь в Империи хоть одна из этих редких птиц?)

– Кай, это Антониус Цверг. Мастер Цверг, это Кай Бенедикт, поэт и мой советник.

Старичок, не теряя достоинства, слегка наклонил голову. Повязка на лице Бенедикта его, похоже, ничуть не удивила – вероятно, он счел ее мерой против дыма и копоти, или даже вообще

не заинтересовался этим вопросом. Кай коротко поклонился в ответ, несколько задетый тем, что Изольда назвала лишь его род занятий. Типа, поэта Бенедикта можно и не знать, но вот кто такой Цверг, обязан знать каждый! Эта фамилия действительно была Каю знакома, но, кажется, никакого отношения к магии она не имела...

Цверг тем временем, сочтя, как видно, формальную церемонию представления исчерпанной, продолжил прерванный диалог с Изольдой:

– Это не было слишком сложно. Уж кто-кто, а я катакомбы под дворцом знаю, как свои пять пальцев...

И тут Кай вспомнил.

– Так вы тот самый Антониус Цверг, архитектор нового корпуса Императорского дворца?

Как раз у подножия цвергова детища они и стояли в этот момент. Широкая мраморная лестница, заваленная недогоревшими головешками, вела вверх к пустому стрельчатому проему, где прежде высилась двустворчатая дверь красного дерева, украшенная девятью рядами объемной резьбы на исторические темы. В те времена для прохода служила лишь центральная часть лестницы, а по левой и правой сторонам каскадами струилась вода, по ночам подсвечиваемая огнями изнутри. Сейчас со ступеней тоже капала вода – дождевая, все еще грязная от сажи.

– Корпуса дворца, – с достоинством кивнул Цверг, – нового здания Императорской библиотеки, Пантеона Светлых Добродетелей, Башни Мудрых, Мемориала Объединения, обсерватории Императорского университета, особняка купцов Зюсскраутов, ратуши в Тирпельсхольме, отделений банкирского дома Айзенбахов в Домсбурге и Шармборо, оперного театра в Кальтерио, стадиона в Гуке, особняка Люменто...

– И замка Фламмештайн, – с улыбкой закончила Изольда.

– Вот как? – удивился Кай. – Мне, хм, говорили, что он возведен и стоит благодаря магии, – то, что Цверг не был членом Светлого Совета, Бенедикт знал совершенно точно.

– Еще чего не хватало, – отрезал архитектор. – Строить с помощью магии может каждый дурак, если его, конечно, угораздило родиться с соответствующими способностями... проблема только в том, что такое строение не переживет своего создателя. Но только истинный мастер сумеет спроектировать здание, которое простоит века, опираясь исключительно на законы физики – но выглядя при этом так, словно его архитектор вовсе не должен был о них задумываться! Магию можно использовать разве что во вспомогательных целях – чтобы ускорить сам процесс строительства, который иначе мог бы затянуться на десятилетия... но не для того, чтобы заставить здание стоять!

– Мне говорили, – повторил Кай, – что даже одна спиральная колонна Фламмештайна не устоит под собственной тяжестью.

– Одна, разумеется, не устоит, – покровительственно кивнул Цверг. – Но все вместе, опираясь друг на друга, они образуют исключительно прочную и к тому же сейсмостойкую несущую конструкцию.

Кай выразительно посмотрел на Изольду. Та спокойно улыбнулась в ответ. "На тот момент это была разумная предосторожность, не так ли?"

– Скажу не хвастаясь, – продолжал меж тем Цверг, не замечая этого обмена взглядами, – это было самое остроумное архитектурное решение за последние сто лет... а возможно, и за больший срок. Не этот дурацкий дворец, за который меня столько славили профаны, – Цверг пренебрежительно махнул рукой на каменную громаду у себя за спиной, даже и сейчас, с пустыми черными провалами вместо дверей и витражных окон, в разводах копоти, сохранявшую величественность. – Император – напыщенный осел. Я предлагал ему по-настоящему достойный проект с висячими садами, по которым струилась бы искусственная река с водопадами, и яйцеобразным прозрачным куполом, вознесенным над городом... конечно, это потребовало бы и серьезной перестройки старого дворца для обеспечения гармоничного

перехода от одного стиля к другому, но, можно подумать, в императорской казне мало золота... однако он потребовал строить "в строгой классической манере". Что ж, я сделал для него то, что он хотел... максимум, что можно было выжать из стиля, устаревшего еще триста лет назад... но моя вершина, мой истинный шедевр – это, конечно, Фламештайн. Увы, его видело гораздо меньше народу, чем дворец и прочие сооружения в столице; к тому же, как я понимаю, до сих пор мое авторство не афишировалось из политических соображений. Впрочем, меня вдохновляла самая прекрасная заказчица в мире, и ее одобрение значит для меня куда больше словесных похвал толпы невежд, не имеющих понятия о вкусе... – старичок с обожанием посмотрел на Изольду, и выражение его лица столь стремительно сменилось с надменного на заискивающее, что Кай еле сдержался, чтобы не скривиться от отвращения.

Подошли солдаты с одеялами и плащами; Цвергу и остальным спасшимся, смущенно переминавшимся в мокрой одежде на холоде чуть поодаль, определенно нужно было переодеться, обсушиться и согреться. Архитектор велел своей разношерстной группе (все дни в катакомбах этот маленький пухленький старичок командовал этими людьми, поначалу растерянными и испуганными, с такой же твердостью, что и своими рабочими на стройке) идти во дворец, где сделать все это было, конечно, удобней, чем на улице. Изольда крикнула им, чтобы не заходили далеко – разведка еще не закончила обследование дворца на предмет ловушек.

– Значит, на самом деле Светлые вовсе не посылали меня на гарантированную смерть, – констатировал Кай, обвиняюще глядя на Изольду, когда они остались наедине.

– Кто знает, – спокойно ответила та. – Во всяком случае, мертвый ты им был бы удобней, чем живой – после того, как выполнил бы свою миссию, разумеется. И рухнувший на голову замок – не единственный способ это обеспечить, как ты понимаешь.

– В чем еще ты мне солгала?

Изольда на несколько мгновений задумалась, словно перебирая в уме их прошлые разговоры.

– Больше ни в чем, – сказала она. – Кай, ну не дуйся. Ты ведь понимаешь, что это было разумно. И никто не заставлял меня признаваться сейчас. Но я сама захотела, чтобы между нами больше не было тайн.

– Я прошел все тесты?

– Полагаю, да.

– Значит, больше никаких сюрпризов?

– Кроме разве что тех, что нам еще преподнесет противник.

– Они будут?

– По всей видимости, будут, – признала Изольда. – Я надеялась, что им не удастся эвакуировать столицу. Что сотни тысяч человек, собравшиеся здесь – и согнанные сюда насильно! – взбунтуются, и бунт такой силы не смогут подавить даже маги. Что все, что им останется – бежать, прихватив с собой Императора. Но, как видишь...

– То, что люди массово бегут от любви, все еще внушает мне некоторую надежду, – усмехнулся Кай.

– Их гонит страх, а вовсе не стремление к свободе и разуму. Страх перед пропагандой и карателями. И перед самими магами, конечно.

– Да уж. Перед Светлыми защитниками добра.

– Ну да, ты же знаешь, добро – это, по определению, то, что Светлые называют добром, – усмехнулась Изольда. – И неважно, сколько народу надо ради этого добра убить.

– И сколько поработить ради свободы, – не удержался Кай.

– Не начинай снова, – поморщилась Изольда. – Мы обсуждали это уже много раз.

– Ладно, – согласился Кай. – Куда они ушли теперь? Дальше на восток?

– Это мы скоро узнаем. Миллионная толпа оставляет за собой очень много следов.

– Я вообще сомневаюсь, что такую толпу можно контролировать и снабжать всем

жизненно необходимым. На их месте я бы уводил людей из столицы в разные стороны. И им гораздо проще, и нам придется выбирать, за кем гнаться.

– Скорее всего, так они и поступили. Причем бОльшая часть магов – а может, и все они, если у них еще есть какой-то план помимо тупого бегства – направилась не туда, куда основные потоки беженцев.

– А что сообщает твой агент?

– Ничего. С тех пор, как нас атаковали дети, мне больше ни разу не удалось с ним связаться. Или, скорее, ему со мной.

– Это значит, что все предосторожности были напрасны?

– Не знаю. Возможно, за ним просто слишком плотно следят.

Подошел офицер разведчиков, козырнул.

– Нашли какие-нибудь ловушки? – спросила Изольда.

– Пока нет, Госпожа. Новый корпус императорского дворца, по всей видимости, безопасен. Продолжаем искать.

– Не нравится мне это, – качнула головой Изольда, когда офицер отошел.

– Что? Отсутствие ловушек?

– Да. Равно как и преднамеренных разрушений, не вызванных огнем, как в других городах.

– Вероятно, им было просто не до этого. Я вообще удивляюсь, как они сумели эвакуировать такой огромный город. Честно говоря, впервые почувствовал к ним что-то вроде уважения – как к врагам, разумеется. Хотя, – мрачно добавил Кай, – за сожженные библиотеки и музеи прощения им не будет никогда. Но ловушки и разрушенные дома... они ведь уже могли убедиться, что нас это не остановит.

– И тем не менее, продолжали с тупым упорством устраивать это в каждом городе. А теперь вдруг нет. Может быть, ты прав, и у них просто не дошли руки. А может, у них появилась идея получше.

Несколько часов тщательного обследования центрального района так и не выявили никаких ловушек. Теоретически, конечно, таковые еще могли обнаружиться в остальных районах города, но смысла устраивать их там не было никакого – было вполне очевидно, что если Армия Любви вообще станет входить в сгоревшую столицу, то она направится именно в центр, к более-менее уцелевшим дворцам, а не будет рыскать среди груд развалин на окраинах.

Однако разведчики обнаружили кое-что другое. Более странное... и даже зловещее.

Рядом с новым мемориалом, воздвигнутым Цвергом в честь трехсотлетия объединения всех цивилизованных земель под властью Империи, располагался старинный Пантеон Героев – место последнего упокоения самых прославленных рыцарей и полководцев времен войны с Вольдемаром и последовавших за ней Объединительных войн. Никто не тревожил их кости уже больше четверти тысячелетия, с тех пор как был погребен последний из них, скончавшийся в своей постели в почтенном восьмидесятишестилетнем возрасте. Теперь их могилы были вскрыты, останки – исчезли.

– Ты понимаешь, что это значит?

Малая трапезная дворца, где некогда Император вкушал пищу в одиночестве или в обществе самых близких людей, не считая музыкантов и слуг, теперь, разумеется, являла собой далеко не столь уютное зрелище. Вместо великолепных фресок стены и потолок покрывали лишь разводы копоти, на смену мебели из драгоценных пород дерева, головешки от которой до сих пор валялись по углам, пришел складной походный стол и два табурета, разбитое окно, на полу под которым все еще сохла грязная лужа, затянули брезентом, а вместо роскошной люстры о тысяче хрустальных подвесок помещение освещала лишь закопченная пылающая жаровня. Ее колеблющееся пламя мерцало в левом главу Изольды, требовательно устремленном на Кая.

– Некромантия? Но это невозможно! Светлые... для них же... все, что угодно, только не это!

– Сколько официальных принципов своей морали они уже нарушили?

– Да, но там еще можно было оправдываться по принципу "меньшее зло" и "цель оправдывает средства". А это – это же самый фундамент их идеологии! Прибегнув к некромантии, они автоматически теряют право называться Светлыми!

– Значит, оно для них не столь важно, как удержание власти, – усмехнулась Изольда. – Во всяком случае, ты можешь предложить другое объяснение? Зачем еще им могли понадобиться древние кости? Ведь не из опасения же, что мы собираемся их осквернить.

– А почему бы и нет, кстати? Конечно, у них хватало куда более важных забот. Но для идеологизированных диктатур вообще характерно уделять чрезвычайное внимание символам – нередко большее, чем действительно важным практическим вопросам... причем особенно в моменты кризисов, когда, казалось бы, всю эту шелуху тем более нужно бы отбросить подальше. И потом... тут могут быть и практические соображения. Что, если они не собираются оживлять эти останки сами, а всего лишь хотят лишиться такой возможности тебя?

– Я этого не умею.

– Они не могут быть в этом уверены.

– Да и главное – зачем это мне? Моя собственная сила позволяет мне подчинить любую армию, любое количество человек, оказавшихся достаточно близко. Что мне проку от пары дюжин зомби?

– А им что за прок? Да, я понимаю, что на зомби твои чары не действуют. Но если их всего пара дюжин – пусть даже при жизни они и были великими героями...

– Лиха беда начало. Они ведь, я имею в виду Светлый Совет, тоже раньше никогда не занимались некромантией. Им надо на чем-то тренироваться. А натренировавшись на этих, они смогут набрать себе по кладбищам целую армию... Смерть против любви, – усмехнулась Изольда. – Ты, как поэт, должен оценить.

– Зажеванный штамп, – отмахнулся Кай. – Хотя, конечно, столь буквальное его воплощение вносит новую струю... Но в таком случае, зачем брать для тренировки останки прославленных героев из главного столичного мемориала? Мало, что ли, теперь валяется вокруг безымянных трупов? Тебе не кажется, что это сделано демонстративно, именно для того, чтобы ты подумала то, что подумала?

– Зачем? Дать мне лишний повод для обвинений в их адрес?

– Очевидно, пустить тебя по ложному следу и отвлечь от истинного плана.

– Который состоит в...?

– Не знаю, – пожал плечами Кай. – Откуда мне знать, я не маг. Может быть, Светлые тут вообще ни при чем. Может, во время массового исхода из города гробницы разграбили мародеры, искавшие драгоценности...

– Мародеры забрали бы драгоценности, но не сами кости.

– Логично, – вынужден был согласиться Кай. – Ну ладно, что мы знаем о зомби? Точнее, что ты знаешь о зомби, потому что я не знаю о них почти ничего, кроме того, что это оживленные мертвецы и что их массовое использование было одним из самых страшных грехов, вмененных Вольдемару.

– Термин "оживленные" не совсем точен. Правильно говорить – "ремобилизованные" или, на жаргоне Темных, "поднятые". Тело можно восстановить, если сохранился скелет, но живым оно не является. Фактически оно сразу же начинает снова разлагаться, хотя этот процесс можно приостановить, если кормить зомби сырым мясом и свежей кровью. Ну и, конечно, скорость разложения зависит от температуры, как у любого покойника. Но слишком холодно для зомби тоже плохо – на морозе он смерзается в монолит, опять же как любой труп, и теряет способность двигаться. Никакие раны и повреждения у зомби не заживают, но, правда, и боли

он не чувствует. Как и усталости. Он просто... изнашивается. Скажем, если отправить зомби в марш на тысячу миль, он будет идти, не останавливаясь, пока ступни не протрут до костей и не сотрутся коленные суставы. Но, пока разложение и износ не сделали свое дело, ни по силе, ни по скорости зомби не уступает тому, кем был при жизни. Но вот ментально зомби – лишь бледная тень прежнего человека. Сохраняются физические навыки, какая-то примитивная память, но не интеллект. В грубых аналогиях, получается что-то среднее между маразматиком и дрессированным животным. Скажем, если сделать зомби из тебя...

– Спасибо!

– Ну понятнее же всего объяснить на самом близком человеку примере. Так вот, он сможет ходить, самостоятельно одеваться, ездить на лошади... хотя вообще лошади мертвецов не любят. Но это только живые лошади. А из мертвой лошади тоже можно сделать зомби, и тогда у нее не будет проблем с мертвым всадником... Так вот. Фехтовать он тоже сможет в той мере, в какой это умеешь ты. И даже будет откликаться на имя "Кай", понимать и произносить простые фразы. Но писать стихи уже точно нет. Даже самые примитивные. И не сможет научиться ничему новому, даже самому простому.

– Почти идеальный подданный Светлых получается, – усмехнулся Кай. – Даже странно, что до сих пор они это так яростно отвергали. Но, – продолжил он серьезно, – насколько я понимаю, армия зомби хоть чего-то стоит, только если ей командуют живые командиры. А никто живой не может приблизиться к тебе и остаться твоим врагом... или ты думаешь, они нашли еще кого-то из наших?

– Может быть, нашли. Может, надеются найти. А может, рассчитывают, что зомби тупо задавят нас массой даже без живых командующих. Это, в принципе, возможно, если удастся заманить нас в окружение или еще какую-то ловушку, где у нас не будет свободы маневра...

– Если я правильно понял, с массой у них могут быть проблемы. Просто "набрать армию по кладбищам" у них не получится. Равно как и, скажем, устроить резню беженцев, которых они сейчас куда-то гонят, как скот. Если человек не держал оружия в руках при жизни, после смерти из него солдата уже не сделать. Теоретически, конечно, можно устроить массовый забой действующей армии. Но вряд ли даже самые лояльные имперские солдаты отнесутся к такой перспективе с пониманием – а у них есть оружие, и они будут сопротивляться. Значит, Светлым – или уж не знаю, как их теперь называть – нужны не просто могилы, а воинские захоронения. Тогда логично, что они начали с первого, которое было у них под рукой – с того самого пантеона, пускай он и невелик. Курочка по зернышку... Постой, а в каком состоянии восстанавливается тело при... ремобилизации? Ну, возраст у него будет какой?

– Примерно как на момент смерти. Можно чуть омолодить, но не сильно.

– О! А ты в курсе, кто вообще был погребен в Пантеоне Героев и какие у них биографии?

– Это ты у нас столичный житель, – усмехнулась Изольда.

– Так вот там только пятеро павших на поле боя. Остальные умерли уже во вполне преклонном возрасте. В генеральских чинах.

– То есть в качестве полевых рубак толку от них будет немного. По-твоему, их хотят использовать именно как командующих? Мертвые генералы для мертвой армии? Но это же не сработает. Генералу нужно думать головой, а с этим у зомби...

– Хватало в истории вполне живых генералов, у которых с головой было не лучше, – усмехнулся Кай. – С набором команд "Вперед!" и "Ура!" Конечно, стратегическими гениями они уже не будут, но повторять шаблонные действия, которые были им привычны при жизни, наверное, способны. Или, по крайней мере, маги на это надеются. Особенно если им удастся накопать для своей армии достаточно трупов с боевым опытом... – Кай вдруг остановился. – И я знаю, где они их возьмут, – мрачно заключил он.

– Где?

– Ты помнишь, что находится всего в трех переходах на юго-юго-восток от столицы?

– Какое-то кладбище?

– Еще какое. Пелльрондское поле.

– Признаюсь, я не особо сильна в военной истории. Там, кажется, была какая-то битва?

– Удивительно, как тебе не прожужжали ею все уши еще в школе.

– Я не училась в школе. Отец дал мне частное образование. И он не считал, что девушке нужны знания о войне.

– Пелльрондская битва, она же Битва Великого Перелома, как ее чаще называют имперская пропаганда – ключевое сражение войны с Вольдемаром. Именно там было остановлено наступление его войск на столицу – тогда еще столицу не Империи, а самого сильного из королевств антивольдемаровской коалиции. Там были перемолоты его лучшие части и погибли сам командующий экспедиционным корпусом и оба его заместителя, все трое – сильнейшие подчиненные Вольдемару маги. Оставшееся без магической поддержки войско, даже все еще превосходившее противника численно, обратилось в бегство, но главное – именно возникшая брешь в магической защите позволила тогдашним Светлым нанести самый сильный в истории удар, уничтоживший не только самого Вольдемара, но и весь его континент вместе с десятками миллионов жителей... Официальная доктрина, разумеется, гласит, что это было оправдано, ибо они предали Тьме, – с горькой усмешкой произнес Кай. – Включая грудных детей, да. Кстати, и на нашем континенте тогда погибло около ста тысяч из-за вызванных катастрофой землетрясений и гигантских волн, обрушившихся на юго-восточное побережье, о чем теперь предпочитают не вспоминать. Но это было потом, а на самом Пелльрондском поле полегло почти триста тысяч только со стороны Коалиции. И почти все они, разумеется, захоронены прямо там.

– Триста тысяч зомби – это серьезно, – пробормотала Изольда. – И теперь они намерены поставить во главе этой армии ее прежних командующих. Которые, конечно, уже не те, что при жизни, но в качестве символа... того последнего, за чем все эти мертвецы шли, еще будучи живыми... Многие из них, вероятно, даже не поймут, что умерли и пролежали в земле больше трехсот лет, и будут думать, что по-прежнему участвуют в войне против Вольдемара. Насколько, конечно, к зомби вообще применимы понятия "понимать" и "думать".

– Пока что все это только наше предположение, – напомнил Кай.

– Но более чем вероятное, – Изольда вдруг резким движением сбросила посуду со стола, освобождая место. – Адъютант! – гаркнула она. – Карту, линейку и циркуль, немедленно!

– Слушаюсь, Госпожа! – донеслось из-за занавески, повешенной вместо сгоревшей двери. Через минуту стриженный "ежилом" молодой человек в мундире торопливым шагом пересек комнату, неся затребованное. Адъютантов Изольда меняла с той же частотой, что и оруженосцев, и по той же причине; из-за этой ее манеры и собственной плохой памяти на лица Кай вечно в них путался, но вот как раз этого парня он помнил – это был тот самый юный корнет, что привел первый отряд перебежчиков из имперской армии. Изольда, коротким жестом отослав его, расстелила карту и погрузилась в расчеты.

– Нет, – произнесла она наконец с сожалением. – У них было достаточно времени. Даже если выехать прямо сейчас и скакать галопом без остановки до самого Пелльрондского поля, их уже не остановить. Они или уже подняли мертвецов, или сделают это в ближайшие часы.

– Ты сказала, им сперва нужно попрактиковаться.

– Полагаю, они сделали это еще до того, как покинули столицу. Мы не знаем, когда именно вскрыли гробницы Пантеона – совсем не факт, что это сделано в последний момент. И мы ничего не знаем о судьбе менее известных захоронений. Если предположить, что они приняли это решение после последней неудачной попытки меня убить, времени у них было даже в избытке.

– И вся эта лавина поперет на столицу, – пробормотал Кай. – Само собой, мы можем оставить город, но ведь от зомби, как я понимаю, даже и оторваться не получится? Любым

солдатам нужен отдых, и только эти способны переть вперед без остановки, пока не развалятся.

– А после того, как развалятся, можно провести ритуал заново и опять их поднять. И так сколько угодно раз. Чтобы убить зомби, надо отрубить голову, а лучше – полностью уничтожить череп.

– М-да. Даже если пересадить всех наших на лошадей, которых нам просто неоткуда взять в таком количестве, ты сказала, что и зомби-кавалерию создать вполне реально. А как у них с водными преградами?

– Способны перейти по дну любой водоем.

– Трупы же должны плавать?

– Ну, если они будут в доспехах, или просто дать им камни для веса... хотя, даже это не обязательно. Они просто войдут в воду с открытыми ртами, она залется внутрь, и этого будет достаточно.

– М-да. Выходит, что драпавший от нас противник внезапно получает решающее преимущество во всем... кроме интеллекта, конечно, но при таком соотношении сил это имеет не более чем морально-утешительное значение. И это ты не просчитала.

– Как и ты, я не предполагала, что они дойдут до черной магии, абсолютная нетерпимость к которой лежит в самой основе их идеологии, – признала Изольда. – Моя ошибка, если тебе от этого легче. Оказывается, я все еще идеализирую людей.

– Мороз, – вспомнил Кай. – Ты можешь заморозить зомби, а потом мы подойдем и поотшибаем им головы. Собственно, одна из причин – некоторые считают, что главная – по которой Вольдемар проиграл Пелльрондскую битву и, в итоге, войну – это сильный мороз во время его наступления на столицу, из-за которого он не смог использовать в своей армии ни зомби, ни выведенных им гигантских рептилий, которые тоже были холоднокровными. Само собой, этот мороз возник не просто так...

– Вольдемару противостояли сильные погодные маги, насылавшие мороз, а мне будут насылать оттепель... – качнула головой Изольда, – правда, я могу подойти к зомби ближе, чем маги – ко мне. На короткой дистанции у меня преимущество. Но ведь никто не заставляет гнать мертвецов одной плотной толпой. Если они будут наступать, скажем, группами по три тысячи, с интервалом в пару миль между группами, мне придется замораживать каждую группу по отдельности, и я выбьюсь из сил задолго до того, как они закончатся.

– Тогда мы можем отойти на север, тем более что скоро зима. Туда, где мороз не нужно поддерживать искусственно. Если успеем, конечно. Проклятье, ненавижу холод...

– Если и успеем, они перережут наши пути снабжения. Теперь им есть, чем это сделать.

– Но и на севере живут люди. И если маги – вместе с Императором и официальным правительством, как я понимаю – останутся со своими мертвяками на юге, то я сомневаюсь, что им удастся и дальше устраивать тотальные эвакуации при нашем приближении к северным поселениям. Во-первых, это будет сложно чисто организационно. Во-вторых, моральный фактор... даже у тех, кто терпел все, что власти творили до сих пор, лояльность будет очень сильно подорвана, когда они узнают, что так называемые Светлые теперь используют зомби. Тут они сами вырыли себе яму своей пропагандой. Ну а собрав на севере достаточно большую армию, мы сможем дать мертвякам генеральное сражение. И тут уже все козыри будут на нашей стороне, поскольку вражеские маги не смогут приблизиться к полю боя.

– Север не так уж густо заселен, – покачала головой Изольда. – Правда, грядущая зима увеличивает недоступную для зомби зону. Но я, кстати, отнюдь не уверена, что правительство сейчас вместе с магами. Я бы на их месте, как раз наоборот, правительство отправила частично на север, частично на восток, а магов на юг. Именно чтобы сохранять контроль над возможно большей территорией. В любом случае, этот план превращает войну в затяжную и базируется на слишком многих неопределенностях. Достаточно один раз увязнуть в пурге без провианта и фуража где-нибудь во время перехода по северной тайге и тундре – и мы просто погибнем там

все. Посмотри на карту, какие там расстояния между двумя соседними населенными пунктами... И опять же – уж если они докатились до превращения своих самых чтимых героев в зомби, кто знает, до каких мерзостей они еще додумаются за это время?

– У тебя есть идея лучше?

Изольда некоторое время молчала.

– Среди местных, спасшихся благодаря Цвергу, была беременная, не так ли?

– Хмм... кажется, да. А что?

Изольда поднялась.

– Иди спать, Кай. А у меня сегодня еще... дела.

– Я не ребенок! – возмутился Бенедикт.

– Извини. Неудачно сформулировала. Я имела в виду, что тебе надо выспаться. Ты понадобится мне еще до рассвета.

– Могу я узнать, для чего? – ядовито осведомился Кай.

Она повернулась к нему анфас и серьезно и пристально посмотрела в глаза.

– Чтобы выиграть эту войну.

Как это обычно и бывает, когда ложишься спать раньше обычного с целью выспаться, из этой затеи ничего не вышло: Кай долго ворочался в своем спальном мешке, уложенном на голый пол выгоревших императорских покоев, и думал, что же такое замыслила Изольда и, главное, какую роль она уготовила ему. Эти мысли рождали неприятный холодок в животе и, само собой, лишь дополнительно мешали заснуть. Наконец ему таки удалось выскользнуть из реальности, и в ту же самую минуту (как ему показалось) кто-то потряс его за плечо.

Кай нехотя открыл глаза и увидел сидящего рядом с ним на корточках со свечой в руке адъютанта. Молодой человек приложил палец к губам и жестом велел Каю следовать за ним.

Зевая на ходу, крайне недовольный всей этой таинственностью, Бенедикт двинулся за огоньком свечи в руке юноши по черным коридорам и лестницам выжженного дворца, рефлекторно все же стараясь ступать беззвучно. Они спустились, кажется, в какое-то подземелье – во всяком случае, Кай больше не видел оконных проемов на стенах, и ему это не нравилось. Снова вспомнились "сестры", покушавшиеся на него, и сцена на берегу Обберна, которая должна была еще умножить число ненавидящих его ревнивцев. Изольда заверяла его, что за его безопасностью присматривают. Но в этих пустых коридорах за ним точно никто не идет, он здесь наедине с этим юношей и, никого не предупредив, удаляется все дальше от возможной охраны... Да, Изольда обещала прислать за ним еще до рассвета, но откуда следует, что этот парень действительно выполняет ее приказ? От него одного Кай, не забывший прихватить шпагу, возможно, отбил бы, но что, если юноша ведет его в засаду?

Вдобавок было еще и холодно. Сгоревший дворец, понятное дело, не отапливался, кроме нескольких помещений, где ночевали победители – а эти подземные коридоры не факт что отапливались вообще когда-нибудь...

Но тут парень открыл очередную дверь и шагнул внутрь помещения, в котором Кай еще до того, как разглядел его в полумраке – внутри горел лишь один факел – по запаху опознал конюшню. Конюшня под землей? Он видел такое впервые. Большинство денников, однако, были пусты. Лишь в дальнем справа, почти сливаясь с темнотой, стоял вороной конь. Некая фигура шевельнулась рядом с ним...

– Возвращайся, – приказала Изольда молодому человеку. – Завтра, то есть уже сегодня, будешь всем отвечать, что Госпожа занята важными делами и никого не принимает. Поддерживай эту версию так долго, как сможешь.

– Слушаюсь, Госпожа, – юноша вышел, затворив за собою дверь.

Кай подошел к Изольде, отметив про себя, что она вновь облачена в длинное платье, а не в свой походный наряд (и даже с каким-то, кажется, золотым украшением на шее, которого он

прежде не видел), и задал первый – хотя, несомненно, не самый важный – вопрос, пришедший ему в голову:

– Тебе не холодно?

Из его рта при этом вырвался пар.

– Могу потерпеть, благо недолго, – усмехнулась та. – На самом деле ночной воздух сейчас даже теплее, чем вчера. Держу пари, что предрассветных заморозков не будет. На улице так и останется чуть выше точки замерзания – оптимальная погода для зомби.

– Уже началось?

– Начинается. Мой человек в Совете вышел на связь со мной... в последний раз. Контакт оборвался на середине... ты понимаешь, что это значит. Но главное он все же успел передать. Мы все поняли правильно. Они поднимают мертвецов на Пелльрондском поле. И большинство жителей, кстати, все-таки угнали в том же направлении.

– Свежее мясо и кровь продлевают срок службы зомби, – пробормотал Кай.

– Возможно, не все так мрачно. Жители могли понадобиться лишь как приманка для нас. Они знают, что мне нужны люди, и им нужно, чтобы мы пошли в том направлении. Оно и логично, зачем гоняться за нами, лучше будет, если мы сами придем к ним в руки. То есть, конечно, сами маги отступят при моем приближении, а зомби останутся...

– А это не может быть вброс?

– Мои разведчики подтверждают.

– Разведчики? Ночью?

– Я хотела подождать до утра, но время не терпит. Пришлось отправить их на самых быстрых лошадях обследовать уводящие из столицы дороги с факелами. И да, самая большая толпа очевидно ушла по южному тракту.

– Так какой у нас план? Ты говорила что-то про победу.

– Сейчас они все собрались на Пелльрондском поле. Процесс поднятия такого количества мертвецов, на самом деле, долгий и трудоемкий. По моим прикидкам, даже совместными усилиями они провозятся до вечера. Если скакать без остановки, можно накрыть их там, всех разом, еще до окончания процесса – или сразу после, но до того, как они унесут оттуда ноги.

– Но, как я понимаю, они почуют твое приближение с безопасного расстояния. И либо выставят кордон из уже поднятых зомби, либо сбегут. Либо и то, и другое разом...

– Да. Их возможности будут ослаблены растратой магических сил, но их "сигнализация" сработает. И есть лишь один способ ее обмануть.

Кай понимал, что он него ждут вопроса "какой же?", и решил из принципа его не задавать. Изольда выждала несколько секунд, а затем спокойно произнесла:

– Если я буду мертва.

– То есть? – опешил Кай. – Ты что, тоже хочешь стать зомби?!

– Нет, конечно. Зомби – это необратимо. А это... это тоже некромантия, но другая. Смотри.

Она протянула ему кинжал в простых деревянных ножнах. Бенедикт потянул за рукоять и обнажил длинное и узкое черное лезвие.

– Если вонзить его в сердце, он заберет жизнь из тела. Но именно заберет. Не уничтожит окончательно. Пока тело не начало разлагаться, жизнь можно вернуть. Если снова вонзить этот же кинжал в ту же рану.

– А если в другое тело? – заинтересовался Кай. – Живое или мертвое?

– То эффект будет точно таким же, как от удара обычным кинжалом. Переселиться в чужое тело таким образом нельзя. Иначе проблема бессмертия имела бы слишком простое решение.

– А если промедлить с возвращением...

– Тогда все. Окончательная смерть. Это будет видно по цвету клинка. Сразу же после

того, как выпьет жизнь, он будет светиться красным. По мере того, как состояние тела будет ухудшаться, он будет тускнеть. Когда он вновь станет черным – значит, уже поздно, и сделать уже ничего нельзя. То есть кинжал после этого можно использовать снова, но уже с другим человеком.

– А если во второй раз промахнуться? Я не уверен, что попасть точно в ту же рану так просто. Особенно если это придется делать на глазах у противника.

– Ювелирная точность не требуется. Плюс-минус пара дюймов... а там кинжал сам направит руку. Если же ударить совсем мимо сердца... ну, будет лишняя дырка в теле. Опять-таки, как от удара обычным ножом. Возможности попробовать еще раз это не отменяет, но лечить новую рану придется потом, как самую обычную – если она вообще не окажется смертельной.

– А если все сделать правильно, то рана в сердце...

– Исцелится в момент извлечения кинжала.

– А человек, пока его жизнь заключена в кинжале... что-нибудь чувствует? Осознает?

– Ничего, – покачала головой Изольда. – С его точки зрения – если, конечно, все сделано правильно – первый и второй удар просто сливаются в один. Однако теоретические вопросы мы можем обсудить потом.

– Хорошо. Перейдем к практике. Ты хочешь, чтобы я... заколол тебя этим кинжалом, отвез прямиком на заседание Светлого Совета и там оживил, так?

– Не обязательно прямо на заседание. Достаточно сделать это на расстоянии, где их накроет моя сила.

– Да, конечно... А как насчет моей собственной, гм, силы? Ведь мое прикосновение смертельно для тебя.

– Моему трупу оно не повредит, – усмехнулась Изольда. – В момент воскрешения... конечно, от тебя потребуются осторожность. Надеюсь, у тебя хватит ума не щупать мне пульс, по крайней мере, голой рукой. Некоторый риск, конечно, есть... но мне придется на тебя положиться.

– Ты настолько доверяешь мне? – серьезно спросил Кай.

– Ты прошел все тесты. А я, сам понимаешь, не могу доверить свое тело никому другому.

– Кстати, твои чары не развеются, пока ты будешь мертва?

– Пока клинок не почернеет – нет. Точнее, я не смогу воздействовать ни на кого нового, но все прежнее будет держаться.

– А они это не почувствуют?

– Будем надеяться, что у них под рукой нет никого, влюбленного в меня, по которому они могли бы судить. Точнее, один такой человек был, но теперь его, по-видимому, уже нет в живых. Оставлять его в живых, даже под арестом, для них было бы слишком опасно... Есть другая проблема. Они почувствуют сильный магический артефакт, то есть кинжал. Они не смогут определить на расстоянии, что это, но подозрение это может вызвать.

– И что же делать?

– Надеюсь, эта штука поможет, – Изольда коснулась своего колье.

– Что это?

– Само по себе – так, магическая безделушка. Оберег от некоторых женских проблем... мне он, на самом деле, без надобности, но они этого не знают. Его задача только в том, чтобы быть на виду. И тогда они не смогут различить эманации кинжала от эманаций колье. Если только ты не будешь удаляться вместе с кинжалом от моего тела дальше чем на пару ярдов. Проще всего, конечно, будет оживить меня на расстоянии в десяток миль от них. Но для этого нужно точно знать, где они находятся – а ты ведь не маг, ты не почувствуешь. Было бы ужасно обидно повернуть всю эту операцию лишь затем, чтобы воскреснуть посреди Пелльрондского поля и убедиться, что вокруг одни зомби, а маги успели удрать. Так что делай это только тогда,

когда увидишь их своими глазами.

– Как я сам прорвусь через зомби? Не думаю, что они идеально несут караульную службу, но все же, если их там сотни тысяч...

– У тебя же с ними контракт, – усмехнулась Изольда. – В смысле, со Светлым Советом, а не с зомби. Просто требуй, чтобы тебя пропустили. У зомби хватит мозгов, чтобы передать им твои слова. И, разумеется, Светлые захотят лично взглянуть на мой труп.

– Если только они не велят убить меня на месте, как предателя, а потом доставить им оба тела.

– Постарайся убедить их этого не делать, – усмехнулась Изольда. – Уверена, что прежде чем убить тебя – или наградить – они в любом случае захотят с тобой побеседовать.

– А они вообще знают, что то, что мы собираемся проделать, в принципе возможно?

– Это гораздо более редкая магическая техника, чем простая ремобилизация. Я вычитала ее рецепт в одной книге... существующей, судя по всему, в единственном экземпляре. И этот экземпляр находится в библиотеке Фламмештайна. Но я не могу гарантировать, что никто из них никогда не имел к ней доступа прежде. Само собой, для этого им пришлось бы нарушить свой собственный строжайший запрет, для чего в прошлые годы у них не было столь веского повода. И скорее всего любой из Светлых, прочитавший эту книгу, уничтожил бы ее. Но... – Изольда пожала плечами. – Вероятность всегда остается.

– А зачем тебе понадобилась беременная женщина? – вспомнил Кай. – Это как-то связано?

– Я не думала, что мне придется этим пользоваться, – нехотя ответила Изольда. – Я не запаслась этим кинжалом заранее. Он изготовлен сегодня ночью под моим руководством. И финальная операция при его изготовлении – закаливание в крови нерожденного младенца.

– Понятно, – пробормотал Кай, ожидавший чего-то подобного. – А мать?

– Она согласилась добровольно. Любовь ко мне сильнее любви к собственному ребенку.

– Нет, я имею в виду – она выжила?

– Я не акушерка, Кай. И в моей армии их нет. Я не умею вырезать плод из живота матери так, чтобы та осталась жива. Но мы опять теряем время на несущественные темы.

– Кстати, о времени. Ты сказала, что надо скакать без остановки до самого Пелльрондского поля. Не берусь судить, как это выдержит моя задница, но этого в первую очередь не выдержит конь.

– Я наложила на него заклятье. Он будет скакать, не сбавляя темпа, до самой смерти... и после нее.

– Ты же сказала, что не умеешь делать зомби.

– Не умею поднимать мертвецов, тем паче уже разложившихся до скелета. А вот с еще живыми проще. Это не настоящая ремобилизация, это более примитивное заклятие. Оно обрекает заклятого выполнять одно и то же действие до бесконечности... точнее, пока у него остаются части тела, способные это выполнять. Смерть в процессе – не препятствие. В данном случае это действие – скакать. И только. Человек, допустим, мог бы шагать. Или, если бы заклятье настигло его в процессе написания текста – снова и снова выводить одну и ту же букву. Настоящие зомби – гении по сравнению с этим. Это, по сути, превращает организм в механизм с ровно одной функцией.

– Но сейчас же он не скачет?

– Заклятие активируется кодовым словом. Его может произнести даже не-маг.

– Каким?

– Этим, – Изольда протянула ему сложенную бумажку и поспешно предупредила: – Только не вздумай произнести его вслух раньше времени.

Кай развернул бумажку, прочитал, несколько раз повторил про себя, запоминая.

– Сядешь в седло – разумеется, после того, как упакуешь в мешок и как следует

привяжешь мое тело – потом выедешь отсюда через этот проход, – продолжала инструктировать Изольда, указывая на темный проем в торцевой стене конюшни. Там будет туннель, просто скачи по нему, и он выведет тебя из города в овраг слева от южного тракта. Когда окажешься на поверхности и выедешь на дорогу, скажешь слово. Ну или можешь сделать это позже, когда почувствуешь, что конь начинает уставать. Но лучше не затягивай.

– Вот не думал, что у нашего коронованного болванчика имеются подземные ходы для тайного покидания дворца... Ты-то откуда о них знаешь? А, ну да – Цверг.

– Именно.

– Значит, нам было не обязательно забивать коней в походе? Мы могли и дальше ехать на... мертвых? Хотя не могу сказать, что я в восторге от этой идеи...

– До первого привала, на котором они бы не остановились. Пустить их в пищу было целесообразнее.

– А мне-то как остановиться в конце пути? На "тпру", как я понимаю, конь уже не отреагирует?

– Придумай что-нибудь, – пожалла плечами Изольда. – Только так, чтобы не переломать кости – твои и, главное, мои. Помни, хотя я и не буду ничего чувствовать, все повреждения, нанесенные моему телу, останутся и после воскрешения... Например – можешь въехать на курган. Вверх по круче даже мертвый конь замедлит темп.

– Нам действительно обязательно так спешить? Я не думаю, что маги опрометью побегут с Пелльрондского поля, едва закончив ритуал. Ведь они будут уверены, что ты по-прежнему далеко.

– Дело не только в них. У меня самой будет мало времени. Тело начинает разлагаться гораздо раньше, чем это становится заметно. Летом у меня вообще в запасе было бы часа три. В такую погоду – как раз столько, чтобы доскакать без задержек до Пелльрондского поля... но вряд ли больше.

– Слушай, а откуда у тебя вообще уверенность, – произнес Кай, вертя кинжал в руках, – что сказанное в древней книге не содержит ошибок, и что эта штука сработает, как надо? То есть в том, что она тебя заколет, я не сомневаюсь, а...

– Ну разумеется, я уже испытала его. За кого ты меня принимаешь – за легкомысленную авантюристку? Всего двадцать минут назад ты общался с человеком, который до этого был мертв около часа.

– Адъютант! – понял Кай. – И что, он что-нибудь помнит о том, что...

– Я же уже сказала – ничего. Все, хватит разговоров, – она встала перед ним, повернувшись анфас, расправляя плечи и вытягиваясь. – Ты ведь учился фехтованию и умеешь бить точно в сердце? На всякий случай – это вот сюда, – она показала пальцем. – Останется небольшое пятнышко крови, по нему тебе будет легче целиться во второй раз.

Кай только сейчас понял, почему Изольда оделась столь не по сезону легко – куртка и теплая одежда, хотя и не обладали твердостью доспеха, могли помешать удару.

– Прости, но у меня есть еще вопрос, – быстро произнес он. – Мне кажется, это важно. Что будет, если сделать зомби из мертвого мага?

– Хм, – Изольду это явно озадачило. – Насколько мне известно, этого никто никогда не делал. То есть Вольдемар, может быть, и делал, но все результаты его опытов покоятся на дне океана. А для Светлых сама идея подобного всегда была немислимым кошунством... Могу только предположить, что с интеллектом все будет так же плохо, как у любого зомби, но магические способности хотя бы частично сохранятся, ибо одно с другим напрямую не связано. И нет, если у тебя почему-либо не получится воскресить меня в срок, я категорически не желаю быть "поднятой", если ты об этом.

– Не об этом. Видишь ли, я этой ночью подумал, что в наших рассуждениях есть неувязка. Мы решили, что Светлый Совет будет поднимать своих – мертвых солдат коалиции.

Но те оказались бы в роли, обратной прежней – перед смертью они защищали столицу, а теперь должны будут на нее наступать. А зомби на что-то годятся только в привычных им при жизни ролях...

– Ты хочешь сказать... эти так называемые Светлые сейчас поднимают против нас армию Вольдемара?

– Я бы на их месте сделал именно это.

– Мой агент не успел сообщить мне, кого именно... Но зачем им тогда генералы со Светлой стороны?

– Конечно, они могли бы попытаться поставить во главе Темной армии мертвых Светлых, в том числе – и любого из Светлых магов прошлого. Но подозреваю, что собственные подчиненные растерзали бы такого командующего. Идеальный вариант – дать армии зомби ее привычных командиров. Однако на самом деле неизвестно, что стало с телами трех магов Вольдемара, павших в этой битве. Официальная версия, что их сожгли и развеяли прах по ветру, появилась лишь полтора столетия спустя. Я в свое время выяснил это, порывшись в Императорской библиотеке – там многие исторические разделы закрыты для публики, но не всё они догадались засекретить...

– Короче!

– В общем, скорее всего их просто зарыли вместе с прочими убитыми. И только те, кто был непосредственно причастен к их уничтожению, могут знать, где именно. А ты сказала, что какая-то память у зомби все же сохраняется.

– Если они нашли и подняли хотя бы одного мага... Проклятье! Как минимум, это даст им возможность связываться с ним дистанционно и командовать через него армией зомби с безопасного расстояния. Самим командовать, а не полагаться на гниющие мозги мертвых генералов! Все, Кай! Действуй! Мы и так потеряли кучу времени!

Кай примерился и занес кинжал. Изольда требовательно смотрела на него обоими глазами. И все же он не удержался от еще одного вопроса:

– Неужели тебе не страшно?

– Страшно, – ответила она. – И что?

Кай ударил.

Под угрюмо-серым небом по безжизненной равнине бесконечную дорогой одинокий всадник скачет... Ритмические строки рождались в голове Кая в такт бегу его коня – пока еще не мертвого (Кай чувствовал тепло его тела и видел пар его дыхания), но механической размеренностью своих движений уже куда более напоминавшего нечто неживое. Конь слушался узды, вписываясь в повороты (немногочисленные и не крутые, ибо дорога по равнине шла практически прямо), но на попытку натянуть поводья лишь поднимал голову, не прекращая скакать. Каждый подскок лошадиной спины отдавался ноющей болью в бедрах и ягодицах седока, и Кай поневоле завидовал содержимому мешка, крепко привязанного впереди седла – не чувствовавшему на всем протяжении этой жуткой скачки никакого дискомфорта, ни физического, ни морального.

Триста двадцать три года назад по этой дороге уходила на юг полумиллионная армия Светлых – все, что удалось собрать со всего континента после почти года поражений и отступлений. Уходила, как многим тогда казалось (и как и в самом деле вышло для большинства из них), в свой последний бой, который должен был определить дальнейшую судьбу всего мира. Несколько дней назад, также повинувшись приказам Светлых, по той же дороге в том же направлении прошла не меньшая толпа, тоже собранная из разных мест – только это уже не была армия, мрачно и даже обреченно, но все-таки гордо шагающая под своими знаменами. Это была гигантская толпа обывателей, горожан и крестьян, согнанных со своих мест исключительно страхом – перед Изольдой ли, перед имперскими ли властями, карающими смертью уклонение

от эвакуации – усталых, злых, растерянных, бредущих, словно стадо на бойню, под резкие окрики конных стражников, разве что не щелкавших бичами. Стражников, которые были не иноземными врагами-поработителями, а "своими", представителями той самой имперской власти, в непогрешимость которой, обеспеченную мудростью Светлых магов и подтвержденную веками незыблемой стабильности, все эти люди привыкли верить... В этой толпе были представители всех возрастов, обоих полов и почти всех сословий (за исключением, конечно, имперской элиты, умчавшейся впереди прочих на собственных экипажах). Полуграмотные крестьяне, которых гнали пешком от самого Хельбургена, шагали рядом со столичными щеголями, еще за несколько дней до этого с презрительной неприязнью взиравшими из своих изящных окон на "сиволапое быдло", заполняющее *их* город – величайший город мира, с которым, как они были уверены, ничего не может случиться по определению. Мало кто из этих людей был привычен к длительным пешим переходам, тем паче по осенним дорогам, далеко не все имели для этого подходящую одежду и обувь... Самых маленьких и самых старых, а также лежачих больных, везли на подводах, но подвод было мало – из города почти всех выгоняли пешком, опасаясь, что повозки создадут заторы на улицах и приведут к чрезмерному растягиванию колонны, а кроме того, большое количество лошадей создало бы проблемы с фуражом. Множество лошадей было оставлено в столичных конюшнях на страшную смерть в огне...

Некоторые беженцы катили своих детей и скарб на ручных тележках, но большинство вынуждено было тащить все на себе. Те, что находились в пути уже не первую неделю, давно избавились от всего лишнего, но многие столичные жители переоценили свои силы, и теперь первые мили пути были буквально усеяны брошенными, затоптанными в грязь вещами; пока не рассвело, Кай даже опасался, что конь может сломать ногу, налетев на какой-нибудь ящик с перебитым фарфором. Попадались ему и трупы упавших и задавленных в толпе – в лучшем случае оттащенные на обочину, но чаще втоптаные в дорогу. Он уже видел такое по пути в столицу, но теперь толпа, двигавшаяся впереди, была намного больше.

Часа через три после рассвета, однако, дорога вновь стала мощеной. Очевидно, до кого-то наконец дошло, что глупо разбирать дорогу перед собственными беженцами, а разбирать ее за ними нет времени, да и теперь уже, видимо, смысла. Кай, впрочем, недолго радовался этому обстоятельству, ибо, хотя скорость несколько возросла, каждый удар копыта по твердому камню теперь еще отчетливее отдавался в его зад.

Вскоре впереди показалась и первая за многие дни неразрушенная деревня; тракт разрезал ее надвое, превращаясь на этом участке в ее главную улицу. Кай промчался по этой улице, и звонкий стук подков по камням был единственным звуком, нарушавшим ее мертвую тишину. Деревня, конечно же, была пуста, но дома стояли целые, и в большинстве окон даже уцелели стекла. Двери, впрочем, были нараспашку, и повсюду виднелись следы прошедшей здесь толпы, наверняка выгребшей все съестные припасы, которые теперь никто уже не травил и не уничтожал. Тем не менее, Кай был бы рад остановиться здесь, дав хоть немного отдыха себе и коню, которому становилось все хуже – все тело вороного покрыл мылкий пот, дыхание сделалось тяжелым и хриплым, и всадник мог ощутить коленями, как отчаянно колотится лошадиное сердце. Но, даже если бы обреченный конь слушался команды "тпрру!", Кай не стал бы этого делать. Перед деревней он, не в первый уже раз, извлек из-под куртки кинжал и наполовину вытянул его из ножен. Там, в подземной конюшне, сразу же после того, как Кай вытащил клинок из груди Изольды и обтер его от крови, тот сиял алым светом на все подземелье чуть ли не ярче факела. Теперь – лишь тускло светился багровым. Кай понимал, что днем на улице, даже при пасмурном небе, свет того же источника всегда будет казаться слабее, чем во мраке подземелья – но столь же хорошо понимал и что дело не только в этом. Время Изольды таяло с каждой минутой – и с каждым мгновением.

В нескольких милях за деревней тело коня пробрала крупная дрожь, голова мотнулась,

роня кровь из ноздрей – а затем хриплое, храпящее дыхание оборвалось. Но ноги продолжали все так же размеренно высекал дробь из булыжника. Кай ожидал этого, и все же ему сделалось не по себе. За последние месяцы он повидал достаточно трупов – не то что лошадиных, но и человеческих – и сам уже не раз отнимал жизнь, но ехать верхом на мертвом существе... В первый миг ему было даже трудно поверить, что это действительно происходит, что его скакун мертв – но липкий конский пот быстро высыхал на холодном ветру, и почти столь же быстро остывало тело между коленями Кая. "Это то же самое, что машина, сделанная из дерева, которое тоже когда-то было живым", – сказал себе Бенедикт. Насколько все же сильно наше отношение зависит не от сути, а от терминологии... В любом случае, ему ничего не оставалось, кроме как скакать дальше – на мертвом коне, с мертвым телом женщины, привязанным перед седлом. Для Изольды, кстати, это хорошо – ей ведь нужен холод. Жаль, что они с ней не подумали об этом заранее. Возможно, надо было перерезать вену на шее коня сразу после активизации заклятья...

Едва различимое сквозь тучи солнце перевалило за полдень и начало свой спуск к закату. Кай миновал, не заезжая внутрь, довольно крупный город, хотя по сравнению со столицей это был всего лишь городок – еще недавно здесь жило тысяч сорок. Ворота были закрыты, и над башнями по-прежнему реяли имперские флаги. Остался ли внутри кто-то живой? Может быть, сейчас имперцы, по причинам спешки, и без того гигантской толпы беженцев и, главное, поменявшейся концепции борьбы и не проводили столь жесткой зачистки, как прежде. Какой будет реакция попрятавшихся там людей, которые ждут Изольду, а дождутся мертвую армию поверженного три столетия назад врага? Того самого Врага, именем которого пугают детей и победа над которым считается чуть ли не главным событием во всей истории – затмевая даже Объединение, ибо, несмотря на все усилия придворных историков и писателей, полтора десятка лет войн между бывшими братьями по оружию, крупнейший из которых решил подмять под себя всех прочих, все-таки трудно подать как нечто безусловно положительное. Хотя даже и эти войны освящаются все через ту же Великую Победу – мол, именно в результате войны с Вольдемаром, выиграть которую удалось лишь совместными усилиями, маги разных королевств поняли, сколь пагубна политическая раздробленность и сколь важно единство всех Светлых мира, а косные, цеплявшиеся за власть в своих странах монархи из своих узкоэгоистических соображений им препятствовали... Среди этих косных королей были, между прочим, и герои Пелльрондской битвы, причем именно они наиболее яростно сражались за свою независимость, и под теми же лозунгами, под которыми шли против полчищ Вольдемара – лучше умереть в бою за свободу, чем жить рабом всемирной тирании... но об этом, конечно же, предпочитают не вспоминать, и, само собой, своего места в имперском Пантеоне Героев они не удостоились. Не говоря уже о том, что Империя подмяла под себя не только монархии, но и пару вполне демократических республик... Нет, ну их, ну их, эти подробности войн Объединения... то ли дело – война с Вольдемаром, где все так ясно и однозначно: Свет против Тьмы, Абсолютное Добро против Абсолютного Зла... Почему-то всякий, кто борется со злом – допустим, даже реальным, а не раздутым пропагандой – автоматически получает ярлык добра, хотя одно никак не следует из другого. Паук, сожравший другого паука, ничуть не добрее своего противника...

Интересно, а если бы нынешние Светлые смогли добраться до останков самого Вольдемара, они бы и его подняли? И насколько они вообще отдают себе отчет в том, что вновь выпускают в мир? Да, теоретически зомби не должны превратиться в неуправляемую проблему, не потому даже, что они тупые – крысы, разносящие чуму, едва ли умнее – а потому, что со временем сами сгниют и развалятся, если их снова не ремобилировать и не подкармливать свежим мясом и кровью. Но где гарантия, что эта орда из сотен тысяч зомби не сможет подкармливаться самостоятельно? Для этого тоже большой интеллект не требуется. А если среди них будет еще и хотя бы один маг... и если окажется, что этот черный маг Вольдемара даже и после смерти сохранил способность поднимать мертвецов...

Еще через дюжину миль конь потерял правую переднюю подкову.

Разумеется, он продолжал скакать, но теперь он скакал, хромая, увеличивая тряску и страдания Кая, соответственно. Бенедикт подумал со злостью, как могла Изольда, все просчитывавшая, не проверить, насколько надежно подкован конь? Тут же, впрочем, он понял, что она это наверняка проверила. Просто ни один нормальный конь никогда не скакал так долго с такой скоростью – и мощеная дорога, которой Кай в первый момент опрометчиво порадовался, лишь увеличивала износ. Теперь твердые камни будут разрушать копыто. Конечно, мертвый жеребец будет скакать и дальше, даже если его копыто сточится до кости – но комфорта всадника это определенно не увеличит. Да и скорость... скорость все-таки стала ниже.

Кай вновь вытащил кинжал, посмотрел на клинок, цветом уже напоминающий тлеющие угли. Он знал, что шпорить неживого коня так же бесполезно, как и останавливать. Ему оставалось только ждать, трясясь и подпрыгивая в седле и периодически растирая ладонью дубеющее на холодном ветру лицо. Ждать конца дороги.

Внезапно Кая ожала мысль, что если Изольда умрет окончательно, перестанет действовать и заклятие, наложенное ей на коня. И тогда эта туша рухнет на полном скаку. Но главное – если она *не* умрет и маги увидят, на чем он приехал, они поймут, что Изольда еще жива. До этого Кай думал, что на вопрос, где он взял такого коня, ответит, что это конь Изольды, а как именно она его заколдовала, ему, Каю, неизвестно, он же не разбирается в магии. Но никакие чары не могут действовать после смерти чародея. Проклятье! Они вдвоем прохлопали этот абсолютно очевидный момент! Вот так всегда бывает, когда строишь идеальные планы. Какая-то совершеннейшая мелочь...

Конечно, само по себе это еще не катастрофа – коль скоро он вовремя об этом вспомнил. Просто надо избавиться от коня раньше, чем он окажется в лагере Светлых (хотя какие они теперь, к Вольдемару, Светлые...) Он скажет им – если их вообще будет волновать такая мелочь – что его конь издох, не выдержав гонки (что, кстати, будет чистой правдой), и поэтому последнюю часть пути ему пришлось проделать пешком. Но это значит, что путь займет больше времени, а Изольда говорила, что его и так впритык...

Пока же он скакал все дальше и дальше, мимо пустых сел и городов, мимо бурых раскисших полей и чахлах рошиц – в основном осинников и березняков, тянувших к низкому серому небу голые, как прутья, ветки. Иногда его провожали лаем брошенные в деревьях голодные собаки, иногда при его приближении взлетали с шумным карканьем вороны (Кай не всматривался, что они там клевали на обочинах). За исключением его самого, это были, кажется, единственные живые существа на многие мили вокруг. Птиц-соглядатаев, похоже, не было – или маги Совета вообще прохлопали одинокого всадника, покинувшего столицу в темноте через тайный ход, или им было сейчас не до этого.

Конь хромал все сильнее, хотя, конечно, разбитое копыто уже не могло причинять ему боли. Начало темнеть; впрочем, Кай понимал, что сумерки наступили раньше из-за сплошных туч, обложивших небо, и на самом деле до заката еще не меньше часа. Наконец слева показался простой каменный обелиск, и Кай понял, что уже недалеко от цели: этот обелиск был установлен на братской могиле раненых, скончавшихся в первую ночь после Пелльрондской битвы. Значит, до самого поля еще шесть миль.

Кай свернул с тракта налево, на тропинку, ведущую к обелиску. Тропка почти полностью заросла – очередные юбилейные торжества прошли три года назад, и с тех пор здесь, кажется, никто не появлялся. Три с лишним века прошло, кто теперь помнит погребенных в братских могилах – тем более не в главных, на самом поле, а здесь, на отшибе... как будто раненые виноваты, что не пали героической смертью с оружием в руках прямо на поле битвы, а еще несколько часов стонали и мучились, пока их собирали на носилках и везли на трясках повозках... Кай уже продумал, как затормозить коня в условиях, когда идея въезжать на нем на курган посреди поля, на виду у магов, была бы явно не лучшей. Под обелиском крутого кургана не было – лишь пологий холмик, да и, в любом случае, добираться отсюда пешком, тем более с

грузом, было бы слишком далеко. Кай лишь использовал его в качестве ориентира. Его целью была река Мораства, протекавшая вдоль северо-восточного края Пелльрондского поля. Вдоль южного берега этой реки командующий левым флангом Светлых выстроил свою пехоту, реализуя свой хитрый план: когда тяжелая кавалерия Темных устремилась в атаку на казавшихся ей беззащитными пехотинцев, те быстро отошли на противоположный берег, а преследовавшие их тяжеловооруженные рыцари на закованных в броню конях провалились под лед. Так, во всяком случае, гласила официальная историография. На самом деле, если бы командир Светлых хотел заманить противника на лед, не подвергая риску своих, он бы с самого начала выстроил пехоту и стрелков на северном берегу. Но он оставил реку у них за спиной, желая отрезать путь для отступления им самим, а "хитрый маневр отхода" на самом деле таки был беспорядочным бегством. Под лед в процессе провалились и преследуемые, и преследователи, но тонули в результате главным образом первые, ибо глубина Морасты не превышает двух ярдов – плохо для пешего в доспехах, но все еще приемлемо для коня и всадника. Однако кони Темных увязали ногами в илистом дне, и кавалерию, потерявшую всю свою мобильность, расстреляли в упор арбалетчики, все же успевшие добраться до северного берега до того, как лед проломился. Так получилось, что трусы, сбжавшие самыми первыми (но поступившие совершенно правильно, ибо, сохрани они верность приказу и останься на позиции, рыцари стоптали бы там их всех без всякой пользы для Светлых), спасли исход сражения, во всяком случае, на этом его участке. Потом, конечно, все это было объявлено гениальным планом...

Для Кая во всей истории сейчас был важен именно тормозящий эффект Морасты для кавалеристов. Лезть в холодную воду не хотелось, но, похоже, это был лучший вариант.

Кай вылетел к реке севернее Пелльрондского поля, там, где она все еще текла почти строго на юг, лишь ниже по течению отворачивая влево. С хрустом проломившись сквозь сухие ломкие стебли не то какой-то многолетней травы, не то кустарника – нимало, понятно, не замедлившие его продвижение – мертвый конь выскочил на топкий берег, обильно поросший камышом. Кай не ожидал, что это произойдет так скоро – он помнил это место по картам из старых книг, описывавших битву, но с тех пор Мораства явно стала шире – и едва успел развернуть коня вправо, чтобы въехать в воду под острым углом к берегу. Под копытами тут же смачно зачавкала грязь, в отличие от дня сражения, не схваченная морозом. Кая мотнуло вперед – скорость резко замедлилась, теперь на каждое копыто налипло по несколько фунтов вязкой грязи, и ноги вороного, все еще пытавшегося мчаться во весь опор, при каждом скачке проваливались все глубже в жижу, хотя он даже еще не добрался до открытой воды. Кай с опозданием вспомнил, что хотел развернуться к северу прежде, чем въезжать в воду, ибо ему совсем не было нужно, чтобы мертвый конь продолжил потом путь в южном направлении и, выбравшись на берег, проскакал через поле. Он резко потянул за левый повод, надеясь, что теперь, когда скорость снизилась, радиус разворота будет небольшим. Однако мертвый скакун, пытавшийся идти совсем не тем аллюром, каким можно двигаться по грязи, плохо слушался узды, и Кай слишком поздно понял, что разворачиваться налево в реку, а не направо на берег, было плохой идеей. Теперь, однако, ему оставалось лишь следовать ей в надежде, что конь все-таки повернет прежде, чем утащит его на самую середину реки. Но, когда это, наконец, произошло, от берега его уже отделяли добрые двадцать ярдов; вода, правда, едва дошла до брюха коню, но это утешало мало, поскольку он увязал все глубже с каждым скачком. Похоже, что за минувшие столетия Мораства не только разлилась вширь, но и утратила формальную глубину, превратившись, однако, из просто реки с заболоченными берегами в совершеннейшее болото. Конь уже еле двигался; Кай продолжал тянуть его за левый повод, желая вернуться ближе к берегу, но при очередном рывке вороной лишь ушел глубже в воду и жижу под ней, не в силах больше выворотить оттуда ноги. Он продолжал ритмично дергаться, пытаясь продолжать скакать, и Кай знал, что он будет делать это, даже уйдя в трясины с головой – и, возможно, очень долго, учитывая, что болото нередко консервирует трупы.

Если, конечно, та, что наложила на него заклятье, не умрет раньше.

Кай вытащил кинжал. Даже в сгущающихся сумерках он уже еле тлел. А до Пелльрондского поля оставалось еще около мили – причем это до северного края, а где там обосновались маги, еще вопрос. Может, ближе к центру, а может, и к югу... Но прежде, чем думать об этих расстояниях, надо сперва преодолеть двадцать ярдов вязкой грязи до относительно сухого берега...

Все тем же кинжалом Кай быстро разрезал веревки, удерживавшие мешок. Подумал с усмешкой – хорошо все-таки, что магическим артефактом, определяющим судьбу мира, на сей раз является кинжал, а не какое-нибудь столь любимое магами и бесполезное в практической жизни колечко... Подумав еще мгновение, по очереди стянул с себя сапоги и зашвырнул их как можно ближе к берегу. Добросить до сухого места не получилось, но он заметил, где они попадали в воду. Где можно вытащить из грязи сапог – можно вытащить и босую ногу, а вот обратное неверно... Затем он сполз по конскому боку в ледяную воду (никаких прыжков, зачем нам проваливаться в грязь сразу по колено?) и стащил туда же Изольду, следя, чтобы горловина мешка – и, соответственно, ее голова – оставалась над водой. Сейчас ей, конечно, было все равно, но вот после оживления вода в легких едва ли пойдет ей на пользу. Материал мешка был плотный, не простая дерюга, но Бенедикт отнюдь не был уверен в его водонепроницаемости. Об этом он спросить Изольду не догадался, и теперь приходилось исходить из худшего. Можно было бы развязать и посмотреть, но нет времени, да и света уже маловато...

Ноги Кай ушли в скользкую холодную жижу не по колено, но почти до середины голени. На миг его живот захлестнула ледяная волна паники – нет, он не сможет их вытащить, он так и утонет тут, в считанных ярдах от берега, составив компанию двум другим трупам... Но он заставил себя аккуратно, без резких движений, выволочь одну ногу из грязи (не обращая внимания, что вторая при этом уходит глубже) и сделать первый широкий шаг. Всего-то и нужно, что три десятка таких шагов. Это же... так... просто...

На то, чтобы сделать эти тридцать шагов, волоча за собой мешок, у него ушло, наверное, не меньше четверти часа. Самым трудным был начальный участок, где казалось, что каждую ногу тянет вниз целая тонная липкой жижи; ближе к берегу дно сделалось не таким вязким, но к этому времени все его мышцы уже ныли от усталости. Когда Кай, наконец, выполз на берег, то просто рухнул в грязь рядом с сапогами (которые нашел и на сей раз добросил до суши пять минут назад) и несколько минут лежал на спине в изнеможении, в ужасе повторяя вслух "только не заснуть!" Затем сел, вылил воду из сапог на ноги, стараясь хоть как-то отмыть налипшую грязь, по очереди обтер ступни о штанины и обулся. Проверил кинжал – не напрасны ли все его старания? Нет, кажется, пока еще не напрасны... но сколько у него в запасе – четверть часа, полчаса? За пятнадцать минут ему точно не добежать, тридцать дают шанс... Можно, конечно, оживить Изольду прямо сейчас – и все проиграть, если магов нет на поле. Хотя, если их там нет, ситуация не изменится к лучшему и если он туда добежит. Но если они все-таки там, Каю требовалось переговорить с ними до воскрешения Изольды.

Он взвалил мокрый мешок на плечи. Несмотря на довольно высокий для женщины рост, Изольда была легкой – тонкая кость, ни унции лишнего жира (Кай вспомнил ее обнаженное тело на берегу Обберна). Фунтов сто, ну сто десять максимум. Но пробежать мило, а то и две, с таким грузом на плечах, если ты не вымуштрованный марш-бросками солдат, а всего лишь поэт, любящий долгие, но спокойные прогулки...

На боку у Кая все еще болталась шпага, с которой он почти не расставался с тех пор, как узнал о возможности покушений на него. Выбираться из болота она не мешала – ножны лишь скользили по грязи, не увязая и не цепляясь – но не будет ли она путаться в ногах или бить по ним во время бега? "Если будет, тогда и брошу", – решил Кай. Пока он вылезал из Морасты, он почти не обращал внимания на холод – пожалуй, ему было даже жарко – но вот теперь почувствовал, как тот пробирает его до костей, не только ноги, но и все тело, и мокрая грязная

одежда отнюдь не помогает согреться. "Ну что ж, – подумал Кай, – бежать веселее будет." Глубоко вздохнув, он поудобнее ухватил Изольду сквозь мешок за плечи и за ноги под коленями – и побежал.

Мертвый конь по-прежнему ритмично дергался в воде, медленно, но верно погружаясь в трясину.

Но им не понять, у них не отнять
Два жупела – Тьму и Свет..
Ну что ж, господа, не буду пенять -
Вы знаете мой ответ:

Железом звеня, седлайте коня,
Скачите во весь опор,
Но только не впутывайте меня
В затеянный вами спор!

Шагайте на бойню, как бык в ярме,
Несите мор и чуму –
Но я не служу ни Свету, ни Тьме,
А лишь себе самому!

Кай бежал под собственную "Песенку негероя", крутившуюся у него в голове. Да, легко было, конечно, сидя в комфорте и тепле за столом, сочинять стихи о том, как ты, весь в белом, стоишь над схваткой. Стихи эти были, на самом деле, написаны как протест против пафоса имперской пропаганды – тогда как раз был очередной юбилей Битвы Великого Перелома, и казалось, что даже из водопроводных труб несется про "Великую Победу наших славных предков, отстаивших дело Света". На тот момент эти стихи, уравнивавшие Светлых и Темных, провозглашавшие, что "итог геройства и тех, и тех" – смерть, разруха и несвобода, казались актом чрезвычайной смелости. А сейчас... сейчас это был просто ритм, под который удобно переставлять ноги.

Шпага моталась на портупее, но по ногам не била – и это было едва ли не единственным положительным моментом. Каю пришлось преодолеть подъем – тот самый, что вынуждал Морасту свернуть влево, в обход Пелльрондского поля. Он был пологим и не слишком длинным, шагом и налегке Кай одолел бы его, не заметив – но теперь едва не сбил дыхание. Когда же он, наконец, добрался до верха, ему открылось во всю ширину пока еще различимое в сумерках поле былого сражения – вместе с участниками такового. Только это были не те участники, славить которых учили в имперских школах.

Кай знал, что это неверный образ – уже хотя бы потому, что скелеты, лишённые мышц, не могут двигаться – и все же воображение упорно рисовало ему костяки в ржавых доспехах, с ошметками гниющего мяса на костях и червями, копошащимися в пустых глазницах, медленно и бесцельно бродящие по полю. Возможно, даже с замогильными завываниями и скрежетом гнилых зубов, сливающимся со скрипом ржавых сочленений. Однако уже издали он увидел, что фигуры на поле выстроены правильными рядами по родам и видам войск – панцирные мечники с двуручными и полуторными мечами, латники со щитами и боевыми молотами, алебардчики с грозными рядами серповидных лезвий, воздетых высоко над шлемами, арбалетчики со станковыми арбалетами, не очень многочисленные на фоне прочих, но устрашающе выглядящие отряды рыцарской кавалерии на защищенных доспехами конях. Да, это был именно стиль Вольдемара, использовавшего почти исключительно тяжелое вооружение. Его кредо было – "лучше нанести один смертельный удар, чем сотню царапин" (его противник, занявший пост

главнокомандующего войсками коалиции перед Пелльрондской битвой после гибели своего предшественника, придерживался противоположного подхода и отвечал на это, что "проще убить одного медведя, чем сотню жалящих ос" – и история вроде бы подтвердила его правоту, предопределив дальнейший упадок тяжелого вооружения в Империи, хотя, если бы не несколько военных случайностей вроде той же схватки на Морасте, кто знает, как бы оно могло обернуться). Но все эти тяжелые доспехи и оружие не были выкопаны вместе с костями их владельцев. Даже если предположить, что их хоронили, не забирая трофеев, за триста двадцать лет в земле от того древнего железа мало что могло остаться, а все эти клинки и латы отнюдь не выглядели ржавыми, гнутыми и пробитыми. Все они были извлечены и доставлены с каких-то имперских складов, где бережно сохранялись десятилетиями, а может, и столетиями – все еще значащиеся в уставах, хотя уже давно не используемые на практике.

Интересно, подумал Кай (всякая теоретическая мысль, отвлекавшая его от собственной усталости, растущей боли в мышцах, рвущего грудь дыхания и железистого привкуса во рту, была благом), зачем зомби полные латные доспехи? Ведь им нужно защищать только голову и шею... ну и конечности, конечно, ибо потеря таковых сильно снижает боевые возможности... но вот туловище прикрывать особо ни к чему, это только лишний вес и трата металла. Все дело в том, что их нынешние начальники просто тупо следуют уставам, предпочитая ничего не менять? Вечный принцип Светлых – не мы придумали, не нам отменять, от добра добра не ищут, как бы хуже не вышло... Или... сами зомби не пойдут в бой, не получив *привычного* для себя вооружения? Они ведь слишком тупые, чтобы понять, что кирасы им больше не требуются... Какое, однако, трогательное единство в подходах у бывших непримиримых антагонистов, ныне слившихся до полной неразличимости...

Кай подбегал к мертвякам все ближе, и они по-прежнему выглядели скорее как участники исторического парада в честь очередного юбилея, чем как мертвяки. Конечно, полные доспехи, включая шлемы с опущенными забралами, весьма этому способствовали, да и света было уже слишком мало, чтобы различать детали. И все же на какой-то миг у Кая мелькнула мысль – да полно, действительно ли это зомби, а не обычные солдаты? Тут же, впрочем, понял, что это очень глупая мысль. Маги ведь прекрасно знают, что будет, если Изольда приблизится к любой армии, состоящей из живых (и взрослых) солдат. А затем он осознал и наглядное подтверждение сущности выстроенного на поле воинства: все эти закованные в броню фигуры стояли совершенно неподвижно. И от этой противоестественной безмолвной неподвижности неисчислимых тысяч человеческих (и лошадиных) фигур веяло даже большей жутью, чем от скелетов с червями в глазницах.

По крайней мере, думал Кай, они не навоят на меня арбалеты. Было бы ужасно обидно после всего быть продырявленным в последнюю минуту, даже не успев вступить в переговоры.

Пока что они вообще никак не реагировали на его приближение. Может быть, до сих пор не видят? Уже, конечно, довольно темно, но вряд ли до такой степени... хотя – что он знает о зрении зомби? Или устав, которому они до сих пор следуют, не рассматривал одиночку, в открытую бегущего навстречу, как угрозу для целой армии? Даже если у этого одиночки за плечами мешок, в котором может быть, например, труп умершего от чумы. Или хуже того – живой маг... Нет, Вольдемару все же должно было хватить подозрительности, чтобы не пренебрегать подобными угрозами.

Кай уже прикидывал, как пробежит между выстроенными на поле полками, если те и дальше не проявят никаких признаков жизни... в смысле, активности, но, когда до ближайшей шеренги оставалось ярдов сорок, из той самой щели, в которую он намеревался проскочить, выехал всадник в вороненых латах на черном коне (куда более могучем, чем тот, на котором приехал Бенедикт). Кай знал, что воронение – всего лишь защита от ржавчины, но выглядело стильно, что да, то да, и к тому же в сгущающейся тьме рыцарь был едва различим, тем более что и конь его ступал по мягкой земле практически беззвучно. Длинное острое жало копья –

тоже черное! – опустилось, направляясь прямым в грудь Каю.

– Стой, кто идет? – раздался глухой, лишенный интонации голос из-за забрала.

"Никто не идет. Лично я бегу", – подмывало ответить Кая, но мертвец, конечно, не оценил бы юмора (впрочем, в подобной ситуации и живые воины не расположены к шуткам). Бенедикт остановился, как ему и приказали (сразу же почувствовав, как приливает к коже горячая волна) и, борясь с тяжелым дыханием и сгибаясь под тяжестью своего груза, прохрипел:

– Кай... Кай Бенедикт вернулся... выполнив задание... вашего начальства . Мне нужно увидеться с ним. Это очень важно... и очень срочно. От этого... зависит... исход войны.

Черный рыцарь подъехал вплотную, и копьё уперлось в грудь Кая. У того не было сил даже отстраниться, да он и понимал, что это бесполезно. Наконечник копья скользнул выше, провел по мокрой от пота шее и уперся снизу в подбородок, заставляя Бенедикта поднять голову.

Кай посмотрел в черное забрало, тщетно пытаясь различить что-то за ним (теперь воображение рисовало горящие углями глаза, хотя он знал, что и этот образ неверен), и лишь теперь сквозь запах собственного пота различил тяжелый дух, исходивший одновременно от коня и всадника. Не разложения, пока еще нет. Влажной, разрытой земли.

– Ты боишься, – констатировал мертвец все тем же тусклым голосом. – Но ты не врешь.

Да, все сказанное Каем и впрямь соответствовало истине. Даже то, что он выполнил задание – ведь он убил Изольду, не так ли? А то, что ее еще можно оживить (*можно ли?*) – это уже другой вопрос...

Но откуда это... существо это знает?!

Маг, понял Кай. Они все-таки подняли вольдемарова мага. Может быть, самого главного. А может, и всех трех.

Впечатленный этим открытием (интересно, врожденное ли это магическое свойство – отличать правду от лжи, и если так, насколько гарантированно оно приводит на Темную сторону?), Кай слишком поздно заметил, как что-то мелькнуло в воздухе над его головой, и тут же его шею захлестнула петля. Бенедикт мог бы поклясться, что мертвец при этом даже не шевельнул рукой.

– Эй! – возмутился Кай. – Я и сам пойду!

Но мертвый маг не удостоил его ответом. Он развернул своего коня (который сзади казался еще внушительнее, чем спереди) и поехал вглубь Пелльрондского поля мимо по-прежнему неподвижных полков. Каю ничего не оставалось, как бежать следом за ним, придерживая на плечах тело Изольды.

Безумная авантюра, думал Кай, из последних сил переставляя ноги (его мышцы – теперь уже, правда, не столько ног, сколько спины, плеч и рук – уже не просто ныли, а вопили в голос). Они меня обыщут, найдут кинжал... и пусть даже они не знают, что это, этому правдознавцу останется только задать вопрос... Пока у Кая, однако, даже не забрали шпагу – которая, впрочем, не могла причинить никакого вреда ни закованному в латы всаднику, ни его мертвому коню. Да и петля на шее явно была не простой веревкой и могла самостоятельно пресечь малейшую попытку сопротивления...

Несмотря на все проблемы своего положения, Кай старался поглядывать по сторонам и оценивать то, что видит. Он не мог, конечно, точно сосчитать выстроенных на поле зомби, но трехсот тысяч там определенно не набиралось. Что, впрочем, было совершенно закономерным – ведь триста тысяч (двести девяносто семь, по официальным данным) потеряли Светлые. Потери Темных никогда так точно подсчитаны не были, но даже официальные историки не отрицали, что они были меньше почти в два раза. Количественно. Зато куда серьезнее в качественном отношении, включая потерю всех командующих. И кстати, черепа, очевидно, уцелели далеко не у всех погибших, что с одной, что с другой стороны – об этом они с Изольдой тоже не подумали... Похоже, что общая численность армии мертвецов – порядка ста двадцати тысяч. Хотя, конечно, и это – весьма серьезная сила, особенно против Армии Любви, в которой

настоящих тренированных солдат около тысячи, включая инженерные части...

Стало быть, нынешние наследники былых победителей, поднявшие армию тогдашних врагов, управились с делом быстрее, чем если бы они поднимали своих. И теперь их мертвое воинство уже полностью готово в бой. Может быть, они уже даже успели несколько отдохнуть и восстановить свои силы... а то и вообще ретироваться с поля? Куда тащит Кая этот тип – в ближайшую палатку или, может, в какой-то штаб, расположенный в милях отсюда? В последнем случае он точно не добежит... свалится, и петля его задушит... нет, он нужен им живым... хотя – нужен ли? Они сумели допросить мертвецов, три века пролежавших в Пантеоне Героев...

Но это все-таки менее удобно, чем допрашивать живого, сказал себе Кай, давя поднимающуюся откуда-то от живота волну страха. Хотя, наверное, и безопаснее. Вся надежда лишь на то, что они не считают его опасным. Несмотря на то, что сами сделали его убийцей...

Кай споткнулся и едва не упал со своей ношей, а когда, обретя равновесие, вновь поднял голову, то увидел впереди свет. Там – не на вершине Кургана Славы, что было бы эффектно, но неудобно, а в паре сотен ярдов правее от его подножья – стоял большой шатер, чьи полотняные стены подсвечивал мягкий желтый свет, пробивавшийся изнутри, и красно-оранжевый – снаружи. Было в этом, особенно в сочетании с темнотой и холодом вокруг, что-то от уличной новогодней декорации. Впрочем, Кай никогда не любил Новый год, как и дни рожденья. Что может быть глупее, чем радоваться очередной вехе на пути к смерти...

Впрочем, сейчас этот путь мог оказаться куда короче, а веха – куда буквальнее.

Хотя и не обязательно для него самого.

Главное, чтобы в этом шатре действительно заседал Светлый Совет. А не какие-нибудь, к примеру, унылые имперские чиновники или увешанные орденами "за выслугу лет" паркетные генералы, откомандированные сюда магами после того, как последние завершили свою работу по ремобилизации. Впрочем, трудно себе представить обыкновенных бюрократов, военных или штатских, командующих армией зомби! Да еще и зомби из воинства Вольдемара...

Мысль о том, что скоро все, так или иначе, кончится, придала Каю сил. Он бежал к шатру, едва не обгоняя черного всадника. Наверное, единственный пленник в истории, сочетающий веревку на шее и шпагу на боку, подумалось Каю. Он все же очень надеялся, что черный не войдет с ним в шатер. Это могло бы создать серьезную проблему. Если только те, что, вероятно, до сих пор без стеснения называют себя Светлыми, им не побрезгуют. Каким бы грозным и величественным магом он ни был при жизни, теперь он для них – не более чем сторожевой пес, который, конечно, полезен хозяевам, но которого не пустят за хозяйский стол.

Вблизи сходство шатра и с бумажным фонариком, и с праздничным павильоном несколько поуменилось. Оказалось, что он опоясан зловеще пылающим огненным кругом – то есть на самом деле там не было ни огня, ни углей, а просто вокруг шатра шла по земле полоса шириной с ладонь, испускавшая неровно пульсирующий свет, подобный свету яркого пламени, и именно эти красно-оранжевые отблески озаряли шатер снаружи. Кай понял, что это, видимо, какая-то магическая защита. Внутри круга, перед входом в шатер, стояли два гвардейца в обычных имперских мундирах, без всяких древних лат. Даже красные отсветы магического круга не могли скрыть мертвенной бледности их лиц, и в первый миг их тоже можно было принять за зомби. Однако неприкрытое выражение ужаса на лицах обоих развеивало эту иллюзию. Вместо того, чтобы нести караул согласно уставу – застыв по стойке "смирно" с обнаженными мечами по обе стороны от входа, они бросали пугливые взгляды по сторонам и невольно жались друг к другу.

"Зачем их сюда поставили?" – подумал Кай. Неужели маги думают, что если что-то пойдет не так – а в некромантии они, что ни говори, дилетанты – то эти два несчастных перепуганных солдата защитят их от стотысячной орды живых мертвецов? Или и здесь устав превыше здравого смысла и реальности?

Передние копыта черного коня замерли в полуярде от огненной полосы. Веревка, однако

– снова без видимых усилий черного всадника – заставила Кая сделать еще несколько шагов вперед и тоже остановила возле пылающей границы. Ага, подумал Кай, похоже, зомби не могут войти внутрь круга. Наконец-то хорошая новость.

– Кай Кай Бенедикт вернулся, выполнив задание вашего начальства, – глухо прозвучало из-под вороненого шлема. – Ему нужно нужно увидеться с ним . Это очень важно и очень срочно. От этого зависит исход войны.

– Не "Кай Кай", а просто Кай, – поспешно произнес Бенедикт, уже успевший немного восстановить дыхание. – И не забудьте доложить, что я намерен получить свою награду, положенную мне по нашему договору.

Один из гвардейцев, не зная, видимо, как надлежит отвечать по уставу – следует ли, в частности, считать мертвого рыцаря старшим по званию – лишь неуверенно кивнул и скрылся в шатре. Его товарищ, оставшись наедине с ночью, жутким всадником и его странным пленником – который вроде бы выглядел живым, но держал на плечах нечто, слишком похожее на труп в мешке – кажется, совсем утратил присутствие духа и лишь зыркал затравленным взглядом из-под стального козырька открытого шлема. Возможно, он, презрев приказ, бросился бы наутек, если бы только было, куда. Если бы этот круг не был его единственным убежищем.

Стоять с Изольдой на плечах было еще тяжелее, чем бежать, и Кай медленно и осторожно опустил мешок на землю. Веревка слегка сдавила его шею, напоминая, чтоб не делал глупостей, но все-таки позволила избавиться от ноши. Кай вздохнул с большим облегчением и все так же осторожно пошевелил плечами и головой. Почти тут же из шатра показался второй гвардеец.

– Прошу, – сказал он деревянным голосом. В тот же миг веревка сама соскользнула с горла Кая, словно удав, раздумавший душить жертву. Бенедикт двинулся вперед, волоча за собой мешок. И он сам, и его груз пересекли пылающую полосу без всякого сопротивления (и, в свою очередь, нимало не нарушив ее свечения). Само собой, ведь Изольда не была зомби.

Внутри шатра, освещенного многочисленными светильниками – на сей раз это были, похоже, самые обычные масляные лампы – за длинным столом сидели четырнадцать мужчин и пять женщин, пристально глядя на вошедшего. Кай не знал, чем вызвана эта вечная диспропорция – действительно ли женщины с магическими способностями рождаются реже, или их способности чаще остаются нераскрытыми, как у гипотетических предшественниц Изольды... Ой нет, поправка – четырнадцать мужчин и четыре женщины. Не хватало самой старшей из них, Люцианы. Так вот, значит, кто был агентом Изольды... Что ж, для Светлого Совета это удобно – можно объявить о смерти восьмидесятилетней старухи от естественных причин. Хотя обычно маги доживают, по меньшей мере, до ста двадцати. В нынешнем составе Совета столетний рубеж перевалили трое, все мужчины.

Игнуc, не входивший в число этих троих – сила и авторитет мага определяются не возрастом – сидел во главе стола, за противоположным от входа и, соответственно, от Кая торцом. Теперь на нем был не простой серый плащ, а роскошная белая мантия (слегка, правда, забрызганная грязью, на что, кажется, никто не обращал внимания). Кай подумал, как выглядит он сам – весь мокрый и перепачканный с головы до ног, со слипшимися волосами, волочащий по матерчатому полу такой же грязный мешок.

– Долгонько нам пришлось вас ждать, Бенедикт, – произнес Игнуc, не скрывая иронии и на сей раз опуская вежливое "господин".

– Мы сэкономим время, если вы не будете ерничать, – мстительно вернул ему Кай его собственную фразу. – Да, с выполнением вашего задания возникли проблемы, непредвиденные для меня точно так же, как и для вас. Но наш контракт не предусматривал ограничений по срокам, не так ли? Она знала о моей миссии. Думаю, теперь вы уже понимаете, от кого. (Несколько членов Совета согласно переглянулись.) Но она предложила мне жизнь, если я буду работать на нее. И мне пришлось втираться к ней в доверие. Долго, ибо она была очень умна и осторожна. Но минувшей ночью мне, наконец, удалось решить вашу проблему. Изольда мертва,

и убил ее я, – Кай не знал, владеет ли кто-то из них тем же искусством определять ложь, что и черный всадник, но в любом случае его слова опять были правдой.

– Это она? – Игнус требовательно указал взглядом на мешок.

– Разумеется. Но прежде я хочу получить свою награду. Замок Фламмештайн в Беллиандских горах, который теперь все равно остался бесхозным. И ежегодная оплата расходов на его содержание из государственной казны.

– Хорошо, хорошо, но сначала покажите тело.

– Сначала бумагу на мою новую собственность.

– За кого вы нас принимаете? И себя заодно? – возмутился Игнус. – Если бы мы собирались вести себя нечестно, кто бы помешал нам силой...

– Разумеется. Но вы ведь не собираетесь вести себя нечестно? – широко улыбнулся Кай. – Мы дольше препираемся, вы бы уже написали то, что я прошу.

– Светлый Совет – не имперское казначейство, – огрызнулся Игнус. – Мы не можем от своего имени...

– Просто напишите расписку, что я выполнил поручение, оговоренное указом таким-то, и вы ходатайствуете перед Императором назначить мне награду, которую я назвал. Полагаю, этого достаточно.

– Ладно, – Игнус повел рукой в воздухе, и Каю на миг показалось, что глава Совета сейчас сотворит документ щелчком пальцев, но тот лишь сказал. – Дайте мне кто-нибудь перо и бумагу.

Один из магов подвинул к нему просимое. Пока он писал, Кай взвалил мешок на стол. Некоторые из магов, сидевших рядом, поморщились, глядя на мокрую грязь, облепившую мешок и пачкающую их чистый стол.

– Вот, – Игнус протянул бумагу соседу справа, и та, быстро пройдя через руки всех сидевших вдоль правой стороны стола, оказалась у Кая. Тот прочитал, сложил, сунул под куртку.

– Но вы ведь понимаете, – продолжал Игнус, – что если вы пытаетесь нас обмануть, и в мешке не она...

– Это она, – Кай поспешно развязывал горловину. – Вся ваша. Можете набить из нее чучело, если хотите.

Руками в перчатках он сдернул мешок, открывая тело по грудь. Платье Изольды было сухим. Значит, мешок все же водонепроницаемый, она и это предусмотрела. Очень хорошо, ибо Кай всерьез опасался, что его пот, проникнув сквозь мешок...

Раздалось несколько удивленных восклицаний:

– Ее лицо!

– Это он сделал?

– Нет, это, похоже, старая травма...

Разумеется – сейчас магия Изольды не действовала, и они видели ее истинный облик. Кто-то был шокирован, кто-то, кажется, отказывался верить, что это действительно Чернявая Ведьма. Но в любом случае – все их внимание было теперь устремлено на ее лицо, а не на Бенедикта.

Кай выхватил кинжал. Что он скажет, если окажется, что уже поздно? Что хотел полностью разрезать мешок? И дадут ли ему уйти? Дело ведь не в замке, а в том, что он видел поднятую Светлыми армию Вольдемара. Если таких свидетелей пока еще достаточно мало, чтобы можно было устранить их всех...

Клинок больше не светился. Даже чуть-чуть.

Он был коричневым.

Но все еще не черным.

Кай ударил сверху вниз, целясь в маленькое бурое пятнышко на груди синего платья. Клинок вошел легче, чем в первый раз, очевидно, и в самом деле отыскав путь точно в рану. Не

медля, Кай выдернул кинжал. Лица магов уже вновь обращались в его сторону – удивленные, возмущенные, начинающие понимать...

Изольда с мучительным всхлипом втянула воздух. Затем открыла глаза.

Все замерли, не исключая Кая.

Изольда закашлялась. Затем медленно села, опираясь о стол дрожащими руками. Похоже, тело все еще плохо повиновалось ей. Но синюшно-бледная кожа уже начала розоветь.

– Госпожа... – несмело произнес кто-то из магов.

– Здесь... – сипло прохрипела Изольда, прокашлялась снова, затем повторила уже нормальным голосом: – Здесь холодно.

Члены Совета наперебой устремились к ней, протягивая шерстяные плащи и меховые накидки. Изольда окончательно выбралась из мешка, встала на пол, небрежным жестом набросила на плечи одну из накидок, не удостоив взглядом того, кого осчастливила своим выбором. Не оборачиваясь, направилась к выходу из шатра. Кай, все еще сжимавший кинжал в руке, не зная, что ему делать, попятился следом за ней, не рискуя поворачиваться спиной к магам Совета.

На пороге Изольда остановилась и, полуобернувшись, бросила через плечо:

– Последний из вас, кто останется в живых, станет моим любовником.

Затем перевела взгляд на Бенедикта: – Идем, Кай.

Прежде, чем выйти из шатра – все так же задом – Кай успел увидеть начало схватки. Не было ни молний, ни огненных шаров. Они не расходовали силы на внешние эффекты. Они просто стояли и смотрели друг на друга – и лишь легкое дрожание воздуха, вздущиеся на висках жилы и выступившие капли пота выдавали, что именно происходит. Каждый из них в эти мгновения просчитывал конфигурации временных союзов – с кем объединить усилия, чтобы совместно сразить более слабого – или же, напротив, более сильного и опасного – дабы уже в следующий миг обрушить новый смертоносный удар на давешнего союзника. Первой упала одна из женщин...

Снаружи Изольду встретили обожающие взгляды двух гвардейцев.

– Свободны, – бросила она им.

– В каком смысле, Госпожа? – робко спросил один из них.

– Ступайте прочь, – она махнула рукой, но тут же к ней вернулась ее практическая сметка: – То есть не просто прочь. Где их кони?

– Они оставили коней по другую сторону кургана, Госпожа. Живые лошади боятся м-м...

– Ступайте и приведите нам двух. Самых лучших. Мертвецов здесь скоро не будет.

"То есть они, конечно, будут, – подумал про себя Кай. – Но не ходячие. И не ездящие."

Перспектива выйти за круг – пусть даже и не в том направлении, где выстроились мертвые полки – гвардейцев явно не радовала, но послушаться Изольду они, конечно, не посмели.

Из шатра донесся вопль, быстро и резко оборвавшийся. Огненный круг замерцал. Каю это не слишком понравилось – если защита от зомби исчезнет раньше, чем сами зомби...

– Отойдем от шатра на всякий случай, – сказала Изольда, плотнее кутаясь в накидку.

– Насколько далеко? – спросил Кай.

– Шагов двадцать хватит. Они сейчас предельно сконцентрированы друг на друге, так что ударов по площадям не будет.

Двадцать шагов вели за круг, и Кай спросил:

– А зомби?

– Не думаю, что они атакуют нас без приказа. В крайнем случае я успею выставить защиту. Я не смогу сдерживать их долго, но долго и не понадобится.

Круг погас совсем. Зато через образовавшуюся в тучах прореху выглянула полная луна, озарив на удивление ярким голубоватым сиянием Пелльрондское поле и застывшие в ожидании приказа шеренги мертвой армии.

– Полнолуние – самое эффективное время для некромантии, – сообщила Изольда. – Как видим, они тоже способны кое-кто просчитывать. Но их это не спасло.

– Твой расчет, между прочим, тоже был неидеальным, – ворчливо заметил Кай. – Времени хватило совсем впритык. Если бы что-то задержало меня еще на несколько минут...

– Приходилось рисковать, – признала Изольда. – Я не могла рассчитать время с абсолютной точностью. Лишь сделать приблизительную оценку. Чтобы получить более точный результат, требовалось довести эксперимент до конца – не воскрешать адъютанта через час, а дожидаться, когда, при той же температуре, его клинок почернеет – но на это я пойти не могла.

"Уж конечно не из жалости к парню", – подумал Кай, и Изольда не замедлила это подтвердить:

– Нельзя было давать им еще один день, в который они двинули бы на нас всю эту армаду, а сами сбежали бы на безопасное расстояние. Так или иначе, ты справился, – она помолчала пару мгновений и добавила: – Спасибо.

– Прошел самый последний тест? – усмехнулся Кай.

– Это уже не было тестом, – серьезно ответила она. – Я не могу позволить себе тесты, в которых результатом провала тестируемого стала бы моя собственная смерть.

– Как ты себя чувствуешь?

– Пока еще не очень хорошо, – призналась Изольда. – Все-таки процесс зашел достаточно далеко. Тело словно чужое. Но это пройдет. Два-три дня...

– И... ты прости, что снова спрашиваю, но прежде тебе приходилось полагаться лишь на чужие слова, а теперь ты знаешь точно... *там* действительно ничего нет?

– Ничего, Кай, – покачала головой она. – Я стояла в подземной конюшне, а в следующий миг уже лежала на столе. Успела почувствовать боль, когда кинжал входил в тело... в первый раз, но в следующий миг ее уже не было. Вот и все. Кстати, могу я получить кинжал обратно?

– Конечно, – ответил Кай, уже успевший спрятать магическое оружие обратно под куртку. Изольда подвесила кинжал к поясу.

– Собираешься использовать его снова? – спросил Бенедикт.

– Кто знает... во всяком случае, надеюсь, что больше не придется делать это с собой.

– Вообще полезная штука, – заметил Кай. – Можно, например, спасти раненых, доставляя их таким способом до места, где им окажут помощь. Можно даже делать хирургические операции без боли и риска, что пациент истечет кровью...

– А тебя не смущает технология его изготовления? – усмехнулась Изольда.

– Ну я же не ревнитель Светлой морали, – фыркнул Кай. – Жизнь одного нерожденного ребенка, который еще даже не является личностью и ничего не осознает, в обмен на жизни многих взрослых полноценных людей – это вполне оправданный обмен. Меня смущает другое. После твоей смерти он ведь превратится в обычный нож, так?

– Всякая магия утрачивает силу после смерти ее создателя, – пожала плечами Изольда. – Но, во всяком случае, в ближайшие лет семьдесят я умирать точно не планирую.

Раздался дробный лязг. Целый полк зомби, гремя доспехами, повалился на землю. Два соседних полка пришли в движение, но беспорядочное и неуклюжее; стройные ряды тут же смешались, сталкиваясь друг с другом. Мимо шатра проскакали несколько мертвых лошадей без всадников; одна из них волочила за собой труп, застрявший ногой в стремени. У трупа оторвалась рука и осталась лежать перед шатром, тускло блестя латным наручем. Дуновение воздуха, с легким хлопком вырвавшегося из шатра, донесло до Кая запах, и он брезгливо наморщил нос.

– Скоро все поле имперской славы будет изрядно смердеть, – кивнула Изольда. – Вся эта многотысячная армия разложится обратно до скелетов в считанные минуты.

Кай достал из кармана свою маску и привычно пристроил на лицо. Она была мокрой, но против вони это было как раз то, что надо.

Из шатра слышались новые крики. Внутри метались отсветы и неясные тени. Полотняная стена с громким треском разорвалась по всей высоте, и через прореху вылетела спиной вперед человеческая фигура. Ударившись о землю, она раскололась на куски, словно статуя.

Вокруг, вблизи и вдали, падали все новые зомби, некоторые – в движении, другие – так и не сойдя с места. Одновременно в небесах развеивались тучи, сплошная пелена рвалась на белесые, просвеченные лунным светом клочья, которые таяли на глазах. Кай почувствовал, что становится холоднее, и поежился в своей мокрой и грязной одежде, обхватывая себя за плечи. Надо было тоже забрать у кого-нибудь из магов подбитый мехом плащ...

Из шатра донесся пронзительный, рвущий уши визг, по всей видимости, женский. Разорванный край материи захлопал, словно флаг на ветру. А затем раздалось мягкое "пуффф!", стены шатра всколыхнулись, словно раздутые изнутри ветром – и начали оседать на землю. Рухнули рейки, поддерживавшие крышу, раздался хруст раздавленного стекла, и пламя горящего масла из разбитых светильников вырвалось наружу, жадно пожирая полотно поверженного шатра. Спустя минуту он пылал уже весь.

– Ну вот, кажется, и все, – пробормотал Кай.

– Нет, – возразила Изольда, указывая в противоположную сторону. – Кто-то из них еще жив.

Кай обернулся и увидел, как по залитому луной и усеянному десятками тысяч трупов полю скачет одинокий всадник в черных латах на черном могучем коне. Скорее всего, это был тот самый. И он скакал по направлению к ним – хотя пока еще был далеко.

– Думаю, это командующий армии Вольдемара, – обеспокоенно сказал Кай. – Ты сможешь его остановить?

– Лучший способ сделать это – покончить с тем, кто его поднял, – ответила Изольда и решительно зашагала к горящему шатру.

Навстречу ей из-под пылающих руин выбрался человек. Сбросил с плеч охваченную пламенем мантию, когда-то снежно-белую, а теперь быстро черневшую. Его камзол дымился, в седых волосах и бороде тлели искры, некогда густые брови сгорели, но он, больше не обращая внимания на последствия пожара, шел вперед.

– Игнус, – констатировала Изольда. – Самый сильный из всех. Что ж, логично.

Сейчас, впрочем, глава Светлого Совета мало походил на самого могущественного мага цивилизованного мира и самого влиятельного человека Империи. Это был просто изможденный старик, с трудом переставлявший ноги. Все его магические силы были растрчены без остатка, да и физических осталось совсем немного. На лице, которое казалось постаревшим лет на двадцать, застыла гримаса страдания – и едва ли единственной причиной такового была боль от ожогов. Сгорбившись и бессильно свесив руки, он ковылял к Изольде, словно умирающий в пустыне путник – к колодцу, не видя больше ничего – ни Кая, подошедшего сбоку, ни, тем более, скачущего откуда-то издали мертвеца.

– Изольда... – мучительно прошелестел его голос. Та иронично приподняла бровь – обычно ее подданные, даже будучи старше ее вдвое, не отваживались обращаться к ней столь фамильярно, просто по имени.

– Я люблю тебя... больше жизни... – продолжал старик, делая еще шаг, затем еще. – Больше всего на свете... Я не могу жить без тебя... Я предпочел бы, чтобы меня разрезали на куски...

Изольда устало усмехнулась. Сколько раз она уже слышала этот бесконечно пошлый набор одних и тех же слов! Она скосила глаза направо, проверяя, где там черный всадник. Она все еще не была уверена, что тот собирается напасть, но все же пора с этим кончать...

– Но... – Игнус подошел уже почти вплотную, – долг...

Из длинного рукава камзола прямо ему в ладонь выскользнул стилет. Старик с неожиданной прытью метнулся вперед, вскидывая руку с оружием и целя Изольде точно в

сердце – пронзенное за этот день уже дважды. Изольда, чье внимание было отвлечено всадником, а тело все еще не вернуло прежнюю подвижность, не успела отскочить.

Но стилет не достиг цели. Игнус застыл, удивленно глядя на стальное жало, выросшее из его собственной груди. Его рот округлился, глаза выпучились, и он издал звук вроде "а... а..." Затем ноги старика подогнулись, и Кай, стоявший позади него, опустил шпагу, позволяя безжизненному телу соскользнуть на землю.

Почти сразу же раздался звук другого, куда более грузного падения. Черный конь, начавший разлагаться прямо на скаку, рухнул, кувырнувшись через голову и с мокрым хрустом ломая шейные позвонки. Вылетевший из седла всадник тяжело грянулся всеми своими доспехами о землю. Шлем отлетел от удара вместе с головой и подкатился к ногам Кая. Тот поднял сапогом забрало, желая все-таки увидеть лицо легендарного мага и полководца. Но под забралом был уже только оскаленный череп в расплывающихся ошметках зловонной гнили.

– Ты очень вовремя, – благодарно произнесла Изольда, – а вот я расслабилась слишком рано. Никогда нельзя этого делать, пока враг жив, в каком бы состоянии он ни находился... Как ты понял?

– Ничего я не понял, – недовольно ответил Кай, – я только знал, что с ним пора кончать, пока до нас не доскакал его приятель. А ты-то чего медлила?

– Да, видишь ли, не люблю убивать людей, не дослушав. Сам понимаешь, это приводит к труднопоправимым ошибкам... но и обратное, как видим, порою тоже.

– Но как он смог? Ты же говорила, что никто из влюбленных в тебя...

– Видимо, очень сильная воля все-таки способна превозмочь любую любовь. Даже такую, какую вызываю я. Но такая воля была лишь у самого сильного мага в мире.

– Теперь точно все? Больше не осталось никого из них?

В пылающем шатре едва ли могло остаться хоть что-то живое, но кто их знает, этих магов...

Изольда на несколько мгновений задумалась, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Нет, больше никого, – подтвердила она. – Да и, сам видишь... – она обвела рукой поле. При свете луны было хорошо видно, что ни единый зомби не остался на ногах. Смерд разложения, плывущий над полем, становился все гуще, и Кай чувствовал это даже сквозь повязку. Да, истинный запах победы в войне – любой войне! – именно такой...

– Ты ведь понимаешь, что это значит? – продолжала Изольда. – Твое заклятие теперь тоже снято.

– Не то чтобы оно мне сильно мешало, но без него все-таки лучше.

– В таком случае, дай руку, Кай. И идем вместе строить новый мир.

Она с улыбкой протянула ему руку. Бенедикт снял перчатку и ответил на пожатие.

Лицо Изольды исказилось.

– Что...?

– Это не заклятье. Это наука, – ответил Кай, выпуская ее пальцы.

– Поч-ч... – спазм перехватил ее горло, и она рухнула на колени, выгибаясь в судорогах.

– Ты и в самом деле думала, что я ради идеалов разума отдам мир во власть безумия? Что я, Кай Бенедикт, помогу строить диктатуру любви? Ты была нужна мне для того, чтобы уничтожить магов. *Всех* магов. Ибо пока они правят миром – не будет ни свободы, ни прогресса. Какими бы благими намерениями, лицемерными или даже истинными, они ни руководствовались. Качественная разница пролегает не между злым и добрым хозяином, и даже не между глупым и умным. А только между наличием хозяина и его отсутствием. Когда-то я думал, что их можно поставить на службу цивилизации, если отобрать у них власть, но я ошибался. Власть к ним, так или иначе, вернется, в той или иной форме – если они не захватят ее силой, то люди сами отдадут им ее, предпочтя зависимость от их могущества собственному развитию. На самом деле мне жаль, Изольда...

Она была уже мертва, и он знал это, но продолжал говорить, обращаясь к ней. Ему надо было произнести все это вслух:

– Я... уважал тебя. Может быть, больше, чем кого-либо, с кем мне доводилось плотно общаться. И я пытался тебя отговорить, но это было бесполезно. И я понимал, что это бесполезно. Ты должна была идти до конца по своей дороге. Ну а я, соответственно, по своей. Я не в восторге от человечества, далеко не в восторге. Но это не повод делать его еще хуже. Если люди когда-нибудь изменятся к лучшему, то только благодаря разуму и свободе, а никоим образом не благодаря любви, вере, моральным догмам или любой иной форме рабства, физического или ментального, принудительного или добровольного. Последнее – это вообще самое худшее, что только может быть. И лучше принудительно выгнать раба на свободу, чем оставить его в желанном рабстве – вот такой вот парадокс...

Кай посмотрел на тело, скорчившееся в грязи у его ног. Изольда лежала левым профилем кверху, словно оказывая ему последнюю любезность – хотя, конечно, это было лишь случайностью. И Кай подумал, что тоже должен оказать ей последнюю услугу.

– Покойся с миром, Изольда, – сказал он. – Никто и никогда не *поднимет* тебя, как ты и хотела. Я позабочусь об этом.

Он подошел к грудe доспехов, еще недавно бывшей черным всадником, и поднял тяжелый боевой молот. Единственная гарантия – полностью уничтожить череп...

Нанося удары, он отвернулся. Но не мог не слышать влажного хруста и мерзкого чавканья. Один из лучших мозгов Империи, уничтоженный человеком, превыше всего ценящим разум...

Затем, так и не решившись взглянуть на результат своих усилий, он поднялся, бросил молот и побрел вперед мимо догорающего шатра, оставив труп за спиной.

Ничего еще не кончилось, разумеется. Любовь никуда не делась из мира, и нельзя даже сказать, что Изольде удалось основательно дискредитировать ее культ. Лицемеры, прикрывающие похоть высокими словами, и недоумки, наслушавшиеся романтических сказок, просто объявят колдовскую любовь к Чернявой Ведьме "ненастоящей" и "противоестественной", противопоставляя ее своей собственной. И новые маги тоже будут рождаться. Если только не будет создана новая служба, убивающая теперь уже не только Темных, а любых младенцев с магическими способностями – решение, не выглядящее хорошим ни с какой стороны, включая надежность. Вот разве что... успехи медицины сведут на нет материнскую смертность? Но когда еще удастся добиться такого прогресса... Впрочем, говорят, голод – лучший кулинар, а нужда – лучший учитель. Людям, оставшимся без магического попечения, в ближайшие годы придется учиться очень активно. Все те проблемы, от которых их прежде защищали маги, обрушатся на них в полный рост. Болезни, неурожаи, стихийные бедствия, преступность, куда более серьезная, чем та, до которой у магов не доходили руки... и очень многие, конечно, взвоят и проклянут перемены. Но застойная система принудительно зафиксированного равновесия в любом случае затрещит по швам и рухнет. Это произошло бы в любом случае, а уж тем более – после тех страшных потрясений и разрушений, которые устроили огромной части территории и населения Империи как раз те, кто стремился систему сохранить.

Но сама Империя тоже еще не погибла. Весьма вероятно, что теперь, когда нет магов, способных подавить любой бунт (а заодно и решать местные проблемы, дополняя кнут пряником), да и вообще имперские институты сильно дискредитированы (и то ли еще будет, когда станет широко известно, что Светлый Совет, главные блюстители имперских духовных скреп, поправил самые их основы, подняв армию Вольдемара!), в провинциях, до Объединения бывших независимыми государствами, вновь начнется бурный рост национально-освободительного движения. Которое, учитывая все сопутствующие обстоятельства, скорее всего, окажется успешным. Но пока – где-то на востоке, а может, даже и на севере, еще сидит в

какой-то временной резиденции Император со своими министрами, а во всех провинциях, не затронутых походом Армии Любви – губернаторы и прочие имперские чиновники, и армия, пусть и использовавшаяся три столетия почти исключительно для парадов и непыльной карьеры, все еще многочисленна... причем вся эта публика, избавившись от опеки магов, при которых многие из высших должностей были лишь синекурой, теперь возжаждет настоящей власти, а генералы – еще и настоящей крови...

И, кстати, пока система еще действует – ему, Каю Бенедикту, надо будет все-таки отыскать ее полномочных представителей и выправить все документы на Фламмештайн. Если, конечно, секретный указ, на который ссылается в своей расписке Игнус, не сгорел вместе со зданием Императорского архива, что было бы чрезвычайно досадно... И с ежегодным государственным финансированием расходов тоже в среднесрочной перспективе возможны проблемы. Но потребовать такой вариант оплаты все равно было разумнее, чем просто наличное золото, способное покрыть расходы на многие годы вперед. Ибо, если начнется хаос, для защиты этого золота пришлось бы нанимать целую армию. Которая, кстати, вполне может решить, что чем защищать чужое золото за плату, проще самим забрать его себе...

Кай услышал позади негромкое постукивание копыт и побрякивание сбруи и, обернувшись, увидел двух солдат с конями в поводу, словно материализовавшихся из его мыслей. Но это были, конечно, гвардейцы, еще недавно охранявшие шатер. Похоже, им была уже ясна и участь Светлого Совета, и участь Изольды. Но Кай ожидал их приближения без опасений, зная, что даже если они и поймут его роль в смерти последней, то не станут ему мстить. Самая сильная любовь в их жизни, продолжавшаяся около получаса, развеялась без следа.

– Что здесь произошло? – спросил один из них (кажется, это был тот, что ходил докладывать о Кае; у него был более смысленный вид, чем у второго) все тем же неопределенным тоном солдата, не уверенного, как следует обращаться к человеку, чина и звания которого он не знает.

– Финальная битва между Изольдой и Светлым Советом, – ответил Кай. – Никто из них не выжил. Зомби тоже больше нет. Войне конец.

Если гвардейцы и усомнились в таком объяснении событий – в конце концов, даже при свете луны и пожара они вполне могли заметить, что Игнус заколот шпагой – никто из них не подал вида.

– Вот... – сказал второй. – Лошади... согласно последнему полученному приказу.

– Хорошо, – Кай окинул взглядом лошадей. К счастью, хотя одна из них была кобылой, вторая все-таки жеребцом. Теперь ему придется учитывать это до конца жизни, тут уж ничего не поделаешь... – Я беру этого.

Его уверенный тон, похоже, придал уверенности и его визави.

– Какие будут дальнейшие приказания... господин? – молодежато спросил первый из них.

– Никаких, – ответил Кай, запрыгивая в седло. – Вы теперь свободные люди. Думайте своей головой, как жить дальше.

Гвардейцы переглянулись, а затем более смысленный спросил:

– Значит ли это, господин, что вы разрешаете нам вернуться в распоряжение господина полковника?

Кай тяжело вздохнул и ничего не ответил.